

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 18/2021

г. Донецк 2021

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 18 / 2021**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2021**

УДК 34

Главный редактор

Заместители

главного редактора:

Ответственный редактор

Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук (*Донецкий национальный университет*)

Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия*), Я. В. Полякова, канд. пед. наук (*Донбасская юридическая академия*)

А. Г. Иванов, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)

В. В. Прозоров, канд. экон. наук (*Донбасская юридическая академия*)

А. В. Броварь, д-р ист. наук. (*Донбасская юридическая академия*),

Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. А. Грабельников, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

С. В. Лихачев, д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск, Россия*),

С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

П. И. Павленко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*),

Б. Н. Сиренко, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*),

В. В. Чамлай, канд. юр. наук (*Донбасская юридическая академия*)

Журнал зарегистрирован

В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.)

В Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол от 29.09.2021 г. № 2

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049

e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов /. – Вып. 18. – Донецк: ДЮА, 2021. – 157 с. – («Юридические науки»).

© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», 2021

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie
vyschego professionalnogo obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

Nauchnyi Zhurnal

№ 18 / 2021

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2021**

UDK 34

Editor-in-chief

N.V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donetsk National University*)

Deputy editors-in-chief:

R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa, Russia*), I.V. Poliakova, PhD in Pedagogy (*Donbass Law Academy*)

Executive editor

A.G. Ivanov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)

Executive secretary

V.V. Prozorov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass Law Academy*)

Editorial board:

A.V. Brovar, Advanced Doctor of Historical Sciences (*Donbass Law Academy*), G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.A. Grabel'nikov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk, Russia*), S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), P.I. Pavlenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), B.N. Sirenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*), V.V. Chamlay, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass Law Academy*)

The journal is registered

Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).

In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No. 433.

Founder and Publisher

State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donbass Law Academy»

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass Law Academy. The Minute № 2 dated 29.09.2021.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher

Address of editor office:

283049, Donetsk, Lebedinsky Street, 9
e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers - Issue 18. – Donetsk: DLA, 2021. – 157 p.– («Juridical science» series).

© State Educational Establishment
of Higher Professional Education
«Donbass Law Academy», 2021

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials.

СОДЕРЖАНИЕ

Бордюгов Л.Г., Черкашин А.В. Понятие специальных экономических знаний, используемых в уголовном судопроизводстве.....	9
Гапотченко Г.Н., Одинцова Т.А. Институт реабилитации в современном уголовном процессе.....	19
Гридин А.Н. Примеры практической реализации принципа территориальной целостности государства и права народов и наций на самоопределение в истории международных отношений.....	27
Иванова Я.С. Правовой компромисс: понятие, сущность и компромиссные нормы в институте освобождения от уголовной ответственности.....	35
Каравацкая С.А. Актуальные вопросы осуществления права частной собственности на недвижимое имущество.....	43
Карло А.Г. Понятие «злостность» как обязательный признак уклонения от уплаты средств на содержание детей.....	52
Карфилов А.П. Несоответствие ответов в экзаменационных билетах, используемых для подготовки водителей транспортных средств, правилам дорожного движения ДНР.....	59
Лысов А.А. «Статьи конфедерации» 1781 года и создание конфедеративного союза в США.....	68
Мазина Н.Е. Сравнительно-правовой метод в системе юридического познания.....	77
Мазина Н.Е., Копыл И.А. Внутренний вооруженный конфликт как предмет правового регулирования в рамках международного гуманитарного права.....	85
Мамона Т.М. Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики и Российской Федерации в контексте гармонизации уголовно-процессуального законодательства.....	94
Мироненко С.Ю., Мироненко Н.С. Социально-правовая природа и понятие некорыстной насильственной преступности.....	102
Моисеева Ф.А., Камалетдинова Н.В. Современный терроризм: социальные предпосылки, направления профилактики.....	111

Педерсен И.А.

Совершенствование налогового законодательства Донецкой Народной Республики в части налоговой ответственности..... 122

Сидоренко Ю.А.

Следовая картина интернет-контрабанды наркотиков..... 130

Чангли В.С.

Системное единство государственного аппарата и принципа разделения властей..... 140

Янчик Е.А.

Должностное лицо как специальный субъект преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления..... 148

CONTENTS

Bordyugov, L.G., Cherkashin, A.V. Definition of special economic knowledge used in criminal proceedings.....	9
Gapotchenko, G.N., Odintsova, T.A. Institute of vindication in a modern criminal process.....	19
Gridin, A.N. Examples of practical implementation of the principle of territorial integrity of the state and the right of peoples and nations to self-determination in the history of international relations.....	27
Ivanova, Y.S. Legal compromise: the concept, essence and compromise norms in the institution of exemption from criminal liability.....	35
Karavatskaya, S.A. Topical issues of the implementation of the right of private ownership of real estate.....	43
Karlo, A.G. The concept of malice as a mandatory sign of evasion of payment for the to child maintenance.....	52
Karfidov, A.P. Non-compliance of the answers in the examination cards used for the training of vehicles with the traffic rules of the DPR.....	60
Lysov, A.A. «Articles of confederation» of 1781 and the creation of a confederate union in the United States.....	69
Mazina, N.E. Comparative legal method in the system of legal knowledge.....	77
Mazina, N.E., Kopyl, I.A. Internal armed conflict as a subject of legal regulation within the framework of international humanitarian law.....	85
Mamona, T.M. Comparative legal analysis of the criminal procedural code of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation in the context of harmonizing criminal procedural legislation.....	94
Mironenko, S.Yu., Mironenko, N.S. Social and legal nature and the concept of disinterested perforce criminality.....	102
Moiseyeva, F.A., Kamaletdinova, N.V. Modern terrorism: social background, directions of prevention.....	112
Pedersen, I.A. Improvement of the tax legislation in the Donetsk People's Republic in part of tax responsibility in term of tax liability.....	122
Sidorenko, Yu.A. A trace picture of internet drug smuggling.....	130

Changli, V.S.

System unity of the state apparatus and the principle of the separation of authorities..... 140

Yanchik, E.A.

Official person as a special subject of crimes against state authorities, interests of the state service and service in local government bodies..... 148

УДК 343.98

Л.Г. Бордюгов, канд. юрид. наук, профессор, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

А.В. Черкашин, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

ПОНЯТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена теоретическим вопросам использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Основной процессуальной формой использования специальных знаний в процессе расследования экономических преступлений является судебная экономическая экспертиза, которая проводится сведущим лицом – судебным экспертом.

Ключевые слова: *специальные знания в судопроизводстве, сведущее лицо, судебный эксперт, специалист, судебная экономическая экспертиза.*

Bordyugov, L.G.,

Cherkashin, A.V.

DEFINITION OF SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE USED IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to theoretical issues of the use of special knowledge in criminal proceedings. The main procedural form of using special knowledge in the process of investigating economic crimes is a forensic economic examination, which is carried out by a well-grounded person – a forensic expert.

Key words: *special knowledge in legal proceedings, well-grounded person, forensic expert, specialist, forensic economic examination.*

Актуальность темы исследования. Быстрое развитие науки в прошлом веке и на границе нового тысячелетия заложило основы научно-технического прогресса, появление новых знаний в различных областях. Их широкое и эффективное использование в расследовании помогает расширить сферу научных методов и технических средств доказывания по уголовным делам.

Актуальность рассмотрения данных вопросов заключается в том, что, как утверждает анализ следственной и судебной практики, недостаточное использование достижений научно-технического прогресса, новейших научных технологий при предварительном расследовании обусловлены отсутствием четко установленного понятийного и категориального аппарата, четкого и единодушного понимания юристами таких категорий как «доказательства», «исследования», «специалист», «специальные знания» и их взаимосвязи, а также предмета, границ и форм применения специальных знаний и научно-технических средств.

Анализ исследований и публикаций по данной проблеме. Вопросы использования специальных знаний в судопроизводстве с определенной периодичностью достаточно активно дискутируются в юридической литературе. Мы можем проследить разворачивание этих дискуссий в трудах Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.Я. Колдина, В.К. Лисиченко, В.М. Махова,

Г.М. Надгорного, А.Я. Палиашвили, М.Я. Сегая, Н.А. Селиванова, З.М. Соколовского, А.И. Шиканова, А.Р. Шляхова и многих других ученых.

В специальной литературе лица, обладающие специальными знаниями и привлекаемые к участию в ходе расследования преступлений, именуются «сведущими лицами» [7, с. 38].

Относительно понятия «сведущие лица» среди ученых, несмотря на несколько разные по формулировке определения этого понятия, существенных противоречий не существует. Так, например, И.Я. Фойницкий определял их как лиц, привлекаемых к участию в деле с целью наблюдения и установления обстоятельств, познание которых требовало применения специальных знаний и представления заключения или выражения мнения о них [10, с. 64].

А.Р. Белкин определяет их как лиц, которые обладают специальными знаниями в определенной области науки, техники или ремесла, и могут выполнять в судопроизводстве функции специалиста или эксперта [1, с. 209].

Из анализа литературных источников можно определить требования, которые присущи сведущим лицам: компетентность, владение специальными (профессиональными) знаниями в определенной области, их сочетание со знаниями особенностей научного исследования, незаинтересованность, объективность, беспристрастность ко всем участникам уголовного судопроизводства, процессуальная самостоятельность, независимость, недопустимость сочетания его функций с выполнением других процессуальных обязанностей в уголовном судопроизводстве.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что сведущие лица – это любые незаинтересованные компетентные лица, обладающие специальными знаниями в определенной области науки, техники, искусства, ремесла и опытом их использования и привлеченные к участию в уголовном судопроизводстве с целью содействия в решении вопросов, требующих применения специальных знаний и практических навыков.

К сведущим лицам в уголовном судопроизводстве следует отнести лиц, не являющихся субъектами доказывания, обладающих специальными знаниями, способными в силу этого служить общим задачам и целям уголовного судопроизводства.

Таким образом, исследование проблемы применения и использования результатов специальных знаний должно рассматриваться неотрывно от понятия сведущего лица.

Целью статьи является научное исследование и анализ проблем, связанных с использованием специальных экономических знаний при расследовании экономических преступлений.

Изложение основного материала. По общему правилу, принято считать, что «специальные знания» – это знания, которыми обладает ограниченный круг лиц. Они приобретаются в ходе получения профессионального образования, опыта практической работы, то есть профессиональной подготовки. Согласно взглядам современной гносеологии, «знания» характеризуются как продукт общественной, материальной и

духовной деятельности людей. Совокупность знаний можно разделить на жизненные (повседневные) и научные, состоящие из теоретических и практических знаний [11, с. 24].

Научные знания получают в результате обучения, в ходе научной и практической деятельности. Теоретические знания раскрывают внутреннюю сущность явлений, их природу и закономерности. Практические знания – это знания о способах трудовой деятельности, способах их применения в различных ситуациях. Практические знания заканчиваются процессом познания, в основном, внешней стороны предметов и явлений, а не их сути. Систему научных знаний составляют гуманитарные, естественные, технические, математические и т.д.

Т.В. Аверьянова и Е.Р. Россинская специальные знания определяют как систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки или техники, искусства и ремесла, которые приобретаются путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимы для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства [12, с. 26].

Р.С. Белкин определяет специальные знания как профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, которые необходимы для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении определенных дел [2, с. 64].

По мнению Ю.К. Орлова, специальными являются знания, которые выходят за рамки общеобразовательной подготовки и жизненного опыта, ими владеет узкий круг лиц. Такие знания являются результатом особой подготовки, профессиональных навыков [8, с. 21].

Следует отметить, что некоторые ученые считают, что специальные знания – это только научные знания.

В частности, М.С. Строгович писал, что в основе экспертизы лежит определенная отрасль научного знания, «разные вопросы техники, искусства и ремесла сами бывают объектом научного исследования, и поэтому любая экспертиза должна базироваться на данных науки» [9, с. 48].

В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль, категорически выступая против такого определения, утверждают, что при расследовании преступлений научные знания не являются единственной сферой специальных знаний, используемых при проведении экспертиз [6, с. 28]. Они считают, что в ряде случаев экспертами назначаются лица, обладающие профессиональными знаниями и практическими навыками в определенной сфере общественной жизни. Нет никаких возражений относительно такого утверждения, но стоит поддержать и мнение М.С. Строговича о том, что техника, искусство, ремесло и профессиональные навыки не должны противопоставляться науке, а наоборот, должны базироваться на научных знаниях [9, с. 50].

В.Н. Махов определяет специальные знания как присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде с целью

содействия установлению истины в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством [7, с. 83].

Уголовно-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики предусматривает использование в необходимых случаях не только специальных знаний, но и специальных навыков (часть 2 статьи 142 УПК ДНР). Навыки – это действия, которые в результате длительного повторения становятся автоматическими. С одной стороны, знания формируются с использованием навыков, с другой – наличие знаний, и в первую очередь практических, способствует выработке навыков.

С учетом указанного выше можно представить специальные знания как научные, технические и другие профессиональные знания, полученные в результате обучения, а также навыки, приобретенные в процессе работы в определенных областях практической деятельности, используемые вместе с научно-техническими средствами для поиска, обнаружения, изъятия и исследования следов преступления с целью получения доказательной и ориентирующей информации.

Развитие общества, развитие хозяйственных отношений, которые позже нашли одно из своих отражений в товарно-денежной форме, обусловили объективную потребность в бухгалтерском учете, а также в контроле результатов хозяйственной деятельности с целью ее эффективного ведения на основе принятия правильных управленческих решений.

Функции контроля за экономическими отношениями стали возможными благодаря появлению учета, возникновение которого связывают с Древним Египтом, Вавилоном, Персией, Римом, Иерусалимом. Спорные вопросы, возникающие между участниками экономических отношений, были предметом судебных разбирательств по обращению одной из сторон, которая защищала свои интересы и нуждалась в помощи специалиста по подтверждению отдельных данных состояния хозяйства – выполнение плана сбора налогов, размер пожертвований и т.п. В основном данные бухгалтерского учета использовались при решении имущественных споров [5, с. 6].

Важным средством обеспечения полного, быстрого и беспристрастного расследования экономических преступлений является использование специальных экономических знаний в целях непосредственного обнаружения, фиксации, предварительного изучения, оценки и использования доказательств, решения вопроса об их наличии и допустимости, правильной квалификации содеянного, определения предмета и границ доказывания, качественного проведения процессуальных действий, организации взаимодействия со сведущими лицами (специалистами, экспертами) в процессе раскрытия и расследования экономических преступлений. Существует ряд направлений применения специальных экономических знаний, наиболее эффективным из которых является проведение судебно-экономической экспертизы.

Учет и контроль стали неотъемлемыми атрибутами, присутствующими в отношениях собственности и хозяйствования еще на ранних этапах их возникновения. Как известно, становление судебно-экономической экспертизы

находится у истоков судебной бухгалтерской экспертизы, поскольку предметом ее рассмотрения являются задокументированные в бухгалтерских документах показатели финансово-хозяйственной деятельности.

В процессе своего развития судебно-экономическая экспертиза, как один из инструментов помощи правоохранительным органам, постепенно трансформировалась из формы контроля в форму применения знаний по бухгалтерскому учету, экономике и т.д. в судопроизводстве.

Становление рынка диктовало новый формат экономических отношений между его участниками, в качестве которых выступали государственные, частные, коллективные предприятия, граждане. В новом формате экономических отношений появлялись и новые формы экономических преступлений, расследование которых правоохранительными органами ставило перед судебно-экономической экспертизой решение принципиально новых задач.

Судебно-экономическая экспертиза по своей сути является экономическим исследованием конфликтных ситуаций в хозяйственной деятельности, которые стали объектами расследования правоохранительными органами, с целью их устранения и предотвращения в будущем.

Как один из востребованных классов судебных экспертиз, судебно-экономическая экспертиза на сегодня занимает важное место не только в уголовном судопроизводстве, а также в арбитражном и гражданском судебных процессах. Использование специальных знаний в органическом сочетании экономической и правовой их сторон является спецификой профессиональной деятельности эксперта-экономиста в исследовании поставленных перед ним вопросов, касающихся бухгалтерского, налогового учета и отчетности, экономической деятельности предприятий и организаций, финансово-кредитных операций. Судебно-экономическая экспертиза в соответствии с поставленными перед ней требованиями решает тот комплекс задач, который не может быть решен судебно-следственными органами, поскольку требует применения специальных знаний.

Судебная экспертиза является самостоятельным научным направлением, в рамках которого разработана общая теория и определено ее место в системе научного знания. Процесс внедрения данных науки и техники в производство, потребление и быт неизбежно затрагивает и такую специфическую сферу человеческой деятельности, как судопроизводство, поскольку судебное разбирательство – это, главным образом, процесс доказывания, который происходит на основе все более глубокого проникновения в сущность вещей. Понятно, что поскольку доказывание в судопроизводстве направлено на установление фактов прошлого, сведения о которых сохраняются в виде информации, что требует специального исследования и толкования, то установление этих фактов практически невозможно без использования данных естественных и технических наук. Экспертиза в значительной степени повышает надежность и доказательственную силу собранных по делу материалов, а заключение эксперта, как источник доказательств, обеспечивает

установление объективной истины. Этот вид исследований значительно расширяет познавательные возможности следователя и суда, позволяет использовать весь арсенал современных возможностей науки. К тому же, назначение и проведение судебных экспертиз достаточно подробно регламентировано законодательством, что является важным залогом соблюдения прав сторон уголовного процесса.

Судебная экспертиза – это процессуальное действие, предусматривающее осуществление по поручению следователя (органа дознания) или суда в определенной законом форме исследований различных объектов соответствующими специалистами и даче на основе этих исследований заключений по специальным вопросам, которые являются источниками доказательств, а содержащиеся в них фактические данные – доказательствами [3, с. 163].

С учетом указанного, судебно-экономическую экспертизу следует определить как процессуальное действие, заключающееся в изучении экспертом-экономистом материалов дела в пределах его специальных знаний по заданию следователя (органа дознания) или суда, с целью установления фактических обстоятельств уголовного, арбитражного или гражданского дела и предоставления заключения эксперта.

К задачам судебно-экономической экспертизы относятся следующие:

– проверка и подтверждение с помощью документальных данных размера недостач или излишков активов и денежных средств, определение периода и места их образования, а также размера причиненного материального ущерба;

– выявление недостатков в организации бухгалтерского учета, отчетности, контроля хозяйственной деятельности предприятия, которые способствовали или могли способствовать причинению материального ущерба или препятствовали его заблаговременному выявлению;

– установление соответствия отражения в бухгалтерском учете осуществленных хозяйственных операций требованиям действующих нормативных правовых актов;

– определение круга должностных лиц, на которых возложена обязанность обеспечения соблюдения требований нормативных правовых актов бухгалтерского учета и контроля, несоблюдение которых было обнаружено в процессе проведения экспертизы;

– установление правильности документального оформления операций по приему, хранению, реализации активов и движения денежных средств;

– установление правильности определения налогооблагаемого дохода (прибыли) предприятий и исчисления размеров налогов;

– установление документальной обоснованности требований истца и возражений ответчика в части, касающейся цены иска.

С момента возникновения судебной экспертизы и на всех этапах ее развития в ней видели важный инструмент правосудия, необходимый для правильного разрешения дела, как на этапе предварительного расследования,

так и во время рассмотрения в суде. На современном этапе развития экономики наиболее распространенными экономическими преступлениями являются преступления по уклонению от уплаты налогов, по невыплате заработной платы и т.д. Исследуя их, эксперты должны использовать соответствующие методики. Одной из главных задач противодействия правонарушениям является совершенствование способов и методов всей правоохранительной деятельности, обеспечения их адекватности потребностям практики на основе объединения усилий для рационального использования современных экономических знаний.

При расследовании уголовных преступлений, гражданских дел и хозяйственных споров часто необходимо устанавливать юридически значимые обстоятельства и связи, которые на основе только правовых знаний выявить невозможно. Одним из эффективных направлений решения подобных задач является расширение форм специальных экономических знаний в процессе судопроизводства. К лицам, которые обладают такими специальными экономическими знаниями, относят специалистов-экономистов, ревизоров, аудиторов, судебных экспертов-экономистов, роль которых в судопроизводстве возрастает из-за ускорения научно-технического прогресса, экономического роста и усложнения механизма хозяйствования и реализуется с помощью использования специальных экономических знаний сведущих лиц.

Эффективность предварительного расследования экономических преступлений в современных условиях напрямую зависит от профессионального мастерства лиц, раскрывающих и расследующих преступления. В совершенствовании этого сложного познавательного исследовательского процесса важную роль играет их совместная деятельность с экспертами-экономистами, которые обеспечивают комплексное и качественное использование современных достижений экономической науки в раскрытии экономических преступлений.

Целесообразность такого подхода к деятельности органов, работа которых связана с противодействием преступности, обусловлена, прежде всего, тем, что объединение усилий административно не подчиненных субъектов этой деятельности позволяет эффективнее использовать современные научно-технические средства, методы и методики, способствующие расширению круга источников криминалистически значимой информации. Препятствием указанного взаимодействия часто являются такие помехи: кардинальные изменения в характере и структуре преступности, рост коррумпированности общества, уровень профессионализма преступников, усиление организации подготовки, совершения и сокрытия преступлений, совершенствование тактики преступной деятельности; нежелание, которое чаще всего связано со страхом, граждан выполнять свой гражданский долг, а именно – принимать участие в расследовании, раскрытии и предотвращении преступлений, отказ в суде от своих первоначальных показаний; организационно-кадровые и другие недостатки органов расследования, к которым прежде всего следует отнести

текучесть кадров, недостаточное материально-техническое обеспечение, высокая загруженность работников и т.п.

Для определения основ дифференциации форм участия специалиста-экономиста в судопроизводстве необходимо их разделить на процессуальные и непроцессуальные.

Анализ уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики позволяет выделить такие процессуальные формы использования специальных знаний: судебная экспертиза (статья 82 УПК ДНР); участие специалиста при проведении следственных действий (статья 142 УПК ДНР).

Современные экономические преступления основаны на глубоких профессиональных знаниях и носят ярко выраженный интеллектуальный характер. Поскольку, согласно действующему законодательству, все операции, из которых состоит хозяйственная деятельность любого предприятия, организации или учреждения, должны находить свое отражение в бухгалтерском учете, основным источником информации при расследовании экономических преступлений и решении хозяйственных споров в судах являются данные первичных учетных документов, записи в регистрах бухгалтерского учета, а также составленная на этой основе отчетность предприятий. Специалисты по бухгалтерскому учету, хозяйственным, финансово-кредитным операциям и т.д. часто привлекаются для проведения судебно-экономических экспертиз в ходе уголовного процесса.

Необходимость их привлечения в ходе расследования экономических преступлений обусловлена рядом факторов. Это, прежде всего, сложность ситуаций, возникающих в сфере выявления и расследования экономических преступлений, вызванных специфическими способами их совершения, недостаточный уровень специальной подготовки сотрудников следственных и оперативных подразделений полиции, специализирующихся на раскрытии и расследовании данных преступлений. В связи с указанным, в современных условиях подразделениям полиции невозможно выполнять возложенные на них задачи и функции без надлежаще организованной и эффективно функционирующей системы экспертного обеспечения их деятельности по выявлению и расследованию экономических преступлений.

Порядок назначения экспертизы при расследовании экономических преступлений практически ничем не отличается от общего порядка проведения этого процессуального действия. В уголовных делах, возбужденных по фактам совершения преступлений в данной сфере, вопросы обычно группируются по видам хозяйственной деятельности. Например, если это налоговая сфера, то вопросы должны группироваться по виду налогов, сборов и обязательных платежей, неправильное начисление или неуплата которых установлены проверкой.

Под объектами и материалами, которые направляются эксперту при назначении судебно-экономической экспертизы, понимаются:

- первичные бухгалтерские документы, которые подлежат исследованию;
- протоколы следственных действий и другие документы, в которых зафиксированы обстоятельства дела;
- иные материалы, содержащие сведения, имеющие значение для дачи заключения.

В юридической литературе содержание судебной экспертизы не без оснований связывают с задачами, предметом, и объектом исследования. Мы поддерживаем данную позицию, которая в полной мере касается и судебно-экономической экспертизы. Современные исследователи определяют задачи судебно-экономической экспертизы как установление на основе исследования документов хозяйственного учета фактических данных о совершенных финансово-хозяйственных операциях, экономических показателях, отсутствии или наличии искажений и в каких конкретно операциях.

Проведение судебно-экономических экспертиз и привлечение специалистов необходимо для документирования преступной деятельности в сфере экономики, поскольку на основании их специальных знаний формируются доказательства для судопроизводства. При выявлении и доказывании нарушений, которые способствовали экономическим злоупотреблениям, разработке рекомендаций и их реализации следователю и эксперту-экономисту необходимо руководствоваться фундаментальными финансово-экономическими категориями и понятиями, поскольку они находятся в непосредственной связи с содержанием работы по раскрытию и расследованию экономического преступления.

Считаем возможным согласиться с мнением относительно определения предмета судебно-экономической экспертизы, к которому следует отнести: показатели результатов финансово-экономической деятельности предприятия, сформированные под влиянием распоряжения собственностью (доходами и другим имуществом) со стороны собственника; факты недостоверного отражения в первичных документах, бухгалтерском учете и отчетности содержания операций и фактических результатов деятельности организации; факты использования средств других собственников и кредиторов на цели, не связанные с деятельностью организации, факты неуплаты налогов в результате расходования средств, соответствующих неуплаченным налогам, на другие цели деятельности организации или личные цели распорядителя средствами [4, с. 287].

Объектом исследования судебно-экономических экспертиз является информация, содержащаяся в определенных процессуальных материалах, первичных сводках, отчетных бухгалтерских документах, учредительных, регистрационных, договорных, финансовых, банковских, планово-экономических, статистических, ревизионных, инвентаризационных, таможенных, приватизационных налоговых и подобных им материалах [4, с. 210].

Выводы. Судебно-экономическая экспертиза – это исследование финансово-хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования, которое в рамках действующего законодательства осуществляется лицом, обладающим специальными знаниями в области бухгалтерского учета, экономики, с целью предоставления заключения по вопросам, поставленным органами дознания, предварительного следствия или суда.

На основании указанного выше следует прийти к выводу о том, что специальные экономические знания, применяемые в уголовном судопроизводстве, характеризуются такими признаками: эти знания не являются общеизвестными и общедоступными; получают их в процессе теоретической и практической подготовки по экономическим специальностям; их применяют в установленном законом порядке при наличии у субъектов доказывания потребности в такого рода знаниях; используют в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах; такие знания способствуют обеспечению принятия законных и обоснованных решений при расследовании экономических преступлений.

Список использованных источников

1. Белкин А. Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. – М.: НОРМА, 1999. – 419 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 2-е издание дополненное. – 334 с.
3. Белкин Р. С. Тактика следственных действий / Р. С. Белкин, Е. М. Лифшиц. – М.: Новый Юристъ, 1997. – 176 с.
4. Козлов В. А. Борьба с преступностью в сфере экономики. Учебное пособие / В. А. Козлов. – М.: Издательство «Цит-М», 2005. – 608 с.
5. Котенева Т. В. Методологические основы судебно-экономической экспертизы: монография / Т. В. Котенева. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 2-е изд. – 212 с.
6. Лисиченко В. К. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике: Учеб. пособие / В. К. Лисиченко, В. В. Циркаль. – Киев: Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1987. – 100 с.
7. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография / В. Н. Махов. – М.: Издательство РУДН, 2000. – 296 с.
8. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): Учебное пособие / Ю. К. Орлов. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.
9. Строгович М. С. Избранные труды в 3 т. – т. 3: Теория судебных доказательств / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. – Т. 2. – 606 с.
11. Щербаковский М. Г. Применение специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений / М. Г. Щербаковский, А. А. Кравченко. – Харьков: Ун-т внутр. дел, 1999. – 78 с.

12. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.

УДК 343.98

Г.Н. Гапотченко, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: gapot4enko@yandex.ua)

Т.А. Одинцова, магистрант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: tatianaaaa3@yandex.ru)

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы реабилитации в современном уголовном процессе. Отмечаются некоторые недостатки по данным вопросам в законодательстве Донецкой Народной Республики, в том числе связанные с возмещением морального вреда, который причинен несовершеннолетним гражданам, а также отсутствием ответственности должностных лиц, осуществляющих уголовное производство, за необоснованное или незаконное привлечение граждан к уголовной ответственности. Обосновывается необходимость внесения предложений о создании института реабилитации в законодательстве Донецкой Народной Республике. Делаются выводы о необходимости дальнейшего изучения выявленных актуальных вопросов института реабилитации.

Ключевые слова: уголовный процесс, реабилитация, институт реабилитации, моральный вред.

Gapotchenko, G.N.,

Odintsova, T.A.

INSTITUTE OF VINDICATION IN A MODERN CRIMINAL PROCESS

This article examines certain issues of vindication in the modern criminal process. Some shortcomings on these issues in the legislation of the Donetsk People's Republic are noted, including those related to compensation for moral harm caused to minor citizens, as well as the lack of responsibility of officials conducting criminal proceedings for unjustified or illegal bringing citizens to criminal responsibility. The necessity of making proposals on the establishment of the institution of vindication in the legislation of the Donetsk People's Republic is substantiated. Conclusions are made about the need for further study of the identified topical issues of the institute of vindication.

Key words: criminal procedure, vindication, institute of vindication, moral harm.

Актуальность темы исследования. Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) стремится достичь идеалов правового государства, поэтому

конституционные принципы охраны прав и свобод гражданина должны воплощаться в жизнь с помощью реально работающих правовых механизмов. К числу таковых следует отнести институт реабилитации в уголовном процессе, который, к сожалению, на данном этапе развития нашего государства в законодательстве отсутствует. Институт реабилитации является наиболее распространенным и востребованным. Этот институт активно участвует в обеспечении гарантий защищенности прав граждан и тем самым приобретает значимость эффективного правового способа воздействия на общественные отношения, ведь даже единичные случаи незаконного уголовного преследования и осуждения невиновных лиц приводят к неблагоприятным последствиям, вызывают общественное сопротивление и подрывают доверие к органам расследования и суду. Демократическое государство признает своей обязанностью возмещение вреда, причиненного гражданам ошибочным привлечением к уголовной ответственности. Реабилитация должна стать в ДНР полноценным правовым институтом, олицетворяющим демократический и гуманный характер всего уголовного судопроизводства.

Анализ научных исследований. Проблема развития института реабилитации изучена и изложена в научных трудах ряда ученых, таких как Б.Т. Безлепкина, А.И. Ластавецкой, Н.Я. Шило, М.Е. Шумило и других.

Целью данной статьи является всесторонний анализ института реабилитации в уголовном судопроизводстве, практика его применения на территории Российской Федерации (далее – РФ), а также рекомендации к внедрению данного института в законодательство Донецкой Народной Республики.

Любое правовое государство ставит перед собой основную задачу – соблюдение и защиту прав и законных интересов человека. Таким образом, государство заботится об обеспечении защиты не только для потерпевшего, пострадавшего от преступления, но и лица, чьи интересы нарушены в результате незаконного уголовного судопроизводства, вследствие которого были ограничены или нарушены его права и свободы.

Согласно Конституции Донецкой Народной Республики, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Данное конституционное положение было взято за основу при создании всей системы законодательства ДНР. Также статья 46 Конституции Донецкой Народной Республики гласит: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» [3].

Результатом оправдательного приговора или прекращения уголовного дела судом по реабилитирующим основаниям является реабилитация подсудимого. Необходимо отметить, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве ДНР понятия реабилитации нет. В соответствии с толковым словарем, реабилитация – это: «Восстановление чести, репутации неправильно обвиненного или опороченного лица» [11, с. 457].

В УПК РФ под реабилитацией, согласно п. 34 ст. 5, понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Реализация данного института связана с теоретическими и практическими проблемами [10].

По мнению Н.Я. Шилов, в понятие реабилитации следует включить не только факт прекращения уголовного дела или оправдания по суду лиц, необоснованно привлекавшихся к уголовной ответственности, правовые основания и круг субъектов, но и наступающие в связи с этим правовые последствия (например, восстановление репутации и чести невиновных граждан и возмещение материального ущерба), при этом для полного раскрытия содержания понятия реабилитации важное значение имеет определение цели этого института [12, с.167]. Данный институт имеет определенную цель – защиту прав и свобод личности.

Также более широкое понятие реабилитации дано Б.Т. Безлепкиным, который писал, что под реабилитацией в уголовном процессе следует понимать оправдание подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого за отсутствием события или состава преступления либо за недоказанностью участия указанных лиц в совершении преступления [1, с. 124]. По нашему мнению, реабилитация — это восстановление прав и свобод лица, которое было незаконно или необоснованно привлечено к уголовной ответственности, что влечет за собой возмещение причиненного ему имущественного либо морального вреда.

Основой в развитии правового института реабилитации в уголовном судопроизводстве послужили нормы конституционного права, в которых впервые на законодательном уровне нашло закрепление юридической ответственности государства, связанной с компенсационно-восстановительными мерами за незаконные действия (бездействия) государственных органов и их должностных лиц.

Статья 45 Конституции Донецкой Народной Республики устанавливает, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [3].

Необходимость функционирования данного института вызвана, прежде всего тем, что в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства нельзя полностью исключить возможность ошибки. В своей профессиональной деятельности органы предварительного расследования, прокуратура и суды, к сожалению, нередко допускают ошибки, в результате чего люди оказываются жертвами незаконного или необоснованного обвинения в совершении преступления. Главной обязанностью государства, в таких случаях, является устранение всех вредных последствий, вызванных незаконным обвинением лица и восстановление его прав всеми возможными способами.

Рассмотрим некоторые вопросы реабилитации на примере законодательства Российской Федерации.

Прежде всего, необходимо определиться с кругом субъектов, имеющих право на реабилитацию. Статья 133 УПК РФ указывает в числе лиц, имеющих право на реабилитацию, участников уголовного судопроизводства, обладающих процессуальным статусом подсудимого, подозреваемого, обвиняемого, осужденного, а также лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера. Последние, как известно, применяются к лицу, совершившему фактически преступление. Помимо указанных субъектов уголовно-процессуальных отношений в соответствии с ст. 133 УПК РФ право на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ, имеет также лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке, привода, денежного взыскания могут быть применены к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому. Таким образом, круг субъектов, обладающих правом на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ, достаточно широк [2]. То есть, можно сказать, что право на возмещение вреда принадлежит и тому, кто и вовсе не подвергался уголовной ответственности. Таким лицом может быть гражданин, незаконно подвергнувшийся принудительному приводу в качестве свидетеля и понесший при этом значительные убытки в предпринимательстве, вообще не являющийся участником уголовного процесса, у которого в целях отыскания вещественных доказательств провели обыск с причинением не вызываемых необходимостью повреждений имущества. Следовательно, реабилитации должны подлежать лишь лица, которые были подвергнуты уголовно-процессуальному преследованию при полном отсутствии инкриминируемого им общественно опасного деяния или их вины в преступлении, что повлекло причинение им вреда несправедливо. Другие основания прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого реабилитирующими не являются, поскольку не согласуются с категорией невиновности и несправедливости. В структуре общего института реабилитации в уголовном процессе функционирует специфический вид реабилитации лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности за преступления против государственной власти. Наряду с общими нормами, регулирующими отношения по реабилитации, здесь действуют специальные нормы в отношении данной категории граждан [10].

Согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ основанием возникновения права на реабилитацию является незаконное и необоснованное осуществление уголовного преследования, с этим основанием возникает и право на возмещение вреда. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении указал, что основанием для возникновения у лица права на реабилитацию является постановленный в отношении его оправдательный приговор или вынесенное

постановление (определение) о прекращении уголовного дела. При этом вынесение оправдательного приговора является одним из оснований для реабилитации только в случае, когда подсудимый полностью оправдан по предъявленному ему обвинению и не осужден к лишению свободы по другому обвинению.

В соответствии с ч. 2 ст. 302 УПК РФ основаниями для постановления оправдательного приговора являются:

- 1) не установление события преступления;
- 2) подсудимый не причастен к совершению преступления;
- 3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления, то есть, доказана невиновность лица, которое привлекалось к уголовной ответственности [10].

Таким образом, в основании постановления оправдательного приговора лежит доказанная невиновность лица, которое привлекалось к уголовной ответственности.

Не установление события преступления как основание для оправдания представляет собой результат судебного разбирательства уголовного дела, который характеризуется, в первую очередь, недостаточностью доказательств для достоверного вывода о совершенном деянии, в совершении которого обвиняется подсудимый, а также с исчерпанием всех возможностей для собирания дополнительных доказательств стороной обвинения и судом. По данному основанию подсудимый оправдывается, когда доказано отсутствие деяния, в котором он обвинялся. Вторым основанием является отсутствие в деянии подсудимого состава преступления, предъявленное лицу. Что касается непричастности к совершению преступления, то обвинение не просто не подтверждается, а полностью опровергается.

Однако практика свидетельствует, что установленные законодательством механизмы возмещения морального и материального вреда, обусловленные неправомерным лишением, ограничением прав и свобод гражданина на территории РФ реализуются не в полном объеме, а на территории ДНР не реализуются вовсе.

Самой распространенной проблемой в судебной практике является на первый взгляд противоречие норм УПК РФ. Так, в ч. 1 ст. 133 УПК РФ указано, что вред, причиненный гражданину, возмещается государством в результате уголовного преследования, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Проблема состоит в том, что суд не является органом уголовного преследования (статья 15 УПК РФ), поэтому на практике возникают спорные вопросы о нарушении принципа состязательности сторон. О данном положении в УПК РФ нет никакого уточнения, но об этом сказано в Постановлении Конституционного Суда РФ – невиновному лицу может причиняться необоснованный и незаконный вред вынесенным решением и это не лишает такое лицо права на возмещение вреда, который был причинен необоснованным или незаконным решением судьи или суда [6]. В определении Конституционного Суда РФ указывается, что если вред был причинен в ходе

уголовного судопроизводства, то он возмещается в порядке, установленном УПК РФ, ГК РФ и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» [2].

Необходимо добавить, что возмещение имущественного и морального вреда возможно в порядке гражданского судопроизводства, так как имеют место денежные компенсации. Однако относительно психического здоровья человека, незаконно привлеченного в уголовный процесс, и восстановления душевного благополучия – этот вопрос остается открытым, так как возмещенные денежные суммы не могут устранить душевное расстройство и восстановить психическое здоровье личности. Мы намеренно обращаем внимание, что процедура возмещения вреда имеет такой существенный недостаток, который заключается в том, что в данном вопросе отсутствует четкое разграничение между гражданским и уголовным процессом. В гражданском процессуальном законодательстве ДНР и РФ нет норм, регулирующих реабилитацию лиц, поэтому возмещение вреда осуществляется посредством искового производства, что, по мнению А.И. Ластавецкой, недопустимо [4, с. 231].

В связи с изменением характера процесса с уголовного на гражданский процесс, бремя доказывания ложится на лицо, имеющее право на реабилитацию. Судебная процедура возмещения материального или морального вреда затягивается из-за сложности определения размера ущерба, поскольку обстоятельства дела ранее были изучены другим судом. Следовательно, вопрос о восстановлении прав и свобод лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, должен решаться только в рамках уголовного производства.

Внимание некоторых исследователей института реабилитации привлекает перечень оснований, по которым лицо не может быть реабилитировано [8, с. 122]. Примером служит отказ в реабилитации, если к лицу был применен акт об амнистии. Согласно действующему законодательству, издание акта об амнистии освобождает от уголовной ответственности, но лицо остается виновным в содеянном, а реабилитация, в свою очередь, означает полное освобождение не только от ответственности, но и от вины, которая была вменена незаконно.

Также необходимо добавить, что прекращение уголовного преследования ввиду отсутствия жалобы потерпевшего означает отсутствие обязательной процессуальной предпосылки для уголовного судопроизводства. Вопрос о виновности или невиновности лица, подвергнувшегося уголовной ответственности, остается открытым. При этом не исключено, что данное лицо совершило инкриминируемое преступление. Поэтому прекращение уголовного преследования в данном случае не означает, что обвиняемый является жертвой несправедливости, что государство должно возместить ему причиненный вред.

Такое основание как прекращение уголовного дела вряд ли можно признать реабилитирующим.

Несовершеннолетние лица также могут быть подвергнуты необоснованному или незаконному привлечению к уголовной ответственности, что в итоге является нарушением их законных прав и свобод.

Выводы. В результате проведенного исследования, можно сделать выводы о том, что реабилитация в уголовном судопроизводстве представляет собой многогранное явление, под которым, с одной стороны, следует понимать юридический акт – вынесение постановления о прекращении уголовного дела либо оправдательного приговора, а с другой – процедуру восстановления прав лица, подвергшегося необоснованному обвинению.

По нашему мнению, суть института реабилитации заключается в том, что государство признает ошибки своих должностных лиц и полностью возвращает человеку его утраченное имущество или возвращает его стоимость, восстанавливает в правах, репутации и положении, а также компенсирует причиненный ущерб и моральный вред. Допущенные в ходе незаконного и необоснованного уголовного преследования и правосудия ошибки очень дорого обходятся как лицу, в отношении которого проходило уголовное преследование, так и обществу в целом. Несправедливое обвинение негативно влияет на психическое состояние человека, порождает презрение к закону и недоверие к государственным должностным лицам.

Несовершеннолетние лица также могут быть подвергнуты необоснованному обвинению, и мы считаем, что создание и развитие института реабилитации на территории Донецкой Народной Республики крайне необходимо, так как подростки очень уязвимы и психически неустойчивы и не могут оценивать ситуацию как взрослые люди, что может привести к более тяжким последствиям.

Рассмотрев только некоторые проблемные вопросы института реабилитации в уголовном процессе, можно сделать вывод, что данный правовой институт является весьма значимым для современного уголовного судопроизводства. Мы считаем, что без функционирования данного института в законодательстве ДНР невозможно представить построение правового, демократического государства. Рассмотренные выше вопросы побуждают нас к дальнейшему исследованию института вопросов реабилитации в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Список использованных источников

1. Безлепкин Б.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебными органами: учеб. пособие / Б. Т. Безлепкин. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – С. 203.
2. Закон РСФСР от 18 октября 1991г. «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/zakon/911018.htm> (дата обращения 09.07.2021).

3. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 № 1-1) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 08.07.2021).
4. Ластавецкая А.И. Актуальные проблемы реализации института реабилитации в уголовном процессе /А. И. Ластавецкая // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты. – Москва.: Юрайт, 2017. – С. 455.
5. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011г. № 17 (ред. от 02.04.2013г.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.07.2021).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко» // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 43. – Ст. 6123.
7. Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sovetsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=274 (дата обращения: 09.07.2021).
8. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К.Б. Калиновский // Учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2004. – С. 704.
9. Татьяна Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок) : автореферат.: 12.00.09 / Татьяна Дмитрий Владимирович. – Ижевск, 2005. – 23 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawlibrary.ru/izdanie61825.html> (дата обращения: 09.07.2021).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) (ред. от 01.09.2013) [Электронный ресурс]. – Программа информационной поддержки российской науки и образования: Консультант Плюс: Высшая школа / Справочные правовые системы. – 2013. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.07.2021).
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100000 слов / Д. Н. Ушаков. – Москва: Аделант, 2014. – С. 800.

12. Шило Н.Я. Проблема реабилитации на предварительном следствии / Н.Я. Шило; под. ред. Б. Сарыев. – Ашхабад: Ылым, 1981. – С. 200.

УДК 347.12

А.Н. Гридин, канд. ист. наук, Донбасская юридическая академия, (г. Донецк)

(e-mail: Gridin_pol@mail.ru)

ПРИМЕРЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НАРОДОВ И НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Данная статья посвящена историческому анализу практической реализации принципа территориальной целостности государства и права народов и наций на самоопределение. Рассмотрены внешние и внутренние аспекты права народов на политическое и экономическое самоопределение. Определены принципы самоопределения в системе основных принципов международного права.

Ключевые слова: самоопределение, народ, нация, территориальная целостность, международные отношения, государство, международное право.

Gridin, A.N.

EXAMPLES OF PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY OF THE STATE AND THE RIGHT OF PEOPLES AND NATIONS TO SELF-DETERMINATION IN THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

This article is devoted to the historical analysis of the practical implementation of the principle of the territorial integrity of the state and the right of peoples and nations to self-determination. The external and internal aspects of the peoples' right to political and economic self-determination are considered. The principles of self-determination in the system of basic principles of international law have been determined

Key words: self-determination, people, nation, territorial integrity, international relations, state, international law.

Актуальность. Рассматривая правоотношения, регулирующие взаимоотношения государств с народами и национальными меньшинствами, проживающими в их пределах, необходимо, в свою очередь, остановиться на особенностях эволюции субъекта этих правоотношений.

Так, в последнее время всё большее число сторонников завоевывает точка зрения, согласно которой предметом правового регулирования различных элементов права на самоопределение во внутреннем аспекте должно быть определение юридического статуса не отдельно взятых индивидумов –

представителей народов и национальных меньшинств, а прав целостных социальных организмов, основанных на международной защите прав народов.

Анализ научных исследований. При написании статьи были исследованы научные труды как отечественных, так и зарубежных ученых, которые участвовали в разработке и развитии принципов права народов и наций на самоопределение. В частности это работы А. Бальфура, Ж. Бодена, Л. И. Волова, А. П. Мартыненко, К. В. Калинина, Е. С. Смоловой, Е. А. Цыганкиной, Г. В. Шармазанашвили и других исследователей.

Цель исследования. Рассмотреть примеры практической реализации принципа территориальной целостности государства и права народов и наций на самоопределение в истории международных отношений.

Результаты исследования. Рассматривая особенности эволюции права народов на самоопределение, целесообразно разграничить внутренний и внешний аспекты реализации этого права. Такое разграничение необходимо еще и потому, что рассмотрение реализации права на самоопределение преимущественно во внутреннем аспекте, то есть в аспекте регулирования правоотношений между государством и проживающими в нем народами и нацменьшинствами само по себе является одной из тенденций современного толкования права на самоопределение. Указанная тенденция может быть сформулирована следующим образом: право на самоопределение во внутреннем аспекте понимается как реализация представителями всех народов, национально-этнических меньшинств и других социальных общностей многонациональных государств и их прав, связанных с государственным суверенитетом.

Основная роль при этом принадлежит обеспечению политических прав, включая «право участвовать в полной мере в соответствии с демократическими процедурами принятия решений каждого государства в политической, экономической, социальной и культурной жизни своих стран, в том числе на основе демократического участия в работе директивных и консультативных органов на национальном, региональном и местном уровнях, в частности, в рамках политических партий и ассоциаций» [4].

Рассмотрение права на самоопределение народов преимущественно в аспекте его внутригосударственной реализации связано с другой современной тенденцией в толковании этого права, а именно: надлежащий уровень обеспечения прав человека, включая права народов и национальных меньшинств, становится критерием неправомерности любых сепаратистских требований и сецессии. Такой вывод вытекает, в частности, из толкования пункта 3 статьи 2 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г.) [3].

В Венской Декларации и Программе действий, принятых Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г., после положений, подтверждающих право всех народов на самоопределение, подчеркивается, что «вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение

любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий» [1].

Анализ международных документов (преимущественно регионального уровня) и ряда теоретических исследований, посвященных современной интерпретации права народов на самоопределение, свидетельствует о том, что, начиная с 90-х годов XX в. получает определенное развитие тенденция рассмотрения права на отделение как факультативного элемента права на самоопределение, реализация которого зависит от согласия государств, от которых желает отделиться тот или иной народ. В частности, исходя из того, что государственное отделение не является той формой самоопределения, которая играет основную роль при реализации последнего, некоторые юристы называют сведение права на самоопределение к праву на отделение экстремистской интерпретацией этого права.

Таким образом, дальнейшая эволюция права народов на самоопределение во внутреннем аспекте как права, создающего регулятивные правоотношения между государством и проживающими в нем народами и национальными меньшинствами, по всей вероятности, будет осуществляться в рамках обеспечения прав человека и систем международной региональной безопасности. В этом аспекте юристами предлагается также возможность регламентации вопроса относительно имплементации государствами права на самоопределение, если народ, проживающий в их пределах, претендует на отделение. В частности, в этом случае государствам предлагается, прежде всего, доказать, что они соблюдают право на самоопределение, поскольку предоставляют законодательные гарантии сохранения национально-этнической самобытности, а также имеют правительства, которые представляют весь народ [2].

Эволюция юридического содержания права народов на самоопределение во внешнем аспекте связана с новыми подходами в толковании элементов правоотношения, устанавливаемого этой нормой: прежде всего, с расширенным толкованием субъекта права на самоопределение как участника международных правоотношений, а также с эволюцией объекта этих правоотношений в контексте коллективных прав народов.

Так, несмотря на то, что два основных права народов – право на самоопределение и право на равноправие – закреплены в качестве одного из основных принципов международного права, нормативное определение субъектов этих прав по-прежнему остается одной из наиболее дискуссионных проблем. По справедливому замечанию А.П. Мартыненко, «международному праву незнакомы даже объем и содержание понятия «народ», которое нашло широкое употребление в разнообразных международных документах, начиная с

Устава ООН... В условиях же полнейшей неопределенности в отношении субъекта прав народов... тяжело вести речь о самих правах».

Как известно, в современном позитивном международном праве народы рассматриваются в качестве субъектов международного права только в том случае, если они являются нациями, ведущими борьбу за независимость и создание собственного национального государства, либо «становящимися государствами». Вместе с тем, в современных условиях либерализации внутригосударственных режимов и демократизации международных отношений вопрос о субъекте права на самоопределение все чаще рассматривается в контексте прав народов как участников различных международных правоотношений [5].

На принципе народного суверенитета основывается определение народа (и, соответственно, понимание его международной правосубъектности), предложенное рядом западных юристов. В частности, государство понимается как юридически персонифицированный народ, как суверенная нация и др. Таким образом, выводя понятие государственности из принципа народного суверенитета, авторы признают народ в качестве косвенного субъекта международных отношений и международного права. В частности, Г.В. Шармазаншвили отмечает, что «государственный суверенитет является отражением народного суверенитета в международных отношениях»; «народ, как основной субъект права на самоопределение, делегирует некоторые свои функции и свои полномочия государству как носителю государственного суверенитета» [8].

Один из аспектов рассмотрения международной правосубъектности народов связан с постановкой вопроса об ответственности народов по международному праву, в том числе за деятельность своих правительств.

Основным недостатком теорий, прямо или косвенно признающих международную правосубъектность народов, является то, что во всех изложенных выше концепциях под понятием «народ» понимается население (граждане) государства, а под государством – продукт развития одного народа/нации, без учета сложной системы внутренних связей и отношений «государственно состоявшихся» и «государственно несамостоятельных народов», проживающих в пределах одного государства. Следовательно, субъектами международных отношений могут быть, через посредство своего государства, только те народы, «внутренние и международные связи и отношения которых нашли свое воплощение в форме государства».

Представляется, что реализация идеи о замещении действующей системы международного права системой прав народов возможна лишь в отдаленном будущем, и предпосылками, обеспечивающими такую возможность, станут глобализация международного права, создание единого правового и демократического пространства (вначале на региональном, затем – на глобальном уровнях), преобразование правовых систем государств на основе общих демократических принципов. Вместе с тем, уже в настоящее время наметилась тенденция к нормативному становлению категории народов как

субъектов определенных правоотношений, о чем свидетельствуют основополагающие акты современного права.

Наряду с расширением и изменением объема юридического содержания понятия «народ» как субъекта внутригосударственных и международных отношений, дальнейшее развитие права народов на самоопределение связано с эволюцией объекта этого права в контексте прав народов (коллективных прав народов).

Среди коллективных прав народов, признанных в доктрине международного права, выделяются право народов на самоопределение, право народов на мир и безопасность (п. 2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах; п. 1 ст. 23 Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г.), право народов на развитие (Декларация социального прогресса и развития 1969 г., Декларация о праве на развитие 1986 г., ст. 22 Африканской Хартии), право народов на суверенитет над своими богатствами и природными ресурсами, право народов на благоприятную окружающую среду (ст. 24 Африканской Хартии, принципы 8-16 Декларации по окружающей человека среде 1972 г.) [11], право народов на пользование «всеобщим наследием человечества» (ст. 9 Декларации социального прогресса и развития) [10].

При этом даже поверхностный правовой анализ перечисленных коллективных прав народов позволяет говорить о том, что между ними существуют отношения тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Так, в ряде коллективных прав народов в нормативном плане содержатся те или иные аспекты принципа самоопределения народов. В частности, право народов на суверенитет над своими богатствами и природными ресурсами является, как указывалось выше, основным элементом экономического самоопределения народов. Юридическое содержание права народов на развитие раскрывается в аспектах экономического, социального, культурного и политического самоопределения народов. При этом осуществление в полной мере права народов на самоопределение предполагается в качестве основы осуществления права народов на развитие (п. 2 ст. 1 Декларации о праве на развитие). В свою очередь, фактором осуществления права народов на экономическое и социальное развитие является установление права всех народов на пользование «всеобщим наследием человечества». Наконец, право народов на мир и безопасность, отличающееся наибольшей степенью обобщенности, представляет собой общее условие осуществления всех остальных прав народов.

Помимо прав, установленных в международно-правовых документах и доктринально признанных, можно выделить новые права народов, которые закреплены в документах неправительственных организаций и в национальном законодательстве отдельных стран. Несмотря на то, что эти права, за редким исключением, не обобщены международно-правовой доктриной, они представляют определенный интерес как юридический факт, намечающий возможности последующего нормативного становления и кодификации прав

народов. Это право на существование (право на жизнь), право на уважение своей национальной и культурной идентичности, право на мирное обладание своей территорией и на ее возврат в случае изгнания, право иметь демократический режим, право на справедливое и равноправное осуществление международного обмена и на справедливую оценку труда, право на свободное существование и свободу от насилия и страха, и многие другие [9].

В свою очередь, права народов, имеющие более общий характер, раскрываются в указанных документах в комплексах других прав, детализирующих объекты правоотношений. Так, право народов на политическое самоопределение, которое квалифицируется как неотъемлемое и неотчуждаемое право, раскрывается в нормах, устанавливающих право сопротивляться всякому колониальному, прямому или косвенному господству и всем расистским режимам, как право народов иметь демократический режим, представляющий всех граждан без различия расы, пола, религии, цвета кожи.

Несмотря на то, что права народов, содержащиеся в документах международных организаций, не кодифицированы международным правом, они находятся в процессе своего нормативного становления. Это, в частности, подтверждается документами ООН и ЮНЕСКО, в которых устанавливаются некоторые из перечисленных выше прав народов без проведения различий между субъектами этих прав (то есть по субъекту и содержанию права народов в документах ООН и ЮНЕСКО совпадают с системой прав человека) [5].

Эволюция права народов на самоопределение во внутреннем аспекте осуществляется в рамках обеспечения прав человека и систем региональной безопасности. Развитие права на самоопределение в контексте реализации прав человека означает, прежде всего, право народов иметь демократический режим, способный обеспечить эффективное уважение прав человека и основных свобод для всех граждан. Дальнейшее развитие права на самоопределение во внутреннем аспекте связано с изменением предмета правового регулирования – определение правового статуса представителей народов/нацменьшинств постепенно уступает место установлению юридического статуса целостных социальных организмов, основанных на системе прав народов. Одной из возможностей дальнейшего развития права на самоопределение во внутреннем аспекте является дифференциация правового статуса различных народов в зависимости от уровня отношений, сложившихся между ними и государством их проживания [6].

Во внешнем аспекте право народов на самоопределение связано с расширенным толкованием субъекта права на самоопределение как участника международных правоотношений, а также с эволюцией объекта этих правоотношений в контексте коллективных прав народов.

Таким образом, современное право на самоопределение является комплексным правом, элементы которого реализуются во внешнем и внутреннем аспектах в политической, экономической, социальной и культурной областях.

Право народа на политическое самоопределение реализуется во внешнем аспекте в таких правах: в праве на свободное отделение от государства, в котором он ранее проживал; на свободный выбор любого другого определяемого народом политического статуса; в праве народов на национально-освободительное движение в случае, если он принуждается, вопреки его воле, проживать в рамках созданной иной нацией (народом) государства, в праве на получение индивидуальной или коллективной международной помощи в осуществлении права на политическое самоопределение [4].

Право народов на политическое самоопределение во внутреннем аспекте реализуется как право на осуществление своего суверенитета, установление целостности своей национальной территории и национального единства, как право самостоятельного выбора политических институтов и форм правления. Основное обязательство, вытекающее из права народов на политическое самоопределение во внутреннем аспекте, связано с обеспечением со стороны государства равного, недискриминационного и справедливого правового статуса всех «государственно несамостоятельных» народов и национальных меньшинств, проживающих в его пределах.

Право народов на экономическое самоопределение заключается в праве достижения экономической независимости и создания собственной национальной экономики.

Во внешнем аспекте право на экономическое самоопределение реализуется как право народов на равноправное, недискриминационное и справедливое участие в международных экономических отношениях на основе демократических принципов современного международного экономического права. Из этого права вытекает обязанность народов осуществлять свою внешнеэкономическую деятельность без ущерба для международного экономического сотрудничества.

Во внутреннем аспекте право народов на экономическое самоопределение раскрывается как право на установление суверенитета над своими природными ресурсами, их эксплуатацией и экономической деятельностью, право выбирать и определять свою экономическую систему в соответствии с волей народа, право на возмещение и полную компенсацию за эксплуатацию или ущерб, причиненный природным и всем другим ресурсам. Право народов на экономическое самоопределение во внутреннем аспекте сочетается с их обязанностью уважать интересы других государств на основе принципа суверенного равенства, а также учитывать интересы всего мирового сообщества при эксплуатации своих природных ресурсов [2].

Право народов на самоопределение в социальной сфере во внутреннем аспекте реализуется как право выбирать и определять свою экономическую систему, учреждать социальные институты в соответствии с волей народа, определять собственные цели социального развития, средства и методы их достижения без вмешательства извне.

Во внешнем аспекте право народов на социальное самоопределение реализуется как право пользоваться в условиях независимости плодами социального мирового прогресса и как право всех народов на пользование всеобщим наследием человечества (социально-экономическое право).

Право на самоопределение народов в области культуры раскрывается как право и обязанность развивать культуру и сохранять культурную самобытность, право свободно решать вопрос о сохранении, адаптации, обогащении культурных ценностей, которые народ (нация) считает основополагающими для своей самобытности [7].

Таким образом, право народов на самоопределение осуществляется не только как комплексное право, но и создает в пределах универсального международного права постоянное общерегулятивное правоотношение, которое раскрывается при рассмотрении взаимодействия права на самоопределение с основными международно-правовыми принципами. Выявление места принципа самоопределения в системе основных принципов международного права, а также его разноаспектное толкование в связи с применением этих принципов позволяет говорить об определенном структурообразующем потенциале права народов на самоопределение, что связано с нормативной реализацией элементов его юридического содержания в специальных отраслевых принципах и нормах.

Список использованных источников

1. Венская декларация и программа действий от 25 июня 1993 г. // Московский журнал международного права. – 1994. – № 1. – С. 153-180.
2. Волова Л.И. Принципы территориальной целостности государств и нерушимости границ: Нормативное содержание и соотношение / Л.И. Волова // Правоведение. – 1984. – № 1. – С. 30-37.
3. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992), принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 18 декабря 1992 г.
4. Калинина К.В. Право народов на самоопределение – принцип национальной политики / К.В. Калинина // Вопросы национальных и федеративных отношений. Под. ред. Абдулатипова Р.Г. – Вып. 3. – М., – 1999. – С.3.
5. Международное право : учебник / отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 1087 с.
6. Смолова Е.С. Право народов на самоопределение / Е.С. Смолова // Молодой ученый. – 2015. – № 7 (87). – С. 598-605.
7. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование / Т.Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. – 288 с.

8. Шармазанашвили Г.В. Право народов на свободу и независимость: критика буржуазных теорий / Г.В. Шармазанашвили, А. К. Цикунов. – Москва: Изд-во УДН, 1987. – 84 с.
9. Mutoy Mubiala. Le project du protocole à la Charte africaine des Droits de l'Homme et des peuples relatif aux droits de la femme en Afrique, *Human Rights*, Spring 2000 (OUNHCHR review), pp. 23-27.
10. Fatsah Ouguerouz. La Charte africaine des droits de l'homme et des peuples – une approche juridique des droits de l'homme entre tradition et modernité, (Paris, Presses Universitaires de France, 1993 (Publications de l'Institut universitaire de hautes études internationales, Genève)), p. 25.

УДК 343

Я.С. Иванова, старший преподаватель, Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко (г. Луганск)

(e-mail: yanaIvanova@mail.ru)

ПРАВОВОЙ КОМПРОМИСС: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И КОМПРОМИССНЫЕ НОРМЫ В ИНСТИТУТЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье исследуется понятие и сущность уголовно-правового компромисса. Автором рассматривается вопрос о применении компромисса и компромиссных норм при урегулировании уголовно-правового конфликта, возникающего в результате совершения преступления. Рассмотрены причины возникновения и реализации компромиссных норм.

Ключевые слова: компромисс, уголовно-правовой компромисс, компромиссные нормы, противоречие, преступление.

Ivanova, Y.S.

LEGAL COMPROMISE: THE CONCEPT, ESSENCE AND COMPROMISE NORMS IN THE INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

The article examines the concept and essence of the criminal law compromise. The author considers the question of the application of compromise and compromise norms in the settlement of a criminal law conflict arising as a result of the commission of a crime. The reasons for the emergence and implementation of compromise norms are considered.

Key words: compromise, criminal law compromise, compromise norms, contradiction, crime.

Актуальность темы исследования. В данной статье обращено внимание на необходимость применения уголовно-правового компромисса в таком социальном явлении как преступление.

Прежде чем рассматривать правовой компромисс и специфические отношения, которые возникают в связи с ним, необходимо выяснить, что же представляют собой правовые конфликты. Именно они являются предпосылкой

возникновения и успешной реализации компромиссных норм, противодействующих этому негативному явлению. Попробуем обозначить юридическую природу и правовое определение понятия компромисса через призму уголовно-правового конфликта. Такой порядок является логичным, поскольку компромисс возможен только при наличии конфликтных отношений между сторонами, и является своеобразным нейтральным средством решения уже возникших столкновений.

Конфликт (от лат. *conflictus* – столкновения, разногласия) – предельное обострение противоречий и столкновений лиц, их идей, интересов, потребностей, оценок, притязаний и т.п.

Противоречие – это основа каждого преступления, его разрушительная сила. Противоречие характеризует различие взглядов лиц, совершающих преступления и законопослушных граждан на социальные ценности, которые охраняются уголовным законодательством, и становится объектом социально-правового внимания только в условиях достижения определенного уровня конфликтных отношений.

Поскольку любые общественные отношения предполагают взаимодействие субъектов и отношения между ними, то преступление как конфликтные отношения, состоят в зависимости от содержания определенной деятельности субъектов этих отношений. С одной стороны – это нарушение требований уголовного закона лицом, совершившим преступление, а с другой – реакция государства на такое нарушение, выражающееся в опосредованной деятельности органов государства, призванных бороться с преступностью.

Ни одно общество не может существовать, не регулируя взаимоотношений между гражданами, не направляя их поведения. Столкновения в основном происходят в случаях, когда индивид ценит свои личные интересы выше интересов других субъектов (государства, общества, лиц), которые охраняет уголовное законодательство. Однако преступление нельзя рассматривать только как конечный результат преступного поведения виновных. Ведь преступность как криминологическое понятие является следствием существования противоречий, исторически присущих определенному обществу.

Но в связи с тем, что природа преступления и преступности имеет социальный характер, эти явления следует рассматривать во взаимосвязи с социальными противоречиями.

Анализ научных исследований. Противоречия между лицом и обществом, а точнее между их интересами, исследовали многие ученые. Так, изучению проблем, связанных с допустимостью компромисса в борьбе с преступностью, посвящены работы Х.Д. Аликперова, Е.В. Попаденко, А.А. Семина, К.Б. Сыздык, Г.О. Усатия, Н.С. Шатихиной и др.

Целью данной статьи является исследование применения компромисса и компромиссных норм при урегулировании уголовно-правового конфликта, возникающего в результате совершения преступления.

Вышеуказанные авторы рассматривают компромисс как некую группу норм или институт, при котором со стороны государства гарантируется (предполагается) освобождение от уголовной ответственности (неприменение принудительной силы) в обмен на выполнение лицом, совершившим преступление, определенных действий (поступков, уступок).

Иными словами, предложенные определения сводятся к пониманию компромисса как своего рода уступки, совершенные каждой его стороной: и государством, и непосредственно лицом, совершившим преступление. В такой трактовке компромисс предстает перед нами как чисто техническое средство, метод смягчения обострившихся противоречий, противоборства [1].

Несмотря на это, вопрос о преступлении как уголовно-правовом конфликте остается актуальным и на сегодняшний день. Противоречия в отношении преступления проявляются в том, что преступник противопоставляет свое поведение требованиям любой нормы уголовного права [2, с. 11]. Конечно, все конфликты требуют разрешения. Государство имеет множество приемов и средств для этого, но чаще оно ограничивается лишь привлечением лица к уголовной ответственности, забывая другие нетрадиционные пути урегулирования конфликтов, которые иногда могут или могли бы быть более эффективными, чем стандартные. Речь идет, прежде всего, о компромиссе, который, к сожалению, довольно редко используют в практике применения права.

Идея компромисса и компромиссных норм кажется новой и не свойственной отечественному праву. Однако подавляющее большинство цивилизованных стран уже официально признали и применяют эти нормы в противостоянии современной преступности, расширяют сферы и возможности их практического использования, причем, как подтверждает зарубежный опыт, довольно-таки успешно. К тому же, в некоторых случаях только компромисс оказывается единственным правильным средством решения проблемы.

Компромисс принадлежит к таким инструментам уголовной политики и права, которые имеют универсально-прикладной характер независимо от господствующей идеологии и отношения к ним субъектов правоприменительной деятельности [3, с. 85]. Это тот шаг, к которому должно стремиться государство в лице правоохранительных органов, карательной системы. К тому же, такой курс государства реально утвердит особую важность принципа гуманизма в уголовном праве и предоставит лицу, которое преступило нормы уголовно-правового запрета, последний шанс.

На сегодняшний день уголовно-правовая наука не содержит четкой концепции компромисса, а также не имеет уголовно-правового определения этого понятия. В отечественной правовой литературе имеется исследование многих авторов проблематики, которая тесно связана с компромиссом. Это касается, прежде всего, тематики позитивной ответственности, случайной преступности, поощрительных и специальных норм, деятельного раскаяния и возмещения причиненного преступлением вреда.

Необходимо подчеркнуть, что освобождая лицо от уголовной ответственности, государство руководствуется только принципом гуманизма, тем самым проявляя милосердие. Причина такого нетрадиционного решения несколько иная. Целесообразно выполнить цели и задачи уголовного права путем «наименьшего сопротивления». К тому же, иногда компромиссная норма – достаточно эффективный способ раскрытия тяжкого преступления и предупреждения новых преступлений, которые составляют большую опасность для общества, чем выявленных.

Вместе с тем стоит отметить, что не следует отождествлять компромиссные нормы с консенсусом, ведь это совершенно разные понятия. Консенсус – общее осознанное согласие, компромисс – соглашение на основе взаимовыгодных уступок или же, согласно другим источникам, это взаимные уступки. Итак, компромисс – это не примирение между стражами порядка и преступниками, поскольку примирение – это поведение тех, кто стремится любой ценой сгладить противоречия, избежать конфликтов. Компромисс – это скорее взаимная договоренность (договор), которая определяет условия освобождения от уголовной ответственности для лиц, которые обязуются выполнить предусмотренные уголовным законом нормативно-правовые установки. Данный договор должен предусматривать характер взаимоотношений сторон и их права и обязанности. Такие взаимные обязательства, прежде всего со стороны государства, будут гарантировать защиту его граждан от нежелательных последствий, предотвращать произвол. Компромисс по форме очень напоминает традиционную сделку с тем лишь отличием, что ее субъекты довольно-таки необычны. С одной стороны – государство, которое добровольно отказывается привлечь виновного к ответственности, а с другой – эти виновные лица, которые соглашаются с законными требованиями, выдвигаемыми государством, и безропотно их выполняют.

Можно предположить, что последствия такого соглашения будут иметь положительный характер для обеих сторон. Кроме того, компромиссные нормы будут способствовать повышению доверия граждан к правоприменительным органам, что укрепит их авторитет у общественности. Пострадавший от преступления (а в нашем случае это государство, которое заботится о собственной экономической системе) также должен быть заинтересован в таких нормах, поскольку именно они способствуют возмещению вреда [3, с. 87].

Для уголовной политики зарубежных стран компромиссы, согласованные с нормами права, стали единственным средством разрешения общественных противоречий.

Страны Западной Европы работают над совершенствованием юридических норм на основании четко проработанной системы стимулирования законопослушного поведения бывших правонарушителей, пытаясь достичь максимально возможной слаженности между государством и лицами, которые нарушили закон, путем дальнейшего совершенствования компромиссных норм и расширения их возможностей. Понятие компромисса в

западном обществе все больше утрачивает теоретический характер и приобретает инструментальный характер, как средство достижения практических целей, которые способствуют осуществлению основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью. Это становится действительно возможным только после достижения определенных договоренностей между субъектами, участвующими в компромиссном соглашении. Такая форма компромисса сосредоточивает внимание на субъективных волевых аспектах, сознательном и целенаправленном сближении позиций, также регулирует спорные взгляды.

Причины заключения компромиссных соглашений, в зависимости от конкретных условий, могут быть различными: от вынужденной необходимости до тактических ухищрений. Рассмотрим лишь самые распространенные причины, согласно которым реализуются компромиссные нормы:

- 1) спасительная альтернатива;
- 2) оптимальное решение;
- 3) возможная альтернатива (вариант решения проблемы);
- 4) тактический прием;
- 5) средство временного приостановления противоречий;
- 6) другие варианты [3, с. 88].

Спасительная альтернатива предполагает немедленное урегулирование острейших противоречий в интересах обеих сторон экстремально обострившихся уголовно-правовых отношений. Такие случаи бывают не часто, однако промедление при устранении противоречий чревато наступлением непредвиденных, а иногда и катастрофических последствий для государства и его граждан. Определение компромисса как оптимального решения отличается от спасительной альтернативы преимущественно тем, что здесь компромиссное решение предстает не как единственная альтернатива для участников уголовно-правового конфликта, а как лучший, наиболее целесообразный при определенных условиях выбор. В действительности подавляющее большинство граждан имеет собственный взгляд на способы решения уголовно-правовых конфликтов. Если же государство отказывается урегулировать проблему, воплощая компромиссное решение, то виновный и потерпевший часто решают ее собственными силами. Как следствие этого – граждане обходят закон, а государство теряет возможность контролировать ситуацию.

Компромисс, как оптимальный вариант решения проблемы, является результатом инициативы обеих сторон (прежде всего потерпевшего), проявлением собственной воли для достижения согласия и единства в главном, в сложных обстоятельствах, которые еще не перешли в стадию острого кризиса, которые еще оставляют возможность принять безболезненное и разумное решение. Потерпевший, убежденный в необходимости компромисса, должен хорошо осознавать все его положительные и отрицательные аспекты, но окончательное решение он принимает самостоятельно и, что самое главное, добровольно. Когда же компромисс заключают под воздействием внешнего давления, он считается недействительным, поскольку не выполнены его

главные требования. Государству, в свою очередь, следует учитывать при принятии компромиссных норм желания и волеизъявления сторон. В нынешних условиях, когда государство держит курс на безусловный приоритет прав человека, то соответственно, и должно, прежде всего, отстаивать интересы лица в системе общечеловеческих ценностей. Поэтому законодатель способствует добровольному соглашению сторон, обеспечивает их неотъемлемые конституционные права и делает институт компромисса желательным и стабильным. Конечно, это не решит все проблемы уголовного права, не удовлетворит полностью интересы участников уголовно-правового конфликта, однако, способствует дальнейшему совершенствованию правовых норм.

Что касается возможной альтернативы, то можно сказать, что в обществе, которое стабильно развивается, уголовно-правовой компромисс является одним из средств урегулирования уголовно-правовых конфликтов, которые возникают естественным образом. Так, в двух похожих конфликтных ситуациях, когда происходит столкновение интересов их участников, та же проблема может решаться по разному: как благодаря применению мер уголовно-правовой репрессии, так и путем компромисса. В первом варианте проблема решается без учета интересов виновного, причем назначенное наказание часто имеет характер узаконенной мести, а возмещение вреда, который причинен экономической системе государства, если и происходит, то частично и очень медленно. Во втором варианте учитываются интересы обеих сторон.

Встречаются случаи применения компромисса несколько иного характера, так называемых тактических ухищрений. Понятно, что таким он воспринимается с позиции государства. В общем, имея положительный характер, компромисс этого типа используют в сложных и запутанных уголовно-правовых конфликтах, там, где рациональное решение кризисной ситуации выглядит проблематичным. Тактическим приемом законодателя является пункт 1 примечания статьи 276 действующего Уголовного кодекса Луганской Народной Республики, в которой закреплено, что лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ [5]. Эта норма предусматривает компромисс с виновным, который сообщит об источнике приобретения наркотических средств или психотропных веществ, способствуя раскрытию преступлений. Указание на источник предусматривает, что субъект должен предоставить достоверную информацию о лице или месте приобретения этих средств или веществ. В частности, сообщить о данных лица, которое сбывает наркотические средства или психотропные вещества, или назвать места их приобретения; помещение, которое использовалось как притон; место, где растут растения, из которых производят наркотики, в том числе и дикорастущие и т. п. Законодатель сознательно соглашается с таким своеобразным способом решения уголовно-правового конфликта. Хотя он и освобождает виновного от уголовной ответственности, взамен получает

необходимые важные данные о целом комплексе других совершенных или запланированных преступлений. Полученные сведения могут быть значительно ценнее и важнее, чем предоставленная уступка. К тому же такой подход является воплощением в жизнь важного принципа уголовного права – экономии уголовной репрессии.

Следующий тип компромиссных норм – временное прекращение противоречий, которые возникают. Его применяют тогда, когда распространяются и усиливаются новые тенденции развития преступности, которые серьезно угрожают государственной власти и правам граждан (жизни, здоровью, достоинству). Идя на уступки, которые часто только кажутся кардинальными, законодатель пытается любой ценой «заморозить» ситуацию и тем самым выиграть время или оставить ситуацию на удовлетворительном уровне. Желательно все же заключить компромисс, который обеспечит разрешение конфликта, а не «консервацию» реальных противоречий. Такой неоднозначный способ преодоления противоречий государство применяет лишь в экстремальных ситуациях. Прежде всего это касается терроризма, выдачи заложников в обмен на выполнение государством требований террористов. Поскольку человеческая жизнь – высшая ценность, государство не имеет права рисковать ею ради чего-либо другого.

Основными причинами, которые мешают реальному заключению компромиссных соглашений, являются, прежде всего: отрицание компромисса как средства разрешения кризисной конфликтной ситуации; убеждение в нереальности достижения согласия в уголовно-правовом конфликте; неопределенность сущности желаемого компромиссного решения и его основных ориентиров; нежелание или неспособность погасить амбиции и забыть взаимные обиды; боязнь потерять дальнейший контроль над ситуацией; невозможность убедить другую сторону о необходимости и целесообразности компромисса и т.п. [4, с. 70].

Отметим, что компромисс – это эффективное средство для решения действительного правового конфликта в тех случаях, когда применить другой подход невозможно или нецелесообразно. Однако это не означает, что компромиссное решение проблемы возможно и желательно при любой ситуации. Например, о добровольном соглашении не может быть и речи, когда виновный является особо опасным рецидивистом, бандитом или маньяком-насильником. Компромиссу как способу ухода от действительности свойствен деструктивный характер. Речь идет об искусственности подходов к компромиссным нормам и к конфликтам, которые ими регулируются, то есть сознательно или бессознательно происходят поиски компромисса там, где ему нет места, где еще не существует объективной потребности в нем, или стороны соглашаются на примирение главным образом в пропагандистских целях.

Если компромиссные нормы не будут учитывать требований современности, то возможно еще большее обострение противоречия сторон. Это положение касается также чрезмерного распространения компромиссных норм, не имеющих совершенного механизма реализации, а потому, будучи уже

провозглашенными, остаются «мертвыми» нормами. Такой подход подрывает авторитет не только компромиссных норм, а и правоохранительных органов в целом.

Выводы. Проведенный анализ возникновения и развития норм, регулирующих применение компромисса, дает возможность отметить, что существование и активное его применение является объективной необходимостью, которая направлена на решение задач уголовного судопроизводства. Дальнейшее развитие компромисса на досудебном следствии представляет собой интересное и перспективное направление научной и законотворческой деятельности.

Исходя из изложенного, можно дать такое теоретическое определение: компромиссные нормы – это нормы, которые гарантируют лицу, совершившему преступление, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания при условии выполнения им определенных законом положительных посткриминальных поступков, которые способствуют реализации основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью.

В настоящее время остается актуальным вопрос расширения компромиссных норм и применения компромисса на практике. Однако такой компромисс должен быть разумный, взвешенный, ограниченный достаточной совокупностью процессуальных гарантий, при достижении которого не будут подрываться принципы объективной истины, презумпции невиновности, справедливости, законности и другие действующие принципы уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Терских Д. И. Уголовно-правовой компромисс: понятие и социальная сущность / Д. И. Терских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-kompromiss-ponyatie-i-sotsialnaya-suschnost> (дата обращения: 20.05.2021).
2. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган – М.: Наука, 1983. – С. 11.
3. Толчинский Б.А. Политический компромисс: современная проблематика / Б.А. Толчинский // Государство и право. – 1992. – № 12. – С. 85–88.
4. Туркота С. Правовой компромисс в уголовном судопроизводстве / С. Туркота // Право Украины. – 2001. – № 12. – С. 70.
5. Уголовный кодекс Луганской Народной Республики от 2.09.2015 (в редакции по состоянию на 25.05.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1870/> – Название с экрана.

УДК 347.233

С.А. Каравацкая, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: svetun1997@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

В статье проанализированы проблемы осуществления права частной собственности на недвижимое имущество. На основании исследования конституционных и гражданско-правовых норм, а также научных работ по этой тематике очерчены принципы реализации собственником своих имущественных прав в отношении недвижимого имущества, которое ему принадлежит.

Поскольку имущественные права всех субъектов правоотношений являются не только основой экономического развития всего общества, но и мощным фактором становления каждой личности в государстве, создание, принятие и применение справедливых норм осуществления права частной собственности будет становиться залогом гармоничного социально-экономического основания для каждого гражданина нашего государства.

Ключевые слова: право частной собственности, владелец, содержание права собственности, права, свободы, интересы общества, недвижимое имущество, культурные ценности.

Karavatskaya, S.A.

TOPICAL ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF PRIVATE OWNERSHIP OF REAL ESTATE

The article analyzes the problems of exercising the right of private ownership of real estate. Based on the study of constitutional and civil law norms, as well as scientific works on this topic, the principles of the implementation by the owner of his property rights in relation to immovable property that belongs to him are outlined.

Since the property rights of all subjects of legal relations are not only the basis of the economic development of the whole society, but also a powerful factor in the formation of each individual in the state, the creation, adoption and application of fair norms for the exercise of private property rights will become the key to a harmonious socio-economic basis for every citizen of our state.

Key words: private property right, owner, content of property rights, rights, freedoms, public interests, real estate, cultural values.

Феномен собственности заключается в том, что она влияет на все сферы общественной и личной жизни человека. Каждое государство стремится урегулировать отношения собственности с наибольшей пользой для всех и каждого.

Законодательные новеллы относительно права собственности, а также практика их применения были проанализированы в трудах многих цивилистов, однако научный интерес современных исследователей права собственности был сосредоточен главным образом на выяснении особенностей отдельных форм (видов) права собственности. Это обстоятельство привело к

необходимости пересмотреть трактовку отдельных теоретических аспектов права собственности, представить их в комплексном изложении.

Институт имущественного права – это система правовых норм, регулирующих имущественные отношения. Право собственности конкретного лица является результатом такого регулирования, поэтому права те авторы, которые не видят смысла в противопоставлении объективного и субъективного права, поскольку существование последнего без первого вообще невозможно, а существование законов о собственности без их реальной реализации сводит на нет их назначение и ценность.

Однако, исходя из общих положений об объективном праве, в определениях правовых институтов меняется только тип отношений, которые регулируются определенным институтом права. Поэтому теоретические исследования должны быть сосредоточены на определении сущности прав собственности как субъективного права, а не на определении прав собственности в объективном смысле.

Субъективное право собственности всегда существует в рамках общественных отношений, право собственности не может существовать вне правоотношений.

Определяя субъективное право собственности, необходимо исходить, прежде всего, из того, что право собственности – это социальное отношение.

Статья 28 Конституции Донецкой Народной Республики провозглашает, что каждый имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как индивидуально, так и совместно с другими лицами. Право частной собственности защищено законом [4].

Кроме того, Конституция Донецкой Народной Республики содержит положения, предусматривающие неприкосновенность и равенство защиты всех форм собственности.

Указанные положения соответствуют статье 17 Всеобщей декларации прав человека, в которой поставлено под запрет произвольное лишение имущества, а также статье 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и его основных свобод, закрепляющей право каждого физического или юридического лица на уважительное отношение к своей собственности и требование об исключении лишения кого-либо имущества иначе как в общественных интересах и в соответствии с условиями, предусмотренными законом. Возможность эффективно использовать вещные права находится в прямой связи с предусмотренными законодательством мерами охраны, ориентированными на обеспечение осуществления соответствующих субъективных прав [3].

Исследование проблем права частной собственности и ее правового регулирования всегда было и остается одной из ведущих задач развития и становления государства и права на протяжении существования человеческой цивилизации. Это обусловлено непосредственной связью права частной собственности с целым рядом цивилистических институтов: вещественными правами на чужое имущество (правом владения, сервитутом, суперфицием,

эмфитевзисом), обязательственными отношениями (договорными и недоговорными обязательствами, способами обеспечения обязательств), наследственным правом и т.д.

Актуальность темы исследования. Правовое регулирование реализации права частной собственности на недвижимое имущество обуславливается необходимостью определения объема прав собственника при реализации своих правомочий, а также важностью такого объекта гражданских правоотношений, как недвижимое имущество.

С развитием рыночных отношений в Донецкой Народной Республике роль недвижимости в имущественном положении граждан и юридических лиц значительно возросла. Недвижимость все больше стала вовлекаться в рыночный оборот. Правоотношения, связанные с недвижимым имуществом, его оборотоспособностью, возникновением, изменением и прекращением прав на него на сегодняшний день по-прежнему находятся под пристальным вниманием как теоретиков гражданского законодательства, так и практиков, непосредственно применяющих нормы действующего, стремительно меняющегося законодательства.

В условиях становления общества и государственности происходит постоянный процесс формирования национального законодательства Донецкой Народной Республики и правовой системы в целом. Это, в свою очередь, требует научных исследований, которые помогут не только сформулировать обоснованный и справедливый подход законодателя, но и определить комплекс мер, на основе которых собственники будут иметь возможность успешно защищать имеющиеся у них права.

Анализ научных исследований. Вопросам регулирования частноправовых проблем посвящено значительное количество научных исследований (М.А. Рожкова, О.И. Крассов, С.С. Алексеев, Ф.М. Урумова, Л.В. Санникова, О.В. Новикова). Однако остаются нерешенными проблемы в практике правоприменения при рассмотрении дел в судах по осуществлению права частной собственности на недвижимое имущество. Современное состояние исследуемой проблемы осуществления права частной собственности на недвижимое имущество требует дальнейшего исследования и разработки, учитывая социальную и экономическую ценность именно недвижимого имущества для каждого субъекта гражданских правоотношений.

Целью настоящей статьи является разработка комплексного подхода к общим теоретическим положениям и практических рекомендаций в сфере осуществление права частной собственности на недвижимое имущество. Для достижения данной цели мы должны решить следующие задачи:

- 1) исследовать основные принципы осуществления права частной собственности на недвижимое имущество;
- 2) определить основания, при наличии которых осуществление права частной собственности на недвижимое имущество может быть ограничено.

Исходя из анализа действующего законодательства Донецкой Народной Республики относительно вопросов осуществления права собственности на

недвижимое имущество, европейской судебной практики и научных исследований возможна новая обобщенная трактовка правового режима осуществления права частной собственности на недвижимое имущество.

Право частной собственности на недвижимое имущество позволяет собственнику распоряжаться объектом по своему усмотрению и получать выгоду тем или иным способом в соответствии с законом. Благодаря абсолютности и исключительности своих прав, собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права, и охраняемые интересы других лиц.

В соответствии со ст. 268 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным нормативным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом [2].

На первый взгляд, такое определение позволяет говорить об абсолютности права собственности. Впрочем, именно здесь кроется главное противоречие: «не противоречащие закону и иным нормативным правовым актам», но «по своему усмотрению». Такая трактовка не позволяет нам говорить о безграничной полноте власти собственника над своим имуществом.

Законодатель акцентирует внимание на то, что в соответствии с действующим законодательством, лицо, которое обладает частной собственностью, вправе совершать любые действия по отношению к своему имуществу, но в рамках закона, то есть собственник не вправе распоряжаться своим имуществом в противоправных целях, то есть он не должен нарушать права, свободы и охраняемые законом интересы других лиц. Кроме того, он вправе отчуждать свое имущество в собственности другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, также передавать в залог свои права собственности (пользования, владения и распоряжения) и обременять его иными способами, а также распоряжаться им по своей воле и усмотрению в рамках действующего законодательства (гл. 21 ГК ДНР).

Закрепленные в нормах права законодательные ограничения являются гарантией осуществления конституционно закрепленных прав частной собственности не только на недвижимое имущество, но и на другие объекты гражданского права. Впрочем, в случае установления таких законодательных границ возникает вопрос правовой защищенности самого владельца от неправомерного государственного притеснения относительно осуществления им своих прав [6, с. 73]. С целью обеспечения функционирования принципа незыблемости права собственности (прежде всего со стороны государства)

физических и юридических лиц необходимо четко установить на уровне закона причины и предпосылки возможных объективных и субъективных ущемлений прав собственника.

Субъектами права частной собственности являются физические и юридические лица. Физические и юридические лица могут быть собственниками любого имущества, за исключением отдельных видов имущества, которые в соответствии с законом не могут им принадлежать.

Состав, количество и стоимость имущества, которое может быть в собственности физических и юридических лиц, не ограничены.

Правовой статус субъектов права различных форм собственности основывается на единых конституционных принципах. Государство обеспечивает защиту прав всех субъектов права собственности как в том, что является общим для них, так и в его особенностях в соответствии с законами, действие которых на них распространяется.

Под защитой прав собственности необходимо понимать предоставленную в рамках права собственности возможность самостоятельно или посредством органов государственной власти обеспечить осуществление правомочий собственником.

Проблема защиты прав собственника обычно рассматривается одновременно с вопросом о содержании субъективного права. Вместе с тем, в большинстве случаев отмечается, что субъективное право по своему смыслу и содержанию представляет собой комплекс возможностей, в частности, возможности для управомоченного лица реализовать собственное право своими силами, а также возможность требования определенного поведения от обязанного лица и, соответственно, право на обращение к компетентным органам для защиты нарушенного или оспариваемого права.

При реализации права собственности собственнику необходимо принимать во внимание интересы как всего общества, так и государства. Такой подход обуславливается принципами гуманизма, морали и верховенства прав человека.

Собственность, ее разграничения, изменение форм, соблюдение (нарушение) прав собственности характеризует общественно-экономические и общественно-политические устройства, существенно влияет на развитие общественно-экономических формаций.

С момента становления Донецкой Народной Республики как независимого государства происходит развитие частноправовых отношений в обществе, что предопределяет необходимость пересмотра критериев осуществления права частной собственности на недвижимое имущество на принципах не только приоритета прав и свобод лица, охраны общественных интересов, но и нахождения справедливого баланса между правами собственника и интересами общества и государства.

Для достижения этой цели государству необходимо развивать уже существующие институты, обращаться к современным проблемам

собственности для оперативного их регулирования, создавать все необходимые условия для последующего развития собственности.

В то же время необходимо учитывать целый ряд законодательных и научных достижений прошлых лет в осуществлении прав частной собственности на недвижимое имущество, которые обуславливаются охраной общественных интересов.

Исследование содержания права собственности и реализации правомочий собственника дает возможность выявить их немалое значение для осуществления лицами своего субъективного права.

Исходя из этого, можно сказать, что в обществе с частноправовыми принципами реализация прав и обязанностей собственника обеспечивается рядом законодательно установленных границ осуществления этого права. Это обуславливается тем фактором, что осуществление права частной собственности на недвижимое имущество является тесно связанным с имущественными правами других лиц (совладельцев, соседей, всего общества и т.п.). Это, безусловно, влечет законодательные ограничения объема имущественных прав всеми субъектами гражданских правоотношений.

Кроме того, поскольку недвижимое имущество занимает ключевое место не только в национальном богатстве государства, но и в жизни каждого человека как основа материального обеспечения и свободного развития личности, исследование осуществления права частной собственности на него является крайне актуальным и сейчас.

Развитие гражданских правоотношений предопределяет изменения в осуществлении имущественных прав лиц. Поэтому дальнейший анализ содержания права собственности и основ его осуществления должен учитывать присущие им характерные признаки на современном этапе развития цивилистической науки.

Закрепленные права частной собственности в Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики и их охрана на уровне Конституции и других законов, подзаконных нормативных актов является следствием развития частноправовых основ в обществе. Это влечет выявление и исследование присущих такому уровню развития общества факторов установления границ при осуществлении лицом права частной собственности. Впрочем, такое установление границ при реализации собственниками недвижимого имущества своих имущественных прав должно соответствовать охране и соблюдению общественных интересов.

Как отмечается в научной литературе, сбалансированность между ограничениями волеизъявления собственников и конституционно гарантированными правами других лиц предопределяется общеправовым принципом незыблемости права частной собственности и недопустимостью ограничений прав человека, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией.

Кроме того, одновременно с определением границ осуществление имущественных прав собственника недвижимого имущества необходимо

ограничивать органы государственной власти и местного самоуправления в их влиянии на имущественные отношения собственников. Наличие законодательного обеспечения сбалансированности интересов участников правоотношений является одной из гарантий конституционных прав и свобод каждого лица. Законодательная направленность на сбалансированное регулирование отношений между государством и физическими лицами являются основанием реализации конституционно закрепленных имущественных прав владельцев и других лиц. Регулирование отношений частной собственности осуществляется посредством различных правовых норм, центральное место среди которых занимают конституционные нормы.

В правовом государстве требования к такому правовому институту как право частной собственности на недвижимое имущество достаточно высоко.

С одной стороны, власть собственника над своим имуществом должна быть почти абсолютной, а с другой – государство должно устанавливать законодательные ограничения для охраны имущественных прав и интересов других лиц. Имущественные права собственника должны быть сбалансированы с общественными интересами. В этом случае не обойтись без ограничения государственного влияния на реализацию субъектами частноправовых отношений своих имущественных прав и, как отмечают отдельные ученые, такие ограничения должны устанавливаться не для ущемления имущественных прав лица, а с целью ограничения неправомерного и произвольного вмешательства государства в деятельность собственника и недопущения злоупотребления собственником своими правами.

Такой подход обуславливается достижением оптимального баланса между правами собственников и интересами государства в целях охраны имущественных и личных неимущественных прав участников правоотношений и общественного блага. Это является предпосылкой развития в нашем государстве правовых принципов и отражением в законодательстве духовных и интеллектуальных достижений многих поколений ученых, в частности правоведов.

Многолетний опыт деятельности Европейского суда по правам человека показывает, что государственное регулирование осуществления лицом права частной собственности на недвижимое имущество должно быть взвешенным.

И хотя обеспечение прав и свобод человека является основной обязанностью государства, это может обуславливать установление целого ряда границ в осуществлении имущественных прав лица. Из вышеизложенного следует, что осуществление права частной собственности в правовом государстве всегда будет тесно связано с охраной интересов общества. Право собственности по своей сути всегда должно быть обременено социально направленными нормами закона.

Выводы. В результате исследования мы определили основные принципы осуществления права частной собственности на недвижимое имущество. Регулирование отношений права частной собственности на недвижимое имущество представляет собой комплексный (многоотраслевой)

институт права, имеющий свои теоретические и практические проблемы, требующие дальнейшего совершенствования и реформирования.

Ключевая проблема реализации принципа неприкосновенности собственности состоит в том, чтобы определить возможные пределы ограничения права собственности во имя публичных интересов, максимально соблюдая при этом интересы самого собственника, не нарушая правовую природу собственности как основы гражданско-правовых отношений. Собственность обязывает к социально ответственному поведению.

Частная собственность – это, в первую очередь, общественное отношение, а не материальные вещи, которые участвуют в этом отношении.

Осуществление права частной собственности на недвижимое имущество в правовом и социальном государстве всегда будет тесно связано с охраной интересов общества. Поэтому право собственности по своей сути всегда должно быть обремененным социально направленными нормами закона.

Законодательное установление границ в осуществлении владельцем имущественных прав на объекты частной собственности в Донецкой Народной Республике должно выступать гарантией охраны прав и интересов всего общества и должно стать преградой для своевольного и противоправного поведения владельца. Такое ограничение имущественных прав собственника должно также зависеть не только от воли государства, но и от моральных принципов общества, семьи и каждого лица. Неограниченное осуществление владельцем своих прав является несовместимым с нравственными и этическими устоями любого общества.

Следовательно, осуществление права частной собственности на недвижимое имущество определяется не только содержанием права собственности (правом владения, пользования и распоряжения), но и установлением ряда законодательных и договорных границ в осуществлении каждой правомочности собственника. Это обуславливается необходимостью охраны как прав и законных интересов отдельного лица, так и государственных и общественных интересов. Впрочем, при ограничении имущественных прав относительно реализации собственником своих правомочий недопустимо применять нормы, которые не соответствуют общим конституционным принципам и моральным устоям общества. Как свидетельствует практика Европейского суда по правам человека, интересы собственника в ряде случаев противоречат интересам общества. Такие противоречия являются неотъемлемой частью общественного развития и формирования государственности на протяжении всего периода упомянутых процессов. Однако общественные интересы должны иметь доминирующее положение и быть приоритетными, хотя и исключительными, и максимально учитывать интересы всех имущественных правоотношений.

С целью безошибочного применения норм гражданского законодательства государства на практике всеми субъектами гражданского права, а также устранения проблемы в реализации права частной собственности, было бы целесообразно:

– в Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики закрепить понятие «частной собственности» как формы собственности, реально «ограничивающегося» от других ее форм;

– разрешить вопрос об имущественных правах собственника и их тождественность термину «имущество» как объекту гражданских прав в соответствии со ст. 164 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики и, таким образом, конкретизировать «правовую природу» права частной собственности.

Список использованных источников

1. Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк) / В. К. Андреев // М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 39 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uhelp.pro/wp-content/uploads/2017/02/Andreev-V.K.-O-prave-chastnoj-sobstvennosti-v-Rossii-kriticheskij-ocherk.docx> – (дата обращения: 05.09.2021).
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 30.08.2021). Принят Постановлением Народного Совета / Официальный сайт Народного Совета ДНР – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – (дата обращения 06.09.2021).
3. Карсс-Фриск М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 1 Протокола № 1. Право на собственность / М. Карсс-Фриск, А. Н. Жеребцов, В. В. Меркулов, А. Г. Эртель. – М.: Рос. акад. правосудия, 2002. – 105 с.
4. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] – [принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения 20.08.2021).
5. Себельдина Д.В. Способы и основания приобретения права собственности / Д.В. Себельдина // Юридическая наука. – 2017 – №4 – С. 97 -101.
6. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности / Е.А. Суханов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.

УДК 343.5.176.316.36

**А.Г. Карло, адъюнкт, Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики (г. Донецк)
(e-mail: andrey-barmaley@inbox.ru)**

ПОНЯТИЕ «ЗЛОСТНОСТЬ» КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ

В статье рассматриваются возникновение, историческое развитие и законодательное закрепление понятия злостности, как обязательного признака уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

***Ключевые слова:** алименты, злостное уклонение от уплаты, квалификация, уголовная ответственность, несовершеннолетние дети.*

Karlo, A.G.

THE CONCEPT OF MALICE AS A MANDATORY SIGN OF EVASION OF PAYMENT FOR THE TO CHILD MAINTENANCE

This article examines the emergence, historical development and legislative consolidation of the concept of malice as a mandatory sign of evasion of alimony payment for the minor child maintenance.

***Key words:** alimony, malicious evasion of payment, qualification, criminal liability, minor children.*

Актуальность проблемы. Проблема уклонения от уплаты денежных средств на содержание несовершеннолетних детей в течение длительного времени являлась социально актуальной и остается таковой на сегодняшний день. Стойкое нежелание нерадивых родителей платить средства на содержание несовершеннолетних детей приобрело злостный характер [2].

Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. В случае, если родители не предоставляют содержания своим несовершеннолетним детям, средства на их содержание (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке [9].

Анализ последних исследований и публикаций. Исследования по данному вопросу изложены в трудах таких ученых, как С.А. Авакьян, Ю.М. Антонян, Н. Гуль, Р.В. Калегов, Т. Кошаева, и пр.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья. В настоящее время вопрос определения понятия «злостности», как обязательного признака объективной стороны преступления, предусматривающего уклонение от уплаты средств на содержание детей, является дискуссионным. Различия в толковании понятия «злостное уклонение», не имеющего четкой фиксации в действующем уголовном законодательстве, создают проблемы в квалификации и расследовании преступления данного вида. Очень часто сотрудники органов дознания сталкиваются с проблемой определения «злостного» характера рассматриваемого деяния, а именно – момент и пределы его «злостности».

В своей практической деятельности сотрудники органов внутренних дел (далее ОВД) сталкиваются со сложностями, возникающими в определении и разграничении просто уклонения от уклонения злостного.

Целью исследования является определение сущности понятия «злостность» в статье 163 УК ДНР и его влияния на квалификацию уклонения от уплаты средств на содержание детей.

Изложение основного материала. Данная проблема возникла с самого момента возникновения понятия «злостная неуплата алиментов», которое впервые было обозначено в Уголовном кодексе РСФСР от 1926 г. Так, статьей 158 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних и нетрудоспособных детей, а также нетрудоспособных родителей [16]. Законодатель, выделив диспозицию данной нормы, установил санкции за ее нарушение, однако что именно подразумевается под термином «злостная неуплата», так определения и не дал.

И в дальнейшем нормативно-правовые акты, предусматривающие ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных детей и нетрудоспособных родителей, понятия злостности так и не раскрыли. На современном этапе развития уголовной науки этот вопрос так и остается не урегулированным, понятие «злостное уклонение» законом не определено, его применение остается, к сожалению, исключительно оценочным.

Так, если виновный в течение длительного времени (не менее полугода) уклоняется от уплаты алиментов, а затем единожды выплачивает задолженность хотя бы частично, то признак «злостности» в уклонении как бы ни усматривается и условия для наступления уголовной ответственности не возникают.

Если обратиться к неюридическим источникам толкований, например литературным, мы можем почерпнуть немало полезного в их множестве. Возьмем, например, следующий афоризм: «Злостность – рецидив зла. Сколько не уговаривай, сколько не воспитывай, злостность заявляет своими действиями о неисправимости. Прописавшись в человеке, она матерееет, становится закоренелым качеством личности и, как старожил, требует выполнять свои прихоти и капризы. Первое её требование к человеку: — Повторить! Злостный нарушитель, слабо сопротивляясь её голосу, говорит: — Так меня опять накажут. Сколько раз предупреждали, я обещал больше так не делать» [5].

Далее, толковый словарь С.И. Ожегова дает понятию «злостный» такие определения: 1) исполненный зла, злых умыслов (грубо и часто нарушающий правила, нормы поведения или отношений – злостная клевета, злостное хулиганство); 2) сознательно недобросовестный (неплательщик); 3) закоренелый в чем-нибудь дурном (преступник) [8].

Значит, злостность – это качество личности, проявляющееся в закоренелой склонности к чему-то дурному, грубому и частому нарушению правил, норм поведения, неисполненности злых умыслов, злости, злобы [5].

Р.В. Калегов под злостностью, в узком смысле, понимал систематическое уклонение от уплаты алиментов, т.е. повторение указанных действий (бездействия) после предупреждения, вынесенного приставом-исполнителем [3].

По мнению Т. Кошаевой и Н. Гуль, под злостным уклонением от уплаты алиментов, подразумевается неоднократный отказ от такой уплаты, несмотря на сделанное предупреждение; длительное сокрытие лицом своего действительного заработка с целью уклониться от уплаты алиментов; неоднократная смена места жительства или работы с той же целью; изменение фамилии, анкетных данных или других сведений о личности, чтобы избежать уплаты алиментов; иные действия, свидетельствующие об упорном отказе от выполнения судебного решения по уплате алиментов [7].

В свою очередь Н.С. Карпухина полагает, что «злостность» должна определяться в каждом конкретном случае на основании законодательства об исполнительном производстве [4].

В правоприменительной деятельности под «злостностью» понимают: прямой отказ от осуществления выплат; повторность в совершении подобных деяний (два и более раз), наличие задолженности; сокрытие реального размера заработка или настоящего места работы; частую смену работы или места жительства с целью избежать удержаний по исполнительному листу; объявление должника в розыск [2].

При этом злостным признается уклонение, выразившееся в длительном и систематическом уклонении от исполнения вступившего в законную силу решения суда о взыскании алиментов, что свидетельствует о его повышенной общественной опасности. Причина невыплаты должна быть неуважительной, а поведение виновного лица должно свидетельствовать об упорном, стойком нежелании исполнять решение суда (к примеру, сокрытие лицом своего действительного заработка, неоднократная смена жительства и работы с целью сокрытия от уплаты алиментов, изменение фамилии и иных сведений о личности с той же целью, а также иные действия, свидетельствующие об упорном отказе от исполнении судебного решения по уплате алиментов).

Ссылка на отсутствие работы может быть принята во внимание как аргумент только в случае принятия должником активных мер по поиску работы. Поэтому органом, проводящим дознание, направляются соответствующие запросы в центры занятости населения относительно обращения должника для решения вопроса о его трудоустройстве, выясняется позиция самого должника. В противном случае – злостность в уклонении от уплаты алиментов налицо и в данном пункте.

При решении вопроса о злостности уклонения необходимо тщательно исследовать каждый индивидуальный случай с учетом объективных причин неуплаты лицом алиментов, а также иных обстоятельств дела. Нельзя,

например, рассматривать как злостное уклонение случаи вынужденного перерыва в уплате средств в связи с потерей работы, неудачными попытками трудоустроиться либо в связи с необходимостью переезда в другую местность по уважительным причинам.

Как справедливо отмечает Е.В. Валласк, судебная практика пошла по пути непривлечения должника к уголовной ответственности, если им ежемесячно выплачивается хотя бы незначительная сумма (например 1/4 официального дохода в размере 1000 рублей) на содержание ребенка, что явно является недостаточным даже на покрытие расходов для приобретения продуктов питания [1].

А между тем ребенок нуждается в ежемесячном материальном обеспечении. Поэтому в диспозиции анализируемой статьи целесообразно предусмотреть определенный количественный порог ответственности.

Признак злостности относится к оценочным понятиям и никогда полностью не раскрывался на законодательном уровне. Злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств. Суд отстраняет наследника от наследования по указанному основанию при доказанности факта его злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя, который может быть подтвержден приговором суда об осуждении за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, решением суда об ответственности за несвоевременную уплату алиментов, справкой-расчетом из службы судебных приставов о задолженности по алиментам, другими доказательствами. В качестве злостного уклонения от выполнения указанных обязанностей могут признаваться не только непредоставление содержания без уважительных причин, но и сокрытие алиментобязанным лицом действительного размера своего заработка и (или) дохода, смена им места работы или места жительства, совершение иных действий в этих же целях. Нельзя не обратить внимание на четкость позиции в определении злостности в данном постановлении. Прежде всего, злостность определяется исходя из продолжительности и причин неуплаты средств на содержание.

Конструктивными признаками данного преступления являются непредоставление содержания в виде алиментов, которое лицо обязано выплачивать по решению суда, носящее злостный характер, и отсутствие при этом уважительной причины. Сокрытие данным лицом своего заработка и дохода, смена им места работы или места жительства либо совершение других действий в целях уклонения от уплаты алиментов, несомненно, подтверждают наличие злостности в невыполнении правовой обязанности. Но эти признаки при отсутствии задолженности или при наличии уважительной причины ее возникновения не имеют самостоятельного значения. Они имеют значение лишь при наличии указанных конструктивных признаков и могут быть одними из разновидностей проявления злостности. В этом и заключается оценочное понятие такого признака, как злостность.

В качестве примера представляется возможным рассмотреть случай из практики автора. Так, во время проведения дознания по заявлению гражданки Л. в отношении бывшего мужа гражданина Л., который вопреки решению суда Центрально-Городского межрайонного суда города Горловка от 07.02.2015 года, уклонялся от выплаты денежных средств на содержание своего ребенка. Согласно указанному решению суда гражданин Л. был обязан выплачивать в пользу гражданки Л. на содержание ребенка 1/3 часть со всех видов заработка (дохода), но не менее 1/2 необлагаемого минимума дохода граждан. С самого начала гражданин Л. отказался выплачивать алименты, аргументируя тем, что ребенок, родившийся в совместном браке с гражданкой Л., не от него, что ребенок родился через семь месяцев после заключения брака. На уверения своей жены, а также на заключения медицинских работников гражданин Л. внимания не обращал. Отказывался принимать какое-либо участие в воспитании ребенка, абсолютно не интересовался им. В связи с такими действиями гражданина Л. у него образовалась задолженность по алиментам в размере 98868 рублей.

После обращения гражданки Л. в ОВД с заявлением о принятии мер к бывшему мужу, в связи с его злостным уклонением от уплаты алиментов, органом дознания была проведена доследственная проверка, в ходе которой выяснилось, что гражданин Л. является плательщиком налогов как физическое лицо-предприниматель, имеет ежемесячный определенный стабильный доход, владеет автомобилем, а также двумя квартирами в разных районах города. Данные сведения он сокрыл от службы судебных приставов. В ходе сбора иных сведений, могущих оправдать поведение гражданина Л. по отношению к ребенку, фактов его нахождения на лечении в лечебных учреждениях, нахождения на диспансерном учете не поступило. Факт неуплаты алиментов гражданин Л. не отрицал.

По результатам проведенного дознания в отношении гражданина Л. сотрудниками полиции на основании статьи 455 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее УПК ДНР), в порядке досудебной подготовки протокольной формы материала, был составлен протокол по ч. 1 ст. 163 УК ДНР. Далее, гражданин Л. ознакомившись с материалами дела, постановлением прокурора о возбуждении уголовного дела по ч.1 ст. 163 УК ДНР и обвинительным заключением, единоразово выплачивает алименты в размере 500 рублей [6].

Представляется возможным, что для определения злостности совершенного деяния необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда ДНР. Этому способствует возможность обращения к сложившейся практике рассмотрения подобных вопросов, выяснения всех обстоятельств, способствующих неуплате алиментов, исключения ситуаций, когда выплата алиментов не производится по уважительным причинам (например: длительная невыплата заработной платы, болезнь) [6]. Оценивая определенные неправомерные действия виновного, суд прямо указывает, в чем именно заключался злостный характер деяния. Однако, прежде чем уголовное дело

дойдет до судебной инстанции, многие потерпевшие, а также сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с определенными проблемами в привлечения виновных лиц к ответственности.

С целью усовершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов целесообразно обратиться к опыту законодательства зарубежных стран.

Анализ Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии, Уголовного кодекса Республики Польша показывает, что определение понятия «злостное уклонение» законодательно не закреплено, так как самой необходимости в доказывании «злостности» нет [16; 13].

Вместе с тем, при анализе правовых источников стран ближнего зарубежья (стран СНГ) заметно, что законодатель достаточно внимательно относится к определению злостности как составообразующего признака. Так, в диспозиции ст. 174 Уголовного кодекса Беларуси хоть и не предусмотрено само понятие «злостного уклонения», однако четко определены объективная сторона преступления, сроки уплаты средств, нарушение которых влечет уголовную ответственность, а также разграничивается уголовная ответственность в зависимости от степени тяжести. В качестве квалифицирующего признака признана повторность совершения [12].

Понятие «злостного уклонения» как уклонения от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей или уклонение детей от содержания нетрудоспособных родителей более трех месяцев по решению суда содержат уголовные кодексы Таджикистана (ст. 177-178 УК РТ) [15], Казахстана (ст. 136 УК РК) [13], Армении (ст. 173-174 УК РА) [11].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в изученных нормах уголовного законодательства зарубежных стран достаточно четко определяются критерии злостности уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей. В их качестве, например, выступают либо сроки, либо размер неуплаченных денежных средств, кроме того, законодатель более строго дифференцирует уголовную ответственность, признав в качестве квалифицирующего признака состава злостного уклонения от уплаты алиментов повторность (прежнюю судимость).

Выводы. Анализ уголовного законодательства ДНР, нормативной базы зарубежного законодательства, практический опыт сотрудников правоохранительных органов, а также личный опыт автора дают возможность определить понятие «злостности» в составе преступления, предусмотренного ч.1 ст. 163 УК ДНР. Под злостным уклонением от уплаты алиментов следует понимать противоправную деятельность виновного, заключающуюся в:

- неисполнении решения суда о назначении выплаты денежных средств на содержание детей;
- игнорировании предупреждений службы судебных приставов-исполнителей;
- сокрытии своего действительного заработка;

– в частой смене места работы с целью избежать удержаний по исполнительному листу;

– в уклонении с этой же целью от трудоустройства, смене места жительства без уведомления службы судебных приставов, наличие предыдущей судимости за такое же преступление и т.п.

Список использованных источников

1. Валласк Е.В. Актуальные вопросы расследования по делам о злостном уклонении от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних [Электронный ресурс] / Е.В. Валласк. – Режим доступа: <https://procuror.spb.ru/k719.html/> – (дата обращения: 02.04.2021).
2. Домчева Е. Не папин – не мамин / Е. Домчева // Российская газета. – 2013.– № 276. – С. 5.
3. Калегов Р.В. Проблемы применения в исполнительном производстве статьи 157 «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» УК РФ [Электронный ресурс] / Р.В. Калегов. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/399945-problemy-primeneniya-ispolnitelnom-proizvodstve-stati-zlostnoe-uklonen/>. – (дата обращения: 02.04.2021).
4. Ковалев П.Д. Качества личности от А до Я – «Подсказки для жизни». Карта статей [Электронный ресурс] / П.Д. Ковалев. – Режим доступа: <https://podskazki.info/zlostnost/> – (дата обращения: 02.04.2021).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – 2-е изд., переработанное и дополненное // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/> – (дата обращения: 02. 04.2021).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/>. – (дата обращения: 02.04.2021).
7. Кошаева Т. Проблемы ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и применения ч. 1 ст. 157 УК РФ / Т. Кошаева, Н.Гуль // Уголовное право. – 2006.– № 1. – С. 37-41.
8. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики № 172-ПНС от 17.07.2020, действующая редакция по состоянию на 01.09.2020 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks/> – (дата обращения: 02.04.2021).
9. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 10.07.2020 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty->

- verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ – (дата обращения: 02.04.2021).
10. Уголовный кодекс Республики Армения 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения: 02.04.2021).
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 02.04.2021).
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pavlodar.com/zakon/> (дата обращения: 02.04.2021).
13. Уголовный кодекс Республики Польша с изменениями и дополнениями на 01.08.2001 / Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/news/уголовный-кодекс-польши.html> (дата обращения: 02.04.2021).
14. Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 11.07.2020).
15. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами / С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов и В.П. Усков. – Москва: Юрич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927 (14-я тип. Мосполиграф). – 553 с.
16. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия в редакции от 13.11.1998 (действующая редакция по состоянию на 15.05.2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo> (дата обращения: 02.04.2021).

УДК 351.811.122

А.П. Карфидов, ст. преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: alex.alex77777@mail.ru)

НЕСООТВЕТСТВИЕ ОТВЕТОВ В ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ БИЛЕТАХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, ПРАВИЛАМ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ДНР

В статье проанализированы и приведены примеры несоответствий и противоречий ряда ответов в экзаменационных билетах, которые предлагаются сайтами ДНР при подготовке будущих водителей в автошколах и используются подразделениями МРЭО ГАИ ДНР для приема экзамена и выдачи удостоверений водителям транспортных средств. Рассмотрены также некоторые противоречия действующей редакции Правил дорожного движения ДНР и закона ДНР «О дорожном движении», указаны положения,

которые должны быть в соответствии с действующей нормативно-правовой базой в сфере дорожного движения ДНР.

Ключевые слова: автобус, микроавтобус, мопед, транспортное средство, механическое транспортное средство, главная дорога, второстепенная дорога, обочина, недостаточная видимость, темное время суток.

Karfidov, A.P.

NON-COMPLIANCE OF THE ANSWERS IN THE EXAMINATION TICKETS USED FOR THE TRAINING OF VEHICLES OPERATORS WITH THE TRAFFIC RULES OF THE DPR

The article analyzes and gives examples of discrepancies number of answers in the examination cards offered by DPR sites for training new drivers in driving schools and are used by the DPR Driver and Vehicle Licensing Divisions of State Automobile Inspectorate for examination and issuance of certificates to vehicle operators. There are also some contradictions with the current version of the traffic Rules, the law of the DPR "On road traffic" and the provisions that must be in accordance with the current legal framework in the field of road traffic.

Key words: bus, minivan, motorcycle, vehicle, mechanical vehicle, main road, secondary road, roadside, insufficient visibility, darkness hours.

Актуальность проблемы. Правила дорожного движения Донецкой Народной Республики (ПДД ДНР) разработаны на основе Закона ДНР «О дорожном движении» № 41-ИНС от 17.04.2015 и были утверждены Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.03.2015 № 3-12, при этом уже неоднократно в них были внесены изменения Постановлениями Совета Министров ДНР от 29.03.2017 № 5-12, от 13.09.2018 № 2-39 и Правительством Донецкой Народной Республики от 07.10.2020 № 64-2, поэтому они на данное время отличаются от ПДД Украины примерно на 7-8%. От Правил дорожного движения Российской Федерации ПДД ДНР отличаются более чем на 20 процентов, но при этом за основу по обучению и подготовке водителей в Донецкой Народной Республике взяты экзаменационные билеты России, которые по ряду ответов отличаются от ПДД ДНР. При этом не все имеющиеся отличия в этих билетах подкорректированы и исправлены в соответствии с ПДД ДНР, что привело к большому количеству противоречий в экзаменационных билетах. Это влияет на подготовку будущих водителей в автошколах, о чем говорят преподаватели, ведущие занятия по ПДД, и вызывает недовольство со стороны кандидатов в водители, обучающихся в этих автошколах. В результате чего эти противоречия и неточности в билетах могут спровоцировать конфликтные ситуации при сдаче экзамена в МРЭО ГАИ, а на дорогах – к спорным ситуациям между водителями и сотрудниками полиции.

Цель исследования – анализ, выявление, устранение некоторых неточностей и противоречий Правил дорожного движения и ответов в экзаменационных билетах на сайтах ДНР, используемых для подготовки водителей транспортных средств в автошколах Республики.

Изложение основного материала. Существующая в настоящее время законодательная база в сфере безопасности дорожного движения требует некоторых корректив, в особенности Правила дорожного движения ДНР. Так, если рассмотреть некоторые термины, указанные в п. 1.10 ПДД и сравнить их с требованиями п. 2.13 ПДД к водителю, имеющему удостоверение разных категорий и Законом ДНР «О дорожном движении», то в глаза сразу же бросаются их отличия, что в подзаконном акте, то есть Правилах дорожного движения не должно быть. Некоторые из них необходимо было бы подкорректировать, а в ряд других внести изменения.

Так в п. 1.10 ПДД под термином «автобус», который относится к категории D, подразумевается автомобиль с количеством мест для сидения более девяти с местом водителя включительно, который по своей конструкции и оборудованию предназначен для перевозки пассажиров и их багажа с обеспечением необходимого комфорта, и безопасности [2].

При этом в п. 2.13 ПДД и в Законе «О дорожном движении» принятым Народным Советом ДНР 17 апреля 2015 года указано, что к категории D относятся предназначенные для перевозки пассажиров автобусы, в которых количество мест для сидения, кроме сидения водителя, более 16, состав транспортных средств с тягачом категории D и прицепом, полная масса которого не превышает 750 килограммов [1].

Видно наглядно, что в этих пунктах по-разному трактуется термин «автобус» и указывается разное количество мест для сидения, но, учитывая то, что Правила дорожного движения ДНР разработаны на основе Закона ДНР «О дорожном движении», необходимо указать одинаковую информацию в ПДД ДНР, так как это трактуется в статье 13 – основные положения относительно допуска к управлению транспортными средствами Закона ДНР «О дорожном движении».

Поэтому в п. 1.10 ПДД и п. 2.13 ПДД необходимо указать одну и ту же информацию относительно того, что автобус – это автомобиль с количеством мест для сидения более 16, кроме сидения водителя.

Следующий термин п. 1.10 «микроавтобус», который относится к категории D1 – одноэтажный автобус с количеством мест для сидения не более семнадцати с местом водителя включительно. В п. 2.13 ПДД к категории D1 (микроавтобусы) относятся предназначенные для перевозки пассажиров автобусы, в которых количество мест для сидения, кроме сидения водителя, не превышает 16, состав транспортных средств с тягачом категории D1 и прицепом, полная масса которого не превышает 750 килограммов [2].

Информация в этих пунктах одинакова, но для лиц, начинающих изучать ПДД, не совсем бывает понятно, что одноэтажный автобус – автомобиль с количеством мест для сидения не более семнадцати с местом водителя включительно и количеством мест для сидения не превышающем 16, кроме сидения водителя, это одно и то же. Поэтому преподавателям, ведущим занятия по ПДД, приходится уточнять и объяснять, что различия по одному и другому пункту Правил нет, но, чтобы не вводить в заблуждение лиц,

изучающих ПДД, эти термины необходимо указать одинаково, то есть принять одно из существующих положений, а не два. И опять, в соответствии со ст.13 основные положения относительно допуска к управлению транспортными средствами Закона ДНР «О дорожном движении» информация в п. 2.13 ПДД не противоречит данному Закону, соответственно является верной [1].

Противоречие в п. 1.10 ПДД с п. 2.13 ПДД присутствует и по термину мопед, если он будет оборудован электродвигателем. В п. 1.10 ПДД мопедом категории А1 является двух- или трехколесное механическое транспортное средство, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт [2].

А в п. 2.13 ПДД и Законе ДНР «О дорожном движении» к категории А1 относятся мопеды, мотороллеры и другие двухколесные (трехколесные) транспортные средства, имеющие двигатель с рабочим объемом до 50 куб. см или электродвигатель мощностью до 4 кВт [1]. Если учитывать эту информацию, то в таком случае категорию А1 должны иметь и лица, управляющие велосипедом, оборудованным электродвигателем номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт, а также электросамокатом, гироскутером, моноколом, сигвеем и другими подобными транспортными средствами, как предусмотрено пунктом 2.13 ПДД и Законом ДНР «О дорожном движении».

В данных противоречиях считаю, что наиболее верно определение отражено в п.1.10 ПДД, точно такое же определения термина мопед указано и в ПДД России [3].

В Российской Федерации уже подняли вопрос по отношению к лицам, управляющим электросамокатами, гироскутерами и другими устройствами, оборудованными электродвигателями, так как скоростной режим при их управлении составляет от 35 до 80 км/час и зачастую они находятся на проезжей части, что угрожает безопасности движения. Специалисты в сфере безопасности прогнозируют, что лет через 25 их использование станет повсеместным, и для их движения необходимо будет создавать отдельную инфраструктуру.

Поэтому Минтранс России уже подготовил проект правил относительно передвижения электросамокатов, гироскутеров, мотоциклов и сигвеев. В проекте предусмотрено новое понятие «Средство индивидуальной мобильности — устройство, предназначенное для передвижения человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей) и (или) мускульной энергии человека (роликовые коньки, самокаты, электросамокаты, скейтборды, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства), за исключением велосипедов и инвалидных колясок».

В дальнейшем возможно и обучение таких лиц ПДД, так как управление средством индивидуальной мобильности небезопасно и пересечение с такими участниками движения, как водители, пешеходы и погонщики животных возможно не только на дорогах, но и в других местах, к которым можно

отнести жилые, пешеходные зоны, дворовые территории, площадки, примыкающие территории и другие места возможного их пересечения [5].

Рисунок 1. Средство индивидуальной мобильности — устройство, предназначенное для передвижения человека посредством использования электродвигателя: электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства.

Неточности в ПДД ДНР и Законе ДНР «О дорожном движении» имеются и в термине «механическое транспортное средство», так как к нему относятся транспортные средства, приводимые в движение с помощью двигателя. Этот термин распространяется на тракторы, самоходные машины и механизмы, а также троллейбусы и транспортные средства с электродвигателем мощностью свыше 3 кВт [1].

В данном термине не полностью перечислены транспортные средства, которые являются механическими транспортными средствами. Необходимо добавить значительное количество транспортных средств, которые относятся к механическим, но не указаны в данном термине, то есть мопеды, мотоциклы, легковые автомобили, грузовые автомобили с разрешенной максимальной массой до 3,5 т. и более 3,5 т., микроавтобусы, автобусы, трамваи, сельскохозяйственные, дорожные, строительные и другие транспортные средства, оборудованные двигателем. В таком случае термин будет более полным, но и слишком объемным. Поэтому наиболее рациональным было бы его написать следующим образом:

«Механическое транспортное средство – транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Термин распространяется также на транспортные средства с электродвигателем мощностью свыше 0,25 кВт».

В этом случае средства индивидуальной мобильности – устройства, предназначенные для передвижения человека посредством использования электродвигателя – электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства не будут сюда включены и не будут являться механическими транспортными средствами, так как электродвигатель

номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки у них не более 0,25 кВт [5].

В экзаменационных билетах по подготовке водителей на сайте «Мастер Дон» и при принятии экзаменов в МРЭО ГАИ ДНР имеется ряд неточностей по поставленным вопросам и ответам на них. Одним из примеров несоответствия Правил дорожного движения ДНР и ответов в экзаменационных билетах была задача, в которой в соответствии с нашей редакцией ПДД одним из признаков термина «главная дорога» является наличие дорожных знаков 1.22 – пересечение со второстепенной дорогой, 1.23.1 – 1.23.4 – примыкание второстепенной дороги и 2.3 – главная дорога. Наличие на второстепенной дороге покрытия непосредственно перед перекрестком не приравнивает ее по значению к пересекаемой [2]. Смотрим рисунок 2.

Рисунок 2. Дорожные знаки ПДД ДНР, дающие информацию о главной дороге.

В Российской Федерации в термине «главная дорога» помимо знаков 2.1 – главная дорога, 2.3.1-2.3.7 – примыкание второстепенной дороги указан еще и дорожный знак 5.1 – автомагистраль, который отсутствует в Правилах дорожного движения ДНР [3] (Рисунок 3).

Рисунок 3. Дорожные знаки Российской Федерации, дающие информацию о главной дороге.

При решении билета № 34 в вопросе №1 на сайте «Мастер Дон», а также в МРЭО ГАИ ДНР, как мы видим на картинках, указанных ниже, при ответе на вопрос – на каких рисунках показана главная дорога – правильным являлся ответ под номером 3 только на верхних, что соответствует ПДД России, а не ДНР [4]. Что, конечно же, не должно быть, так как кандидаты в водители могли не сдать теоретический экзамен по ПДД в МРЭО ГАИ ДНР, а если они хорошо

знали ПДД ДНР, то им пришлось бы доказывать свою правоту перед проверяющим его знания инспектором МРЭО ГАИ о том, что это у них в компьютерной программе по проверке знаний код правильного ответа не соответствует Правилам дорожного движения ДНР. (Рис 4).

Рисунок 4. Билет № 34 вопрос 1 на сайте Автошколы «Мастер Дон».

На каких рисунках показана главная дорога?

- Только на левом верхнем.
- Только на правом верхнем.
- Только на верхних.
- На всех.

Для того, чтобы к данному вопросу и ответам на него не было претензий со стороны лиц, сдающих экзамен, необходимо было изменить код правильного ответа с 3-го ответа только на верхних на 2-й ответ, где указано правильно в соответствии с ПДД ДНР – это только на правом верхнем или в ПДД ДНР в п.1.10 необходимо было внести дополнения по термину главная дорога, добавив в него знак 5.1 «Автомагистраль» или вместо дорожного знака 5.1 «Автомагистраль» применить знак 2.3 – главная дорога, что и было сделано на сайте «Мастер Дон». Поэтому на данный момент уже нет претензий к решению этого билета ни у преподавателей, ведущих занятия в автошколе, ни у лиц, сдающих экзамен по теоретической части ПДД.

Следующим несоответствием является информация в билете № 33 вопрос № 12 – код ответа вообще не соответствует ПДД ДНР. На вопрос – разрешено ли вам поставить автомобиль на стоянку в указанном месте при наличии узкой обочины – рекомендуется выбрать 2-й ответ. Где сказано, что разрешено, но только в светлое время суток. Если попытаться найти такое требования в Правилах дорожного движения ДНР, мы не найдем таких требований. В п. 1.10 ПДД в термине обочина указано, что она может использоваться для остановки и стоянки транспортных средств, но при этом не указано, в какое время суток – темное или светлое, а также не указана ее ширина. По обочине предусмотрено движение пешеходов, велосипедов (при

отсутствии тротуаров, пешеходных, велосипедных, велопешеходных дорожек или при невозможности передвигаться по ним), гужевых повозок (саней) [2].

В п.11.14 ПДД дополнительно указано, что по ней могут двигаться и мопеды, но все они могут двигаться, только если не будут создавать препятствий пешеходам.

Относительно времени суток, то есть темного времени суток и условий недостаточной видимости требования предъявляются п. 15.11 ПДД, где сказано, что она осуществляется с целью длительного отдыха, ночлега вне населенных пунктов только на площадках для стоянки или за пределами дороги [2].

Если посмотреть на рисунок, то видно, что на данный момент еще не наступило темное время суток и нельзя сказать, что это условия недостаточной видимости, так как недостаточной она является при видимости мене 300 м в сумерках, условиях дождя, тумана, снегопада и подобных условиях. Соответственно ответ, предлагаемый в данном вопросе под номером 2, не соответствует нашей редакции Правил, и его необходимо в компьютерной программе поменять на первый. Так как водители вынуждены останавливаться и совершать стоянку даже в темное время суток, но на непродолжительное время из-за физиологических особенностей организма человека или при сильной усталости, если возникла необходимость размять руки, ноги или занемевшую шею, или хотя бы даже попить воды, чаю или перекусить при длительном управлении автомобилем, что не является нарушением Правил. Смотрим на рисунок 5.

Рисунок 5. Билет № 33 вопрос № 21 на сайте «Мастер Дон».

Разрешено ли вам поставить автомобиль на стоянку в указанном месте при наличии узкой обочины?

- Разрешено.
- Разрешено, но только в светлое время суток.
- Запрещено.

Вывод. При формировании нормативно-правовой базы в сфере безопасности дорожного движения ДНР на данный момент разработаны и действуют Законы ДНР «О дорожном движении» от 17 апреля 2015 года, «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (принят Постановлением Народного Совета №37-ПНС от 24 мая 2019 года, с изменениями, внесенными Законом от 05.07.2019 № 47-ПНС, от 04.09.2019 № 56-ПНС, от 14.11.2019 № 69-ПНС, от 30.12.2019 № 89-ПНС, от 26.05.2020 №149-ПНС, от 17.07.2020 № 168-ПНС, от 24.09.2020 № 192-ПНС, от 20.11.2020 № 216-ПНС, от 05.03.2021 № 252-ПНС), Постановление Правительства Донецкой Народной Республики № 89-12 от 30.12.2020 «Об утверждении Порядка проведения обязательного технического осмотра колесных транспортных средств».

В ДНР отменили техосмотр для получения полиса ОСАГО. Теперь, как и в России, в Республике для оформления страховки нужен будет документ об обязательном техническом осмотре. Таким документом в РФ является протокол о прохождении ТО (диагностическая карта), которую выдают на станции ТО.

Получить полис ОСАГО теперь можно будет до 1 января 2023 года без предъявления документа о ТО, так как в ходе пленарного заседания депутаты Народного Совета ДНР приняли решение о внесении изменений в закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», согласно которому отменяется необходимость прохождения технического осмотра для приобретения полиса ОСАГО.

Также были приняты Постановления Совета Министров ДНР № 2-22 от 27 февраля 2015 года «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях», № 3-8 от 12.03.2015 года «Порядок государственной регистрации (перерегистрации), снятия с учета транспортных средств и мопедов» с изменениями и дополнениями, Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 № 13-29, от 04.12.2015 № 24-13, от 25.06.2016 № 8-1, от 10.03.2017 № 3-42, от 10.03.2017 № 3-43, от 26.04.2017 № 6-33 относительно порядка обязательной регистрации транспортных средств, зарегистрированных на территории Украины или других государств, которые не прошли регистрацию, временную регистрацию или постановку на особый учет в Госавтоинспекции Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики.

Изменения также были внесены принятием Указа Главы Донецкой Народной Республики от 29.12.2017 № 388 о приостановлении действия Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 04 декабря 2015 года № 24-13, которым внесены дополнения относительно порядка обязательной регистрации транспортных средств в Госавтоинспекции Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики.

Правила дорожного движения ДНР утверждены Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.03.2015 № 3-12 с

изменениями от 29.03.2017 № 5-12, от 13.09.2018 № 2-39 и Правительством Донецкой Народной Республики от 07.10.2020 № 64-2.

Законодательная база в сфере безопасности создана и работает, но пока не в полном объеме, так как до 1 января 2023 года отменяется необходимость прохождения технического осмотра для приобретения полиса ОСАГО.

И, конечно же, существует проблема с Правилами дорожного движения ДНР и используемыми экзаменационными билетами, где имеется много неточностей и противоречий, что в дальнейшем может сказаться на действиях участников дорожного движения, в основном на водителях, так как они при управлении транспортными средствами должны соблюдать требования ПДД. Поэтому до вступления в силу всех нормативно-правовых актов в сфере безопасности движения необходимо устранить эти недостатки и противоречия, что будет говорить уже о создании и действии законодательных и других нормативно-правовых актов в данной сфере.

Список использованных источников

1. Закон «О дорожном движении», принят Народным Советом ДНР 17 апреля 2015 года (Постановление № I-134П-НС).
2. Правила дорожного движения ДНР, утверждены Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.03.2015 № 3-12.
3. Правила дорожного движения, приняты Постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090.
4. Сайт Автошколы «МастерДон». – 2021. – URL: <http://master-don.com/> (дата обращения: 29.04.2021).
5. Сайт EurAzia Daily. – 2021. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/10/05/v-pdd-rossii-vnesut-popravki-kasayushchiesya-elektrosamokatov-i-giroskuterov> (дата обращения: 04.06.2021).

УДК 340.134«1781»: 321(73-41)

А.А. Лысов, канд. истор. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: tigr_dua@mail.ru)

«СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ» 1781 ГОДА И СОЗДАНИЕ КОНФЕДЕРАТИВНОГО СОЮЗА В США

В статье исследованы предпосылки принятия «Статей конфедерации» 1781 года и создание конфедеративного союза в США. Проанализирована структура и содержание «Статей конфедерации», освещены представительские полномочия однопалатного Конгресса и исполнительные полномочия Комитета штатов. Сделаны выводы о том, что конфедеративный союз тринадцати американских штатов был исторической необходимостью, который сыграл важную роль в налаживании политических

и экономических связей между ними, что в результате привело к образованию федеративного государства в 1787 году.

Ключевые слова: образование США, конфедерация, Конгресс, Комитет штатов.

Lysov, A.A.

«ARTICLES OF CONFEDERATION» OF 1781 AND THE CREATION OF A CONFEDERATE UNION IN THE UNITED STATES

The article examines the prerequisites for the adoption of the «Articles of Confederation» of 1781 and the creation of a confederate union in the United States. The structure and content of the «Articles of Confederation» are analyzed, the representative powers of the unicameral Congress and the executive powers of the State Committee are highlighted. It is concluded that the confederate union of the thirteen American states was a historical necessity, which played an important role in establishing political and economic ties between them and, as a result, led to the formation of a federal state in 1787.

Key words: *US creation, confederation, Congress, State Committee.*

Актуальность темы исследования. В предлагаемой статье наше внимание будет сосредоточено на проблеме анализа «Статей конфедерации» 1781 года и создания конфедеративного союза в США. Для многих современных государств, в том числе и для России, проблемы становления федеративных отношений приобрели особое значение. Современное развитие государств мира требует решения серьезных проблем, возникающих из-за необходимости урегулирования взаимоотношений между центральной и местной властью, а также учета социально-экономических и политических интересов различных регионов страны. Поиск научно обоснованных путей их решения требует исследовать многоплановые и противоречивые процессы истории государства и права зарубежных стран, сущность, особенности эволюции их государственности, конституционализма. Историко-правовые исследования могут оказать существенную помощь в выявлении причин возникновения федерально-региональных конфликтов в мире и нахождении политико-правовых средств их урегулирования. С этой точки зрения необходимо изучение историко-правового опыта других государств. Среди них важное место занимают Соединенные Штаты Америки. Ценность их опыта заключается в том, что они после обретения независимости смогли постепенно адаптировать отдельные штаты, которые имели несколько разное государственно-политическое и экономическое прошлое, в единое консолидированное государство. Важным этапом на этом пути стало принятие «Статей конфедерации» и создания конфедеративного американского союза.

Анализ научных исследований. Отдельные проблемы создания государства и права США исследовали такие отечественные ученые, как А.А. Мишин, В.В. Согрин, В.И. Лафитский, В.О. Печатнов и другие. Однако в их научных трудах преимущественно только частично затронут вопрос принятия и анализа «Статей конфедерации» и создания конфедеративного союза в США. Поэтому основной идеей данной статьи является выяснение

причин и предпосылок объединительных процессов между американскими штатами в период войны за независимость, а также поиска оптимальных форм сотрудничества между ними.

Целью настоящей работы является исследование «Статей конфедерации» 1781 года и создания конфедеративного союза в США.

Изложение основного материала. Вторая половина XVIII в. на территории Северной Америки была связана с борьбой английских колоний за независимость. В ходе этой борьбы колонисты были вынуждены координировать свою деятельность и определить общую цель и задачи, которые помогли им почувствовать себя единым народом и сформировать будущее национальное единство. На это, в частности, указывал текст Декларации независимости США 1776 г., где в регулятивной части этого документа сказано о том, что представители штатов взаимно ручаются друг другу жизнью, имуществом и священной честью. Декларация также провозглашала цель американцев – независимость от метрополии: «...мы, представители соединенных Штатов Америки, собравшись на общий Конгресс, призывая Всевышнего подтвердить честность наших намерений, от имени и по уполномочию доброго народа этих колоний, торжественно записываем и заявляем, что эти соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами, что они освобождаются от всякой зависимости по отношению к британской короне и что все политические связи между ними и Британским государством должны быть полностью разорваны...» [2]. И хотя после принятия Декларации независимости борьба с метрополией продолжалась еще несколько лет, именно этот политико-декларативный документ определил и формализовал намерения штатов строить общее государство на основе достигнутых компромиссов. Одним из первых таких компромиссов было сохранение рабства и право торговать рабами во всех южных штатах.

Такой шаг был обусловлен тем, что хоть в проекте Декларации независимости США Т. Джефферсон и предлагал запретить рабство, но по настоянию делегатов южных штатов, прежде всего Южной Каролины и Джорджии, которые обещали покинуть заседание Второго Континентального конгресса и выйти из войны с Англией в случае оставления этого пункта в тексте, он был вычеркнут [1, с. 525].

Важным этапом на пути к становлению новой государственной власти в США было избрание местных ассамблей и конвентов вместо прежней британской колониальной администрации. Особую роль в этом процессе сыграли такие общественные организации, как «Сыны свободы» и комитеты связи, которые еще до принятия конституций в каждом штате координировали государственно-политическую жизнь. Именно с помощью этих организаций влияние бывших представителей колониального управления было устранено, а вместо них к власти пришли участники освободительного движения и борьбы за независимость США [5, с. 140].

В законодательных ассамблеях закрепилось пропорциональное представительство разных районов каждого штата. В это время также были приняты первые конституции, которые юридически закрепляли сложившуюся политическую ситуацию и расстановку классовых сил в каждом штате. Составными частями конституций были билли о правах или декларации прав, которые содержали буржуазно-демократические права и свободы, а также гарантии неприкосновенности личности. Например, свобода совести, свобода печати, право на скорый и беспристрастный суд присяжных, право не давать показания против самого себя [4, с. 35].

Несмотря на то, что конституции провозглашали принцип народного суверенитета, на самом деле избирательными правами пользовалась только небольшая группа состоятельных людей. Так, в большинстве американских штатов для участия в выборах требовалось владение землей в размере 25-50 акров или имуществом с минимальной стоимостью 20-50 фунтов стерлингов. Для пассивного права существовал еще больший имущественный ценз, который достигал от 500 до 1000 фунтов стерлингов. При этом избирательным правом пользовались только мужчины. Все конституции предусматривали республиканскую форму правления. Законодательные органы в большинстве штатов были двухпалатными. Исполнительную власть поручали губернаторам или соответствующим советам [4, с. 35-36].

Вместе с подготовкой проекта Декларации независимости специальная комиссия Второго Континентального конгресса начала готовить проект конституции «Объединенных колоний». Этот документ был представлен конгрессу в 1776 г., а утвержден в 1777 г. С момента утверждения он получил название «Статьи конфедерации и вечного союза» (далее «Статьи конфедерации») и вступил в силу после ратификации его всеми 13 штатами с 1 марта 1781 г. [7, с. 218]. С этого момента было юридически закреплено название новой государственной организации и форма государственного устройства. «Статьи конфедерации» сохраняли суверенитет штатов как самостоятельных государственных субъектов, которые объединялись на данном этапе, по сути, только для защиты от общего врага – Англии, поскольку война за независимость США продолжалась.

Весомую роль в борьбе за независимость нового государственного объединения сыграли европейские и международные реалии того времени и особенно позиция Франции. В частности, летом 1789 г. французские власти отправили в Северную Америку экспедиционный корпус в количестве 6 тыс. человек, который непосредственно участвовал в борьбе с английской колониальной армией [8]. Успехи в дальнейших боевых действиях привели к тому, что английское правительство в начале 1782 г. было вынуждено начать с американской стороной мирные переговоры во Франции, а 3 сентября 1783 г. подписать итоговый документ – Версальский (Парижский) мирный договор, в соответствии с которым признавалась независимость, суверенитет и свобода тринадцати американских штатов: «Его Британское Величество признает указанные Соединенные Штаты, а именно: Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Род-

Айленд, Провиденс, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию, Делавэр, Мэриленд, Виргинию, Северную Каролину, Южную Каролину и Джорджию – свободными, суверенными и независимыми Штатами... Будет прочный и постоянный мир между его Британским Величеством и вышеназванными штатами и между подданными первого и гражданами последних, для чего все враждебные действия на море и на суше отныне будут прекращены» [11].

Объединяющую роль в борьбе штатов за свое освобождение сыграли «Статьи конфедерации», созданные в противовес господствующей в XVIII в. политической централизации в ее абсолютистско-монархической форме, которая сочеталась с деспотизмом, постоянной армией, полицией и бюрократией и тяжелым налоговым гнетом. Этот документ основывался на теории «естественного права», которая признает наличие у человека ряда неотъемлемых прав, которые принадлежат ему исходя из самого факта его принадлежности к человеческому роду. При этом естественное право противопоставляется доктрине правового позитивизма, которая утверждает, что право может быть даровано лишь по воле государства, воплощенной в законе, и что никакого права вне закона быть не может [6, с. 75].

«Статьи конфедерации» состояли из тринадцати статей, которые регулировали конфедеративные отношения и вечный союз между американскими штатами: Нью-Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд и колония Провиденс, Коннектикут, Нью-Йорком, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мерилэнд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия. Показательно, что уже на первом конфедеративном этапе объединения штатов было определено и название государственного образования, которое прочно вошло в историю и фигурирует по сей день. Так, в статье I было сказано, что «...конфедерация должна носить название «Соединенных Штатов Америки» [10]. В статье II говорилось, что «Каждый Штат сохраняет свое верховенство, свою свободу и независимость, равно как всю власть, всю юрисдикцию и все права, которые не представлены этой конфедерацией Соединенным Штатам, собравшимся на конгресс» [10]. Необходимо отметить, что такой выбор государственного устройства был достаточно удачным и своевременным. Американские штаты – бывшие колонии – имели разное экономическое и политическое развитие, различные видения своего будущего. Поэтому, освободившись от метрополии, они пытались оптимально распорядиться своим государственным суверенитетом, наделив центральные органы только такими функциями, которые были необходимы для успешной борьбы за реальную независимость от Англии. Так, в статье III закреплялась цель объединения так: «Каждый из перечисленных Штатов вступает в прочный дружеский союз с каждым из остальных Штатов для общей защиты, для обеспечения своих вольностей, для взаимной и общей пользы, обязываясь помогать один другому против всяких насилий или против всяких нападений, сделанных на один из них из-за религии, из-за верховных прав, из-за торговли или по какому-либо другому поводу» [10].

Разработчики «Статей конфедерации» пытались также в общих чертах определить и закрепить правовой статус жителей, проживавших в конфедеративном объединении. В частности, это предусмотрено в статье IV. В ней сказано, что «...свободные жители каждого из этих Штатов...должны пользоваться всеми привилегиями и льготами свободных граждан во всех Штатах; жители каждого Штата должны иметь право свободно въезжать в другие Штаты или выезжать из них, должны пользоваться там наравне с местными жителями промышленными и торговыми привилегиями и должны наравне с ними подчиняться уплате налогов и пошлин и другим ограничениям...». Ограничения по обеспечению прав и свобод касались только бедняков, нищих и лиц, которые избегали выполнения по ним судебного приговора [10].

В документе также были предусмотрены совместные органы власти для всех штатов, а именно однопалатный Конгресс и Комитет штатов. Для более удобного регулирования общих интересов США конфедеративный Конгресс формировался из числа делегатов, которых выбирали законодательными собраниями каждого штата по соответствующей процедуре в первый понедельник ноября. При этом штаты могли в любой момент отозвать своих делегатов и заменить другими. Каждый штат в зависимости от количества жителей имел право направлять в Конгресс от двух до семи делегатов. Никто не мог быть делегатом более трех лет в течение одного шестилетия, а также нельзя было совмещать работу в Конгрессе с другой должностью, за которую предусмотрена заработная плата, вознаграждение или денежное вознаграждение в любой форме. Чтобы уравновесить значимость представительства каждого штата, «Статьи конфедерации» предполагали, что при голосовании каждый из них будет обладать только одним голосом. Закреплялся также иммунитет от судебного преследования каждого делегата, за исключением случаев государственной измены, уголовного преступления или нарушения внутреннего покоя. Решения в Конгрессе принимали квалифицированным большинством в 2/3 от всех штатов, т.е. девятью штатами из тринадцати (статья V) [10].

Полномочия Конгресса касались различных сфер общественной жизни, внутренней и внешней политики. В частности, ему принадлежало исключительное право решать вопросы войны и мира, налаживать дипломатические отношения с другими государствами, назначать судей, самостоятельно решать судебные споры как высшая апелляционная инстанция, назначать высшее военное командование и прочее: «Без согласия собравшихся на конгресс Соединенных Штатов ни один Штат не должен отправлять послов к какому-нибудь королю, принцу или государству...не должен вступать с ними в сошествия, в соглашения, в союз или заключать договоры... Два или более Штата не могут заключать между собою трактаты или союзы без согласия собравшихся на конгресс Соединенных Штатов... Ни один из Штатов не должен вводить такие налоги или пошлины, которые были бы нарушением каких-либо условий в договорах, заключенных собравшимися на конгресс

Соединенными Штатами... Всякий Штат имеет право содержать в мирное время военные корабли только в том числе, какое конгресс признает необходимым для его защиты или для его торговых интересов; всякий Штат имеет право содержать в мирное время только такую армию, какая, по мнению конгресса, необходима для снабжения гарнизонами тех крепостей, которые служат охраной для внешней безопасности Штата... Ни один из Штатов не имеет права предпринимать войну без согласия собравшихся на конгресс Соединенных Штатов...» (статья VI). «Собравшимся на конгресс Соединенным Штатам принадлежит исключительное право разрешать вопросы касательно мира и войны...» (статья IX) [10]. Конгресс также обладал правом прекращать свои заседания на любой срок и переносить их в любое место Соединенных Штатов, но так, чтобы период прекращения заседаний не превышал шести месяцев. Он также должен был ежемесячно издавать специальный журнал о своей деятельности.

В период между заседаниями Конгресса было предусмотрено создание исполнительного органа в виде Комитета штатов. В него входило по одному представителю от каждого из тринадцати штатов. Конгресс мог также создавать другие комитеты и назначать гражданских должностных лиц. Комитет мог «...назначать одного из своих членов председателем...с тем условием, чтобы никто не занимал должности председателя более одного года в течение трех лет...занимать деньги или выпускать кредитные билеты от имени Соединенных Штатов...сооружать флот...устанавливать размер сухопутной армии и требовать от каждого Штата участия в расходах соразмерно с числом его белого населения...» (статья IX) [10].

Комитетом штатов руководил председатель, которого выбирали из представленных штатами делегатов. При этом ни одно лицо не могло председательствовать в этом органе более одного года в течение трех лет. Решения Комитета штатов считались принятыми, если за него голосовало не менее девяти из тринадцати представителей штатов. Самостоятельных полномочий Комитет не имел, а пользовался только теми правами, которые ему делегировал Конгресс.

Интересен также тот факт, что в «Статьях конфедерации» было предусмотрено право присоединиться к конфедерации Канаде, которой предоставляли право пользоваться всеми выгодами этого Союза. А относительно других колоний указывалось, что они могли быть приняты в состав Союза только с согласия девяти штатов (статья XI) [10].

В заключительной тринадцатой статье Конституции США 1781 г. содержалось положение, что каждый штат должен подчиняться решениям Конгресса по всем вопросам, решение которых предоставлено этим штатам на основании конфедерации. Конституция конфедерации должна соблюдаться каждым штатом, и провозглашалась идея о вечности данного союза [3, с. 33].

Оценивая конфедерацию американских штатов, можно считать, что это был союз отдельных самостоятельных государств для достижения временной цели. Он был необходимым для поиска сбалансированных компромиссов

между участниками союза и нахождения наиболее оптимальных форм сотрудничества между ними. Однако конфедерация со слабым правительством, без четко определенных полномочий не полностью отвечала стремлениям тогдашней буржуазии, которая нуждалась в сильной центральной власти, которая могла бы преодолеть политическую и экономическую раздробленность отдельных штатов, внедрить централизованное регулирование внешней торговли и торговли между штатами, ввести единую таможенную политику и т.д. Создание такого правительства было также продиктовано и внешнеполитическими устремлениями с целью повышения международного авторитета нового американского государства.

В условиях военного времени жизненно была необходима мобилизация материальных и человеческих ресурсов для успешной борьбы с вражеской армией. Для американской центральной власти того времени, на долю которой выпало решение этой задачи, это оказалось большой сложностью. Новое государство ощущало острую нехватку финансовых средств, в том числе тех, которые были предусмотрены для содержания самого Конгресса и других государственных структур, которые он формировал. Наибольшие расходы были связаны с необходимостью закупки оружия, военного снаряжения и продовольствия, а также выплатой вознаграждений солдатам и офицерам. Чтобы получить необходимые ресурсы, конгресс начал массовый выпуск бумажных денег. Была установлена новая денежная единица – американский доллар, стоимость которого приравнивалась к стоимости испанского доллара. Континентальные доллары наводнили страну, вызвали огромную инфляцию. До 1778 года цены на предметы первой необходимости выросли в 8 раз по сравнению с началом 70-х годов [5, с. 142]. Пытаясь облегчить финансовые трудности, конгресс наладил еще один источник получения средств – ссуды за рубежом. В результате сделок с Францией, Испанией и Нидерландами США в течение 1777-1780 гг. получили около 3 млн. долларов в твердой валюте, которые были использованы для закупок оружия и амуниции, в основном во Франции [5, с. 143].

Американцы сначала не имели регулярной армии: воевали отряды волонтеров-добровольцев, необученных военному делу, неорганизованных, кое-как одетых и обутых, часто голодных, без надлежащего медицинского обслуживания. Они по необходимости быстро собирались, хорошо ориентировались на местности, метко стреляли, позаимствовав у индейцев тактику рассыпного строя, но так же быстро, никому не сообщив, расходились по домам. Немало усилий, энергии и времени понадобилось главнокомандующему Континентальной армией Д. Вашингтону, его штабным и строевым офицерам для создания боеспособных вооруженных сил, которые были способны проводить регулярные боевые действия против англичан. Конгресс тоже принял в этом активное участие: были выделены значительные средства на приобретение вооружения, обмундирования, медикаментов. Во всех штатах был проведен новый набор добровольцев, которых стали обучать военному делу. В этих условиях американская промышленность начала активно

работать на войну. Однако эти мероприятия проходили с приложением больших усилий центральных органов власти, которые были вынуждены часто убеждать отдельные штаты действовать соответственно генеральной линии конфедерации. Недаром Д. Вашингтон называл конфедеративный союз «веревкой из песка» и всячески пытался изменить «Статьи конфедерации» для усиления центральной власти [9].

Выводы. Итак, проведя исследования, можно отметить, что предпосылкой принятия «Статей конфедерации» и создания конфедеративного союза была необходимость сосредоточить и скоординировать усилия американских штатов после принятия Декларации о независимости, в борьбе за полное освобождение от Англии. Конфедерация стала компромиссной моделью государственных отношений между штатами, которая смогла выявить настоящие потребности в совместных координирующих государственных органах благодаря деятельности однопалатного Конгресса и Комитета штатов.

«Статьи конфедерации» можно считать разновидностью международного договора, поскольку все штаты, которые входили в конфедерацию, оставались суверенными и независимыми государствами, а общие органы выполняли только координирующую роль. Уже на уровне конфедеративных отношений руководство штатов формировало свои взаимоотношения по принципу «сдержек и противовесов», справедливого и равного представительства в общих государственных органах. В частности, несмотря на представительство разного количества делегатов, каждый штат владел только одним голосом в конфедеративном Конгрессе. Существовали также ограничения по сроку пребывания на должности и т.д. И, наконец, «Статьи конфедерации» 1781 г. в США стали ярким историческим примером эффективного использования конфедеративного государственного устройства для развития государства и нормативного урегулирования взаимоотношений между ее отдельными частями в переходный период.

Список использованных источников

1. Всемирная история / под ред. Я.Я. Кутиса (отв. редактор), О.Л. Ванштейна, Н.И. Павленко, В.Ф. Семенова. – М.: Из-во социально-экономической литературы, 1958. – Т. 5. – 782 с.
2. Декларация независимости США 1776 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/indpndnc.htm>. – (дата обращения: 17.05.2021).
3. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. д.ю.н., проф. О.А. Жидкова и д.ю.н., проф. Н.А. Крашенинниковой. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 720 с.
4. История государства и права зарубежных стран / под ред. П.Н. Галанзы и О.А. Жидкова. – М.: Юридическая литература, 1969. – 488 с.
5. История США (1607–1877) / Г.Н. Севостянов, Н.Н. Болховитинов, Л.Ю. Слезкин [и другие]. – М.: Наука, 1983. – 687 с.

6. Малько А.В., Теория государства и права: Учебник / А.В. Малько, Н.И. Матузов – М.: «Юристъ», 2009. – 512 с.
7. Прудников М.Н. История государства, права и судопроизводства зарубежных стран / М. Н. Прудников. – М.: Юнити, 2007. – 415 с.
8. Сайт «Библиотека Украины»: ВОЙНА-США-ЗА-НЕЗАВИСИМОСТЬ-И-ФРАНЦИЯ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/>– (дата обращения: 19.05.2021).
9. Сайт «Инфопедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infopedia.su/12x96d8.html>. – (дата обращения: 19.05.2021).
10. Сайт «Восточная литература» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XVIII/1780-1800/Statji_Konfederat/text.phtml. – (дата обращения: 20.05.2021).
11. Сайт «История США в документах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istoria-usa.at.ua/publ/1-1-0-28>. – (дата обращения: 20.05.2021).

УДК 340.5

Н.Е. Мазина, канд. полит. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: mazina_nataliya@mail.ru)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЕТОД В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье рассматривается вопрос о применении сравнительно-правового метода в системе юридического познания. Раскрывается понятие сравнительно-правового метода, рассматриваются элементы структуры научного сравнения, способы проведения сравнительно-правового исследования, и уровни применения. В статье отмечено, что сравнительно-правовой метод в методологии юридической науки является одним из основных способов познания. Он предусматривает сравнение процессов, явлений и понятий юридического характера с целью изучения их сходства и выявления причин различия.

Ключевые слова: *сравнительно-правовой метод, юридическое познание, правовая система, компаративный метод, уровни сравнения, объект сравнения.*

Mazina, N.E.

COMPARATIVE LEGAL METHOD IN THE SYSTEM OF LEGAL KNOWLEDGE

The article discusses the issue of the application of the comparative legal method in the system of legal knowledge. The concept of the comparative legal method is revealed, the elements of the structure of scientific comparison, the methods of conducting comparative legal research, and the levels of application are considered. The article notes that the comparative legal method is one of the main methods of cognition in the methodology of legal science. It provides for the

comparison of processes, phenomena and concepts of a legal nature in order to study their similarity and identify the reasons for the difference.

Key words: *comparative legal method, legal knowledge, legal system, comparative method, levels of comparison, object of comparison.*

Актуальность темы исследования. Юридическое познание – сложное многоуровневое и многоаспектное явление, имеющее всеобъемлющий характер [1]. В рамках общетеоретического понимания юридическое познание может быть определено как совокупность определенных общественных отношений, образующих теоретико-методологическую основу для решения конкретных проблем правотворческой, правоохранительной, правоприменительной деятельности.

В юридическом дискурсе, в частности в работах Ю.П. Боруленкова, широкое распространение получило определение, в котором юридическое познание рассматривается как опосредованный правом и культурно-историческими факторами научный и ненаучный, интеллектуальный и деятельностный творческий процесс получения и интерпретации субъектом социально значимой информации о праве и правовой среде, в целях дальнейшего использования в соответствии с социальными функциями и личностными интересами [2].

В сфере научного юридического познания важное место занимают компаративные (от лат. *comparativus* – сравнительный) исследования, в основу которых положен метод сравнения.

Компаративизм в юридическом познании предполагает исследование сопоставимых правовых объектов, существовавших в прошлом или функционирующих в настоящее время. Для сравнения могут быть избраны соизмеримые нормы и положения, правовые институты и процессы, а также государственные и правовые системы в целом [3].

Сущность сравнительно-правового метода заключается в сопоставлении явлений и процессов правовой действительности с целью выявления подобных или отличительных черт между этими явлениями и процессами, а также терминами, которые данные явления и процессы обозначают. На теоретическом и методически обоснованном использовании сравнительно-правового метода базируется отдельная отрасль юридического познания – сравнительное правоведение, цель которого получить сравнительно-сопоставленные результаты и выводы. Сущность сравнительно-правового метода, его место в структуре юридического познания и необходимость дальнейшего совершенствования методологии компаративных исследований в юриспруденции обуславливают актуальность и практическую значимость исследования в рамках заявленной проблематики.

Целью статьи является определение сущности сравнительно-правового метода и анализ методологических основ его применения в системе юридического познания.

Анализ научных исследований. Каждый вид человеческой деятельности предусматривает использование отдельных приемов, действий

или операций с целью достижения определенной цели. По мнению Ю.Н. Колмогорова, А.П. Сергеева, Д.А. Тарасова данный способ познания объективной действительности определяется таким понятием, как «метод», что в переводе с греческого означает путь (способ) познания [4].

Методы научного познания подразделяются на всеобщие, общенаучные и специальные (частнонаучные). Сравнительно-правовой метод, относящийся к специальным методам научного исследования, позволяет выявить общее, особенное и единичное в правовых системах.

Следует отметить, что на современном этапе развития научной мысли, в юридическом дискурсе термины «компаративный» и «сравнительный» несут одинаковую смысловую нагрузку, так как оба обозначают универсальный способ сопоставления объектов разного уровня в статике и динамике, позволяющий всесторонне раскрывать их институциональные и функциональные особенности.

Проблемы применения сравнительно-правового метода исследования в юриспруденции освещены в работах таких отечественных ученых, как С.С. Алексеев, Ю.П. Боруленков, И.А. Кравец, А.В. Малько, Н.М. Марченко, А.Ю. Саломатин, А.Х. Саидов, Ю.А. Тихомиров, А.А. Тилле, В.А. Туманов, О.А. Халабуденко, Г.В. Швеков и другие.

Ведущий российский компаративист Ю.А. Тихомиров отмечал, что задача освоения методологии сравнительно-правовых исследований является достаточно сложной, несмотря на кажущуюся простоту [10, с. 54]. Доктор юридических наук, профессор сравнительного и международного права А.Х. Саидов указывает, что, невзирая на то, что сравнение является одним из основных логических приемов научного познания, во-первых, сравнительно-правовой метод нельзя рассматривать в качестве универсального метода в юридических исследованиях и важно определить границы его применимости, во-вторых, данный метод многофункционален, и в рамках оценочного подхода применим на любом уровне юридического познания (как теоретическом, так и эмпирическом), в-третьих, не следует сужать сферу его применения, сводя к компаративному анализу различных правовых систем [8, с. 40-45].

В рамках зарубежного компаративного дискурса необходимо отметить работы таких исследователей, как О. Брандт, М. Богдан, О. Кан-Фрейнд, П. Круз, У. Кишель, Ф. Лаурсон, П. Легранд, К. Цвайгерт, Х. Кетц и другие.

Известный американский компаративист У. Кишель (Kischel U.) в ряде своих работ отмечает, что несмотря на преимущества использования сравнительно-правового метода для решения ряда теоретических и практических задач в области юриспруденции, в его широком применении наблюдается ряд трудностей, связанных, по мнению ученого, с преобладанием методологических подходов, вытекающих из американских правовых концепций [3].

Изложение основного материала. Сравнительный метод в научном исследовании может быть использован во время сопоставления характеристик двух или более двух исследуемых объектов с целью выявления в них общего и

отличного, формирования классификаций или осуществления типологизации. Говоря об элементах правовой действительности, следует указать на:

- правовые учения, доктрины, концепции и правовые взгляды;
- национальные правовые системы; правовые массивы и комплексы, регулирующие деятельность международных, межгосударственных и межправительственных объединений;
- национальное законодательство, различные отрасли и институты законодательства как систему нормативно-правовых актов, которые регулируют различные сферы общественных отношений, законы и подзаконные акты, отдельные правовые нормы, юридическую технику, которая является совокупностью правил и приемов создания и структурирования правовых норм.

Одно из самых ранних применений сравнительно-правового метода связывается с трудами древнегреческих философов. Платон в труде «Законы» сравнивает законы различных греческих полисов и на основе этого предлагает модель идеального государства, в котором правовая система наиболее социально адекватна. Аристотель в основу трактата «Политика» положил сравнительное изучение 153 конституций греческих и варварских городов. В эпоху Возрождения и Просвещения наиболее ярким предвестником формирования науки сравнительного правоведения был французский мыслитель XVIII в. Ш.Л. Монтескье, автор труда «О духе законов» (1748 г.).

Считается, что идейные основы сравнительного правоведения заложил немецкий ученый П.И. Ансельм фон Фейербах, автора труда «Взгляд на германскую правовую науку» (1810 г.).

Развитие современной теории сравнительного правоведения началось в 60-х годах XX века. На начальном этапе становления сравнительно-правового метода происходило в рамках общей системы методов, применяемых правоведением на данном этапе. Впоследствии, используя практически апробированную методологию правовых исследований, были сформулированы фундаментальные положения, характеризующие сравнительно-правовой метод.

Благодаря сравнительному методу появилась новая научная отрасль – сравнительное правоведение, занимающееся изучением и сравнением различных правовых систем мировых держав. Следует отметить, что при изучении зарубежного опыта правотворчества и правоприменения, государство может совершенствовать собственную правовую систему, отказываться от устаревших несовершенных правовых норм, использовать положительный опыт в развитии собственного законодательства.

Аксиологический аспект сравнительного правоведения связан с исследованием проблем общественной полезности, опасности и нейтральности социальных явлений, оценки уровня развитости права, правовых ценностей и места права в социальном регулировании.

В структуре научного сравнения выделяются следующие элементы: объект, который сравнивается, объект, с которым сравнивают; критерии и свойства, по которым сравниваются объекты; юридическая оценка и выводы,

сделанные на основании проведенного сравнения. Сравнение следует рассматривать как познавательную операцию, суть которой сводится к выявлению общего, специфического и уникального по отношению к объектам правовых исследований.

В работах А.Х. Саидова рассматриваются два способа проведения сравнительно-правового исследования: функциональный и нормативный.

Суть функционального сравнения состоит в том, что в качестве критерия сравнимости выступает однородность социальных или правовых проблем, на регулирование которых направлен отдельный правовой институт или норма конкретной правовой системы. Иначе говоря, сравниваются правовые средства и способы решения одинаковых (сходных) социальных и правовых проблем в рамках различных правовых систем [8, с. 49-50]. Практическая ценность функционального сравнения в юридическом познании заключается в том, что данный способ сравнения позволяет находить оптимальные способы для решения отдельных социальных и правовых проблем.

Зарубежные компаративисты, критикуя метод функционального сравнения, подчёркивают, что положение о том, что именно право является механизмом решения социальных и правовых проблем общества, является сомнительным. В качестве аргумента противники функционального сравнения выдвигают предположение, что правовая норма в реальности может иметь различные функции, которые сложно, а иногда и невозможно, четко определить [8, с. 20]. По мнению М. Рейнстайна, к недостаткам функционального сравнения также следует отнести, во-первых, риск растворения права в социальной среде, к которому может привести необходимость учета степени воздействия на отдельные элементы правовой системы экономических, политических, социальных, культурных, этнических и географических условий, во-вторых, применение данного способа сравнения требует от исследователя комплексных экспертных знаний в области социологии, истории права, географии, антропологии и юриспруденции, что вызывает дополнительные трудности [3, с. 52].

При нормативном сравнении в качестве предмета сравнения выступают сходные правовые нормы, институты, законодательные акты.

Многогранность использования сравнительно-правовых методов в юридическом познании позволяет исследователям дифференцировать виды и уровни их практического применения. Так, отечественные компаративисты А.А. Тилле, Г.В. Швеков выделяют два основных вида сравнительно-правового метода – сравнительный синхронический и сравнительный диахронический. Первый предполагает сравнение объектов синхронно (одновременно), второй – в развитии, то есть он может рассматриваться как сравнительно-исторический метод познания [9, с. 12].

Исходя из вышеизложенного, сравнение однотипных положений, отраслей, институтов, событий, которые имели место в прошлые периоды, является диахронным. В случае, если в качестве предмета сравнения выступают действующие правовые системы и их элементы, либо сравнительно-правовые

исследования проводятся в рамках правовых семей или систем, речь идет о синхронном сравнении. Следовательно, сравнительно-правовой метод может использоваться как для анализа действующих законодательных норм, так и для анализа тех норм, которые использовались ранее.

В контексте рассмотренных выше положений И.А. Кравец предлагает использовать два уровня сравнения – горизонтальный, когда синхронно анализируются аналогичные правовые институты разных стран (например, институты парламента во Франции или Германии), и вертикальный, изучающий отдельный правовой институт в определенный исторический период. Ученый высказал необходимость проведения сравнительно-правового анализа по институциональному и функциональному критериям. Первый представляет собой сопоставление институтов права с точки зрения их правового регулирования, а второй – соотнесение основных направлений деятельности органов власти [5, с. 81].

Различают уровни применения сравнительно-правового метода. На макроуровне (высокий уровень) проводятся компаративные исследования в рамках сопоставления макрообъектов, к которым относятся правовые семьи и правовые системы. Как правило, это теоретический уровень сравнения, на котором исследуются:

- источники права (доктрина, закон, прецедент, обычай, договор);
- правовая идеология;
- юридическое мировоззрение;
- взаимодействие материнской и дочерних правовых систем в рамках одной правовой семьи;
- взаимодействие правовых систем, принадлежащих к различным правовым семьям;
- влияние международного права на национальные правовые системы [6].

Следует отметить, что количество объектов для сравнения не имеет значения: можно сравнить минимальное количество – две системы (например: национальную и иностранную правовые системы; правовые системы одного географического региона и т.д.). Можно сравнивать N различных правовых систем, в случае если сравниваемые системы соотносимы.

Мезоуровень (средний уровень) – это сравнение правовых институтов и отраслей права. Следует отметить, что на данном уровне изучение правовых институтов необходимо дополнить анализом социальных факторов в контексте их взаимосвязи с национальной правовой системой [6, с. 45-46].

Микроуровень включает в себя структурный и функциональный анализ элементов следующих объектов:

- правовые нормы (или их отдельные части);
- соизмеримые законодательные акты;
- статьи нормативно-правовых актов;
- судебные решения [8].

Сравнительно-правовой анализ, проведенный с целью предотвращения проблем в национальном законодательстве, должен соответствовать следующим требованиям:

– в связи с тем, что отдельно взятый нормативный акт является результатом развития общественных отношений, то при принятии такого акта необходимо исследовать дальнейшую динамику развития отношений, которые нужно урегулировать;

– необходимо точно определить, к какой отрасли права принадлежат рассматриваемые общественные отношения, какими нормативными актами они регулируются;

– по результатам проведенного исследования нужно выявить негативные факты в процессе функционирования таких отношений, подчеркнуть все положительное и принять полученные результаты во внимание при разработке нового нормативного акта или дополнения к уже существующему;

– осуществить сравнение национального законодательства на основании заранее определенной и обоснованной возможности сопоставления конкретных объектов, поскольку при их несопоставимости такое исследование будет нецелесообразным [6].

Можно утверждать, что указанные требования могут быть приняты во внимание как типичные при проведении любого компаративистского исследования в области юриспруденции.

С целью повышения достоверности и результативности познания, при использовании сравнительно-правового метода необходимо руководствоваться следующими положениями:

– сравнение правовых норм, демонстрирует функциональную сторону правовых решений, то есть то, как с помощью конкретных решений устраняются отдельные социальные и правовые проблемы;

– обязателен учет условий развития правовой нормы и ее социальной обусловленности;

– полученные данные должны быть критически осмыслены.

Выводы. В заключение следует отметить, что сравнительно-правовой метод стал неотъемлемой составной частью юридического познания.

Сравнительно-правовые исследования играют важную роль в развитии юридического познания и тесно связаны с международным публичным и частным правом, с отраслевыми юридическими науками.

Сравнительно-правовые исследования позволяют получить информацию для теоретических обобщений на наднациональном уровне, а также играют важную роль в процессе международной унификации и гармонизации права.

Сравнительно-правовой метод отличается от сравнительного метода только предметом исследования. Сравнительно-правовой метод является базовым методом сравнительного правоведения и используется для выявления общих и особых признаков правовых явлений и процессов, а также установления закономерностей их развития.

Сравнительно-правовой метод объединяет все методы исследований отдельного объекта (объектов) или его состояния, предметом которых является выявление общего, уникального и всеобщего, различного. Сравнительно-правовой метод не сводится только к сравнению, его составляющими также являются анализ, синтез, сопоставление, противопоставление и т. д.

Сравнительно-правовой метод наряду с иными методами научных исследований дает возможность изучать отдельные аспекты правовой реальности, которые ранее не охватывались проблематикой правоведения, выйти за национальные рамки правовой системы, а также определить круг проблем юридической науки с учетом тенденций развития права в современном мире.

Список использованных источников

1. Боруленков Ю.П. *Методология юридического познания* / Ю. П. Боруленков // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2013. – №1 (23). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-yuridicheskogo-poznaniya> (дата обращения: 26.06.2021).
2. Боруленков Ю.П. *Теория юридического познания как фундаментальная наука* / Ю.П. Боруленков // *Вестник Московского университета МВД России* – 2015. – №11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-yuridicheskogo-poznaniya-kak-fundamentalnaya-nauka> (дата обращения: 26.05.2021).
3. Кишель У. *Метод в сравнительном праве: контекстуальный подход* / У. Кишель // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2020. – №2 (135). – С.18-32. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://academia.ilpp.ru/product/metod-v-sravnitelynom-prave-kontekstualynu-podhod/> (дата обращения: 26.05.2021).
4. Колмогоров Ю.Н. *Методы и средства научных исследований: учебное пособие* / Ю.Н. Колмогоров, А. П. Сергеев, Д. А. Тарасов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 152 с.
5. Кравец И.А. *Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании* / И. А. Кравец // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2009. – № 6 (73). – С. 72-82.
6. Малиновский А.А. *Сравнительное уголовное право: учебник* / А. А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 592 с.
7. Оксамытный В.В. *Юридическая компаративистика как направление современной правовой науки* / В. В. Оксамытный // *Вестник БГУ*. – 2014. – №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-komparativistika-kak-napravlenie-sovremennoy-pravovoy-nauki> (дата обращения: 27.05.2021).
8. Саидов А.Х. *Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник* / под ред. В. А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

9. Тилле А.А. Сравнительный метод в юридических дисциплинах / А.А. Тилле, Г.В. Швеков. – М.: Высш. шк., 1978. – Изд. 2-е, допол. и испр. – 199 с.
10. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма, 1996. – 432 с.

УДК 341.3

Н.Е. Мазина, канд. полит. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: mazina_nataliya@mail.ru)

И.А. Копыл, правозащитник, ОО «Справедливая защита» (г. Донецк)

(e-mail: kop.iva@yandex.ru)

ВНУТРЕННИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Статья посвящена вопросам применимости норм международного гуманитарного права к внутренним вооруженным конфликтам. Рассматриваются понятия «внутренний вооруженный конфликт», «интернационализированный вооруженный конфликт», «новая война». Анализируются возможности расширенного применения норм международного гуманитарного права к вооружённому конфликту на Юго-востоке Украины.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, внутренний вооруженный конфликт, интернационализированный вооруженный конфликт, Женевские конвенции.

Mazina, N.E.,

Kopyl, I.A.

INTERNAL ARMED CONFLICT AS A SUBJECT OF LEGAL REGULATION WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The article is devoted to issues of the applicability of international humanitarian law to internal armed conflicts. The concepts of «internal armed conflict», «internationalized armed conflict», «new war» are considered. The possibilities of expanded application of the norms of international humanitarian law to armed conflict in the Southeast of Ukraine are analyzed.

Key words: international humanitarian law, internal armed conflict, internationalized armed conflict, Geneva Conventions.

Актуальность темы исследования. В настоящее время подавляющее большинство вооружённых конфликтов протекают как внутренние (внутригосударственные) вооружённые конфликты, для которых характерно систематическое применение организованного вооруженного насилия внутри

государства, направленного на политические изменения, обретение территориальной независимости либо восстановление политического контроля над всей или частью территории государства [1]. Так, на Римской дипломатической конференции 1998 г., посвященной принятию Статута Международного уголовного суда, было сказано, что «в течение предыдущих 50-ти лет большинство серьезных нарушений прав человека произошло не в ходе международных вооруженных конфликтов, а в отдельных государствах» [1]. При этом для современных внутригосударственных конфликтов характерно иностранное вмешательство, определить уровень которого зачастую невозможно. В юридическом дискурсе такие конфликты называют интернационализированными вооружёнными конфликтами (ИВК). По мнению британского профессора М. Калдор, ИВК следует относить к категории «новых войн» – нового вида организованного вооруженного насилия, сформировавшегося во второй половине XX века [7].

Вооруженное противостояние в Донбассе является ярким примером «новой войны». Протекая как внутригосударственный вооружённый конфликт, оно, тем не менее, имеет огромное международное значение и затрагивает интересы крупных геополитических игроков (таких как США, Российская Федерация, Европейский Союз и т.д.). При этом противоборствующим сторонам оказывается поддержка как на уровне сочувствующих граждан, так и на уровне иностранных государств. Всё это затрудняет квалификацию вооружённого конфликта в Донбассе в контексте применения международного гуманитарного права (МГП), т.к. применяемые нормы права определяются в зависимости от вида вооруженного конфликта. Вышеперечисленное в свете проявляющихся новых правовых очертаний различных типов современных вооруженных конфликтов, с учетом обозначившейся тенденции к расширению сферы применения МГП на внутренние вооружённые конфликты, обуславливает актуальность и практическую значимость исследования в русле заявленной проблематики.

Целью статьи является выявление возможности расширенного применения норм международного гуманитарного права к внутренним вооруженным конфликтам вообще, и к вооружённому конфликту в Донбассе в частности.

Анализ научных исследований. Особенности протекания внутренних вооруженных конфликтов и проблемы применения к данному виду конфликтов норм МГП освещены в работах таких отечественных ученых, как А.В. Герасимов, Г.Р. Кецбая, О.А. Копичев, С.В. Маликов, Е.А. Морозова, А.Е. Николаев, А.И. Рыжов, Б.А. Смирнов, М.Г. Смирнов, О.В. Яковлева и других.

Зарубежные учёные, наиболее глубоко изучившие проблему применения международного гуманитарного права к внутреннему вооружённому конфликту, в частности, Ф. Буше-Сольнье, Н. Мельцер, Ж.-М. Хенкертс выражают мнение, что для этого вида конфликтов наряду с писаными нормами международного гуманитарного права необходимо применять нормы обычного

права. Выделяя в особую категорию ИВК, исследователи отмечают несбалансированность в области права внутригосударственных вооружённых конфликтов, однако «дипломатично» не дают рекомендаций правительствам о необходимости изменений в области международных соглашений.

Изложение основного материала. К международному вооружённому конфликту применяется международное гуманитарное право в полном объёме, а к внутригосударственному вооружённому конфликту применяются лишь «...положения ст. 3, общей для Женевских конвенций», и нормы обычного международного гуманитарного права. Эти нормы гарантируют гуманное обращение со всеми, кто оказывается во власти неприятеля, и требуют, чтобы лиц, получивших ранения во время военных действий, включая раненых неприятельских бойцов, подбирали и обеспечивали помощью без какой-либо дискриминации».

В ряде иностранных изданий конфликт в Донбассе называют гражданской войной, вызванной внутренними причинами [6, с. 150]. Однако международное гуманитарное право использует термин «внутригосударственный вооружённый конфликт», который «вбирает в себя понятия внутреннего вооруженного конфликта, гражданской войны, восстания и мятежа, которые гуманитарное право не определяет и не признает как отдельные категории» [2].

Субъектами (сторонами) конфликта в Донбассе выступают, с одной стороны, правительство Украины в лице армии и органов правопорядка, а с другой – неправительственные вооруженные группы, представленные повстанцами, которые с точки зрения национального права являются преступниками. При этом неправительственные вооружённые группы осуществляют эффективный контроль над частью территории. Данные критерии позволяют использовать определение внутригосударственного вооружённого конфликта по смыслу дополнительного протокола II к Женевским конвенциям августа 1949 года (Дополнительный протокол II).

Для определения неправительственных вооружённых групп в Дополнительном протоколе II указаны критерии организованности, которым они должны отвечать, а именно: I) находиться под ответственным командованием; II) осуществлять такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол. Всем этим признакам в полной мере отвечают повстанцы в Донбассе.

Прокурор Международного уголовного суда (МУС) в своём отчёте по Украине, опубликованном в 2016 году, подтвердил это, отметив, что к 30 апреля 2014 года «уровень организации вооруженных группировок, функционирующих в восточной Украине, включая «ЛНР» и «ДНР», к тому времени достиг степени, достаточной для того, чтобы считать эти группировки сторонами немеждународного вооруженного конфликта» [11]. В то же время в отчете прокурора МУС по Украине от 5 декабря 2018 года говорится, что «по крайней мере с 14 июля 2014 года на востоке Украины, параллельно с немеждународным

вооруженным конфликтом, имеет место международный вооруженный конфликт» [12].

Таким образом, с точки зрения теоретиков в области международного гуманитарного права, конфликт в Донбассе также можно определить, как интернационализированный. «По сути, это понятие означает, что в уже существующий немеждународный вооруженный конфликт вмешивается государство или коалиция государств» [10, с. 89].

Следует отметить, что на сегодняшний день практически все немеждународные конфликты являются интернационализированными. При этом если вмешивающееся государство оказывает поддержку правительству, то продолжают применяться нормы международного гуманитарного права для немеждународного вооруженного конфликта. В случае же оказания поддержки повстанцам ситуация с точки зрения применяемого права становится более сложной. Ситуации, когда могут происходить столкновения между вмешивающимся государством и государством, на территории которого происходит конфликт, будут регулироваться нормами международного гуманитарного права для международных конфликтов, а случаи столкновения повстанцев с силами правительства – нормами для внутригосударственных вооруженных конфликтов. С точки зрения применимого права это приводит к сосуществованию на одной территории международного и внутреннего вооруженных конфликтов. Такая «двойная классификация» значительно усложняет квалификацию действий сторон в случаях ИВК, особенно учитывая тот факт, что большинство внутренних вооруженных конфликтов в современном глобальном мире имеют признаки иностранного вмешательства.

Говоря о применении норм МГП к внутренним вооруженным конфликтам, нельзя не отметить тенденцию к разнообразию данного вида конфликтов. Причинами этому стали: усложнение форм противостояния; вовлечение в него различных сторон и участников; принятие неоднозначных правовых решений, отягощенных политическими соображениями; политизация юридической классификации вооруженных конфликтов; стремление отдельных противоборствующих сторон вооруженного конфликта лишить противоположную сторону какого-либо правового статуса; отсутствие четкости формулировок правовых категорий в договорном праве; толкование сторонами фактов в соответствии с собственными интересами; сложности квалификации действий национально-освободительных движений, по существу, противостоящих интересам государства; сложность признания обеих сторон внутригосударственного вооруженного конфликта как воюющих.

Вышеперечисленные факторы привели к тому, что критерии понятия «вооруженный конфликт» со времени разработки и принятия Женевских конвенций 1949 г. видоизменились до крайности и сегодня выходят за рамки традиционной дефиниции вооруженных конфликтов. Это позволяет ставить вопрос о необходимости пересмотра данной правовой категории.

Примечательно, что международное гуманитарное право накладывает равные обязательства на обе стороны немеждународного вооруженного

конфликта, но при этом не даёт никакого правового статуса неправительственным вооружённым группам, в том числе статуса комбатанта и всех вытекающих из этого статуса привилегий. Отказ правительств признать за ними эти привилегии означает, что члены вооружённых групп остаются под юрисдикцией национального права, а значит, в результате становятся преступниками, так как сражаются с оружием в руках против правительства. Данная практика приводит к политической и правовой асимметрии, существующей между правительством и неправительственной вооружённой группой, оспаривающей его власть с оружием в руках. Нарушается принцип правового равенства сторон в конфликте, к которому стремится международное гуманитарное право.

Так, ст. 3, общая для всех Женевских конвенций, является минимальной безусловной нормой и применима ко всем сторонам в равной степени (независимо от соблюдения противником норм международного гуманитарного права), перечисляет некоторые действия, которые «запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте, независимо от того, совершают ли их представители гражданских или военных органов» [4, с. 22]. Что касается международных вооружённых конфликтов, такой минимальной нормой является ст. 75 Дополнительного протокола I.

В дополнение к вышеозначенной правовой асимметрии противостояние происходит на фоне информационной войны и пропагандистской компании враждующих сторон. Как отмечает руководитель юридического отдела международной гуманитарной организации «Врачи без границ» Ф. Буше-Сольнье: «Демонизация и дегуманизация противника являются частой практикой в ситуациях вооружённых конфликтов. Врага называют бандитом, преступником, хулиганом или террористом. Оспаривание статуса комбатанта лишает лиц, попавших в руки неприятельской стороны, их права на защиту и обхождение как с военнопленным, а также повышает риск жестокого обращения с ними. Оспаривание статуса комбатанта одновременно ставит под сомнение статус гражданского лица» [2].

Указанные примеры можно наблюдать и в ходе конфликта в Донбассе. Так со стороны киевского правительства повстанцев называют не иначе как «террористы». Попавшие в руки вооружённых сил Украины и СБУ члены вооружённых групп, или гражданские лица, подозреваемые украинской стороной в связях с этими группами, осуждаются в соответствии с нормами национального законодательства, при этом они часто лишены права на справедливое судопроизводство и подвергаются пыткам.

Примеры случаев пыток, незаконного задержания и других подобных нарушений международного гуманитарного права в большом количестве описаны как в отчётах правозащитных организаций, так и в отчётах ООН [11].

Кроме того, подвергается репрессиям большое количество мирных граждан. Так, по информации общественной организации «Справедливая защита» (Донецк), всего лишь около 5% граждан, опрошенных после освобождения из украинских тюрем «по обмену», имеют непосредственное

отношение к вооружённым группам, остальные являются по сути политическими заключёнными и выступают для Украины предметом политического торга.

Всё это наблюдается в контексте тенденции к созданию правового вакуума на территории конфликта в Донбассе. Участники противостояния демонизируются пропагандой противоположной стороны, вследствие чего создается значительный перекос в работе национальной судебной и правоохранительной систем Украины в отношении повстанцев. Национальное законодательство применяется односторонне, либо не применяется совсем. Киевскими властями не проводятся (либо проводятся неполноценно) расследования военных преступлений и преступлений против человечности, совершённых в контексте конфликта. Более того, данная ситуация создаёт на Украине ощущение безнаказанности у наиболее радикально настроенных участников конфликта, что в свою очередь приводит к совершению новых преступлений.

Кроме того, из-за идеологической войны наблюдается пренебрежительное отношение со стороны ВСУ к мирным жителям Донбасса. Так, с августа 2017 по август 2018 на территории ДНР и ЛНР от ведения боевых действий пострадало в 6 раз больше мирных граждан, чем на территории части Донецкой области, подконтрольной Украине. При этом количество пострадавших от мин и неосторожного обращения с взрывоопасными предметами со стороны ДНР и ЛНР в 2 раза превышает количество пострадавших с украинской стороны.

Для улучшения ситуации и защиты жизни и здоровья мирных жителей стороны, находящиеся в конфликте, могут заключить специальное соглашение, как это предлагается в общей для всех Женевских конвенций ст. 3. При согласии государства, являющегося стороной в конфликте, заключение специального соглашения может восстановить некоторое равновесие между применением положений гуманитарного права и национального права в ситуациях немеждународных вооруженных конфликтов. Это может позволить выйти за узкие рамки применения Дополнительного протокола II, не затрагивая при этом юридического статуса сторон в конфликте. Этот пункт особенно важен, так как позволяет государству подписать соглашение с незаконной и даже преступной с точки зрения национального права группировкой.

Следует отметить, что негосударственная вооружённая группа – слишком широкое понятие, которое не имеет градации по уровню организации, качеству контроля над территорией, а также не учитывает наличия гражданского правительства, законодательства и т.д. Представляется справедливым, что заключение такого соглашения между правительством и вооружёнными группами возможно тогда, когда повстанцы на контролируемой ими территории достигают уровня, при котором у них возникают все признаки государства (наличие публичной власти, наличие определённой территории и контроль над ней, суверенитет и т.д.) и эти изменения признаются второй стороной конфликта.

В контексте конфликта в Донбассе можно утверждать, что заключение соглашения между правительством Украины с одной стороны и ДНР и ЛНР с другой о предоставлении статуса комбатантов участникам конфликта могло бы стать серьёзным шагом к реализации Минских протоколов, а, следовательно, и урегулирования конфликта. Тем более, что Республики давно уже обладают всеми признаками государства.

Кроме того, эти подобные действия могут стать первым шагом к началу реального расследования военных преступлений, совершённых и совершаемых в Донбассе. Их счёт идёт на тысячи. Так, по состоянию на конец января 2019 г., донецкими правозащитниками из общественной организации «Справедливая защита» собраны и поданы в Международный Уголовный Суд материалы по 1178 взрослым и по 145 несовершеннолетним, пострадавшим в результате внутреннего вооруженного конфликта. Важной проблемой является также и тот факт, что нынешние украинские власти отказываются вести официальный диалог с представителями Республик. Но при этом сами члены контактной группы от Украины, присутствующие на переговорах в Минске, не имеют официального статуса представителей государства.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы, в случае внутригосударственного вооруженного конфликта, достигшего определенной степени интенсивности, применяются Дополнительный протокол II, нормы обычного международного права и ст. 3. Если конфликт не достигает такой степени интенсивности, но, тем не менее, является внутригосударственным вооруженным конфликтом и отличается от других форм насилия, к которым нормы международного гуманитарного права не применяются (случаи нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности), то применяется только ст. 3 [8, с. 52].

Необходимо подчеркнуть, что в контексте эволюции современных вооружённых конфликтов международное гуманитарное право имеет тенденцию к гармонизации содержания норм, применимых к обоим типам конфликтов, как в плане ограничения методов ведения войны, так и в плане оказания помощи населению. Но, к сожалению, нормы договорного международного гуманитарного права не поспевают за обычными нормами. Так, положения договорного права, регулирующие немеждународные вооружённые конфликты, представлены лишь в общей для Женевских конвенций ст. 3 и дополнительном протоколе II. В то же время из 161-й нормы обычного международного гуманитарного права, применяемой к международным вооружённым конфликтам, 147 положений применяются и к немеждународным вооружённым конфликтам [5]. Здесь стоит отметить, что обычное международное гуманитарное право (общая практика государств в области международного гуманитарного права, воспринимаемая как закон) – наиболее динамичная область права, быстро и чутко реагирующая на наиболее актуальные тенденции развития правоотношений.

Судебная практика международных трибуналов также значительно способствовала развитию обычного международного гуманитарного права. В

судебной практике считается общепризнанным, что более детализованные нормы международных конфликтов могут служить основой для толкования более общих принципов, предусмотренных для внутренних конфликтов, или применяться по аналогии в этих конфликтах [2].

Выводы. Вышеперечисленное позволяет прийти к выводу – конфликт в Донбассе явно имеет все характерные признаки «новой» войны, или, другими словами, это яркий пример интернационализованного внутригосударственного конфликта, с вытекающей из этого коллизией «двойной квалификации» конфликта (с точки зрения международного гуманитарного права одновременно сосуществуют два вида конфликтов: международный и немеждународный). Такая «бинарная квалификация» значительно усложняет разбирательства в случаях интернационализированных конфликтов.

Наиболее применимы к вооружённому конфликту в Донбассе общая для всех Женевских конвенций ст. 3 и дополнительный протокол II. В данной области существуют возможности улучшения участи лиц, не участвующих, либо прекративших участие в боевых действиях. Это заключается в возможности подписания соглашения между воюющими сторонами.

Исследование возможностей расширенного применения норм международного гуманитарного права к внутреннему вооружённому конфликту позволит осуществить поиск решения назревших в системе МГП противоречий и дополнить, с учетом современных реалий, типологию вооруженных конфликтов, попадающих в сферу применения МГП.

Для защиты лиц, не участвующих (или прекративших участие) в вооружённом конфликте, существует объективная необходимость расширения права международных вооружённых конфликтов на внутригосударственные в полном объёме. Практически важно выработать и закрепить в международных соглашениях единую дефиницию самого понятия «внутренний (немеждународный) вооружённый конфликт», а также чётко и однозначно определить пороги применимости норм МГП в случае вооруженного конфликта (в особенности по отношению к внутренним вооружённым конфликтам, которые по статистике является самым распространённым в современном мире).

Список использованных источников

1. Бекашев К.А. Международное право: учебник для бакалавров / К.А. Бекашев. – Москва: Проспект, 2020. – 896 с.
2. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права [Электронный ресурс] / Ф. Буше-Сольнье. – Режим доступа: slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/nemezhdunarodnyi-vooruzhennyi-konflikt-vooruzhennyi-konflikt-nemezhdunarodnogo-kharaktera-vnutrennii-konflikt-nvk/ (дата обращения: 18.05.2021).
3. Военные преступления украинских силовиков: пытки и бесчеловечное отношение. Второй доклад. – М.: Фонд исследования проблем демократии, 2015. – 144 с.

4. Григорян Г.М. Международно-правовые основы расследования военных преступлений. (На материалах Нагорно-Карабахского вооруженного конфликта): Монография / Г.М. Григорян.– Ереван: 2018. – 560 с.
5. Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы / Л. Досвальд-Бек, Ж.-М. Хенкертс // МККК, 2006. – 874 с.
6. Ежегодник СИПРИ 2016: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998 – 2016. – 2017. – 1044 с.
7. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.
8. Комментарий к Дополнительному протоколу II (1977), касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера [Электронный ресурс] // Международный комитет красного креста (МККК). Официальный сайт. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения: 20.04.2021).
9. Мазина Н.Е. Внутренний вооруженный конфликт и применимые к нему нормы международного гуманитарного права / Н.Е. Мазина, И.А. Копыл // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 8: Политические и юридические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 200-203.
10. Мельцер Н. Международное гуманитарное право: общий курс / Н. Мельцер. – М: МККК, 2017. – 417 с.
11. Отчет о действиях по предварительному расследованию (2016 г.) [Электронный ресурс] // Международный уголовный суд. Офис прокурора. – Режим доступа: www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf. (дата обращения: 18.05.2021).
12. Римский статут МУС [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 20.04.2021).
13. Внутренние конфликты и другие ситуации насилия – какая разница для жертв? (10-12-2012 Интервью Кэтлин Лаванд) [Электронный ресурс] / Международный комитет красного креста (МККК). Официальный сайт.– Режим доступа: www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/interview/2012/12-10-niac-non-international-armed-conflict.htm (дата обращения: 18.03.2021).
14. Тебе не існує. Свавільні затримання, насильницькі зникнення та тортури на сході України. Amnesty International / Human Rights Watch, 2016. – 48 с.
15. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине. 16 февраля – 15 мая 2016 г. – 66 с.

16. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине. 16 августа – 15 ноября 2016 г. – 34 с.

УДК 343.13

Т.М. Мамона, старший преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: tuz_1976@mail.ru)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье проводится комплексное исследование вопросов гармонизации уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной Республики и Российской Федерации. Автор отмечает отдельные проблемные вопросы, связанные с практической реализацией последствий проведения уголовно-процессуальной гармонизации законодательств.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-процессуальный кодекс, гармонизация законодательства, аналогия права, аналогия закона.*

Mamona, T.M.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF HARMONIZING CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

The article provides a comprehensive study of individual issues of harmonization of the criminal procedure legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation. The author notes certain problematic issues related to the practical implementation of the consequences of the criminal procedure harmonization of legislation.

Key words: *criminal procedure legislation, criminal procedure code, harmonization of legislation, analogy of law, analogy of statute.*

Актуальность темы исследования. Политический курс гармонизации законодательства в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) с законодательством Российской Федерации (далее – РФ, Россия) начал реализовываться на законодательном уровне с 2015 года и продолжается по настоящее время.

Гармонизация законодательства ДНР и РФ подразумевает под собой довольно сложный, комплексный и многоаспектный процесс. По нашему мнению, такой процесс должен происходить совместно, как на законодательном, так и на научном уровнях.

Уголовно-процессуальный кодекс ДНР (далее – УПК ДНР), принятый Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года № 240-НС, отдельными положениями схож с Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ). Тем не менее, УПК ДНР является самостоятельным нормативным правовым актом, определяющим порядок производства по уголовным делам на территории ДНР, имеющим определенные различия с положениями УПК РФ.

В силу того, что в настоящее время уже происходит гармонизация законодательства ДНР и РФ практически во всех его отраслях, считаем, что неизбежной является аналогичная гармонизация и уголовно-процессуального законодательства.

Анализ научных исследований. В РФ общим вопросам гармонизации законодательства посвящены работы таких исследователей, как В.М. Баранов, И.Л. Бачило, С.А. Горленко, М.А. Пшеничников, В.С. Нерсесянц, Ю.А. Тихомиров и др.

Проведенный нами анализ научной литературы и периодических изданий не выявил в ДНР каких-либо научных исследований по данному вопросу.

Цель статьи. Основной целью научной статьи является проведение комплексного исследования по вопросу гармонизации уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ, определение отдельных проблемных вопросов, которые могут возникнуть на практике в результате такой гармонизации, формулировка и обоснование конкретных предложений по совершенствованию процесса гармонизации уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ.

Изложение основного материала. Употребление термина «гармонизация» происходит представителями власти во многоаспектном значении при решении ряда вопросов, в том числе при принятии нормативных правовых актов на законодательном уровне, заключении договоров на международном уровне, восстановлении справедливости на судебном уровне и т.д.

Однако прежде чем непосредственно перейти к предмету настоящего научного исследования, следует разобраться в этимологии термина «гармонизация законодательства».

Гармонизация законодательства, как одна из форм правовой интеграции государства, не является новым правовым явлением в юриспруденции. Историко-правовой анализ развития отдельных мировых государств, в том числе и России, позволяет сделать вывод о том, что практически весь исторический процесс становления и развития национального права того или иного государства неразрывно связан с определенным проявлением гармонизации.

Однозначного определения термина «гармонизация законодательства» на доктринальном уровне нет. Тем не менее, считаем необходимым указать

отдельные точки зрения российских ученых, которые, по нашему мнению, наиболее полно раскрывают содержание данного понятия.

Так, И.Л. Бачило отмечает: «Гармонизация законодательства – это сложная система деятельности юристов, включающая: определение наличия правовой дозы каждого государства; сравнительный анализ, выявление различий и противоречий, пробелов; оценка актуальности и преимуществ законодательства каждой из сторон; составление прогноза относительно реализации конкретных форм создания единой правовой системы государства; организация работы по каждому объекту законодательства с учетом определенной формы его адекватности для включения в единое правовое пространство» [1, с. 135].

В свою очередь, М.А. Пшеничников полагает: «Гармонизация законодательства – это гармонизация не только правовых норм, институтов и отраслей, но также различных сопутствующих социальных интересов и отношений, которые мотивируют разработку и законодательное закрепление определенных правовых положений. Гармония интересов предполагает (основывается) и требует наличия гармонии регулирующих их законодательных норм. Обратное просто недостижимо, потому что очевидно связано с ущербом (ущемлением) интересов отдельных сторон» [3, с. 13].

Следует отметить, что на законодательном уровне понятие «гармонизация законодательства» в РФ закреплено лишь в Договоре о Евразийском экономическом союзе, заключенном 29 мая 2019 года (далее – Договор).

Так, в соответствии со статьей 2 Договора, гармонизация законодательства – это сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах.

Обобщая вышеизложенное, полагаем, что под гармонизацией законодательства следует понимать нормотворческий процесс, направленный на сближение и согласование законодательств отдельных государств, а также на устранение коллизий и противоречий в рамках схожей между такими государствами правовой системы.

Как отмечалось ранее, вопрос гармонизации уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ является неизбежным и весьма актуальным, о чем неоднократно заявляет Председатель Народного Совета ДНР В.А. Бидёвка.

Так, в одном из интервью В.А. Бидёвка заявил, что гармонизация с законодательством РФ является основополагающим принципом при разработке и принятии законов ДНР [2].

Мы разделяем эту точку зрения по данному вопросу, однако считаем, что гармонизация законодательства ДНР с российским законодательством должна проявляться концептуально. Когда мы говорим о концептуальной гармонизации законодательства, то мы имеем в виду гармонизацию общих его положений, идей и принципов.

Следует отметить, что любое государство, наделенное всеми необходимыми государственными признаками, является автономным и самостоятельным субъектом на международной арене. Подобная самостоятельность проявляется во многих аспектах государственно-правового устройства, в том числе и в нормотворчестве, с учетом социально-экономических и общественно-политических обстоятельств.

В силу этого, в процессе гармонизации законодательства ДНР и РФ, в том числе и уголовно-процессуального, необходимо учитывать особенности нормативного правового механизма, их реализации и социально-экономических условий в ДНР и РФ.

Полагаем, что при принятии УПК ДНР законодатель уже принимал во внимание идею гармонизации республиканского уголовно-процессуального законодательства с российским законодательством, что прослеживается по следующим схожим моментам:

1) принципы уголовного судопроизводства:

Принципы уголовного судопроизводства по УПК ДНР:

- 1) неприкосновенность личности (статья 12);
- 2) неприкосновенность жилища, охрана личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (статья 13);
- 3) осуществление правосудия только судом (статья 14);
- 4) состязательность и диспозитивность (статья 16);
- 5) гласность судебного разбирательства (статья 20) и др.

Принципы уголовного судопроизводства по УПК РФ:

- 1) неприкосновенность личности (статья 10)
- 2) неприкосновенность жилища (статья 12);
- 3) тайна переписки, телефонных; и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статья 13);
- 4) осуществление правосудия только судом (статья 8);
- 5) состязательность сторон (статья 15) и др.

2) поводы и основания для возбуждения уголовного дела:

Статья 104 УПК ДНР: Поводами к возбуждению уголовного дела являются:

- 1) заявления или сообщения юридических лиц, должностных лиц, представителей власти, общественности или отдельных граждан;
- 2) сообщения представителей власти, общественности или отдельных граждан, задержавших подозреваемое лицо на месте совершения преступления или с поличным;
- 3) явка с повинной;
- 4) сообщения, опубликованные в печати;
- 5) непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления.

Статья 140 УПК РФ: Поводами для возбуждения уголовного дела служат:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;
- 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

- 3) права участников уголовного судопроизводства;
- 4) стадии уголовного процесса;
- 5) процессуальный порядок обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу и т.д.

Тем не менее, несмотря на многие присутствующие схожие черты уголовного судопроизводства в ДНР и РФ, имеются также и определенные отличия.

Во-первых, отличие уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ проявляется в отдельных уголовно-процессуальных сроках.

Так, согласно статье 120 УПК ДНР, дознание производится в срок:

- 1) по делу о преступлении, не являющимся тяжким или особо тяжким – не более десяти дней, начиная с момента установления лица, его совершившего. Если такое лицо не установлено, дознание приостанавливается с соблюдением требований, предусмотренных статьей 225 УПК ДНР;

- 2) по делу о тяжком или особо тяжком преступлении – не более десяти дней с момента возбуждения дела;

- 3) в случае избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в порядке, предусмотренном статьей 179 УПК ДНР – не более пяти суток с момента избрания меры пресечения [4].

В свою очередь, согласно части 3 статьи 223 УПК РФ, дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток [5].

Во-вторых, в УПК РФ имеется Глава 32.1, посвященная дознанию в сокращенной форме.

Поведенный нами правовой анализ Главы 32.1 УПК РФ позволяет сделать вывод, что под дознанием в сокращенной форме следует понимать одну из форм предварительного расследования, осуществляемого дознавателем по уголовному делу, производство предварительного следствия по которому необязательно в случае, если причастность определенного установленного лица к совершению преступления является явной.

Следует отметить, что в УПК ДНР такая форма предварительного расследования, как дознание в сокращенной форме – отсутствует.

Возможно, что отсутствие такой формы предварительного расследования в УПК ДНР является временным, и законодателем будет введена в республиканское уголовно-процессуальное законодательство в недалеком будущем. Тем не менее, при внедрении дознания в сокращенной форме в ДНР, необходимо учесть имеющуюся следственную практику ее применения в РФ, как положительную, так и негативную.

В-третьих, существенным отличием между уголовно-процессуальным законодательством ДНР и РФ является участие присяжных заседателей в суде.

Хотелось бы отметить, что тема участия присяжных заседателей в судебном производстве является довольно дискуссионной среди практиков и ученых, как в ДНР, так и в РФ. В рамках данного научного исследования мы не будем останавливаться на основных преимуществах и проблемах участия

присяжных заседателей в судебном производстве, а отметим лишь имеющиеся сложившиеся позиции законодателя ДНР и РФ по данному вопросу.

Так, вопросам участия присяжных заседателей в судебном производстве посвящен отдельный XII раздел в УПК РФ.

Такой государственный институт, как суд присяжных, появился в России в 1993 году. Несмотря на закрепление права на суд присяжных в Конституции РФ, продолжается спор о его необходимости.

Впрочем, нынешняя правовая политика России в области судебной системы направлена на усиление роли присяжных заседателей. Так, с 1 июня 2017 года вступили в силу поправки в Федеральный Закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» [6]. Рост значимости этой формы судопроизводства обусловлен и введением ее в районные и гарнизонные военные суды; и установлением нового необходимого количества присяжных заседателей; и незначительным расширением подсудности дел суду присяжных.

По мнению российского законодателя, эти меры поспособствуют развитию правосознания населения и снижению общего уровня преступности.

В свою очередь, конституционное и уголовно-процессуальное законодательство в ДНР не предусматривает возможности участия присяжных заседателей в судебном производстве. Полагаем, что такая позиция законодателя в ДНР обосновывается таким международным и конституционным принципом, как осуществление правосудия только судом (статья 80 Конституции ДНР, статья 14 УПК ДНР). Значение данного принципа в уголовном судопроизводстве как раз заключается в том, что он защищает граждан от возможности применения к ним уголовного наказания каким-либо иным государственным органом, кроме суда, а, следовательно – гарантирует каждому гражданину законность, обоснованность, мотивированность, справедливость решений по уголовному делу. Кроме того, не стоит забывать, что на сегодняшний день в ДНР нестабильная военная обстановка, которая также оказывает определенное влияние на становление суда присяжных в уголовно-процессуальном законодательстве ДНР.

Отметим, что УПК Украины 1960 года, который действовал на территории ДНР до 24 августа 2018 года, также не предусматривал участия присяжных заседателей в судебном производстве.

Считаем, что различие позиций законодателя в ДНР и России по вопросу участия присяжных заседателей в судебном производстве является также временным, к которому возможно будет вернуться после установления стабильной и благоприятной военно-политической обстановки на территории ДНР.

В-четвертых, в отличие от УПК ДНР, в УПК РФ содержится раздел, посвященный вопросам особенностей производства у мирового судьи. Так, раздел XI УПК РФ регламентирует порядок производства по уголовным делам, подсудным мировому судье, начиная от возбуждения дела частного обвинения, и заканчивая обжалованием приговора и постановления мирового судьи.

Производство у мирового судьи представляет собой разновидность ускоренного и упрощенного судопроизводства в суде первой инстанции. Естественно, такая форма судопроизводства имеет свои особенности, а именно:

1) подсудность мировых судей ограничена делами о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, за исключениями, указанных в части 1 статьи 31 УПК РФ. Это дела частного обвинения и дела, расследованные в форме дознания;

2) сокращенные сроки для начала судебного разбирательства, которое должно быть начато не ранее 3 суток и не позднее 14 суток со дня поступления дела или заявления по делу частного обвинения;

3) специфическая процедура рассмотрения дел частного обвинения.

В настоящее время судебная система ДНР находится в состоянии становления и развития. Мы не исключаем того, что в ДНР могут быть созданы мировые суды, поскольку перспективы их образования, на наш взгляд, очевидны.

Отмеченные нами выше сходства и различия в уголовно-процессуальном законодательстве ДНР и РФ не являются исключительными. Данный вопрос подлежит дальнейшему глубокому и всестороннему изучению.

Выводы.

В данной научной статье мы провели комплексный сравнительно-правовой анализ отдельных положений уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ, который вызван процессом гармонизации уголовно-процессуального законодательства этих двух государств. По результатам проведенного научного исследования следует сделать следующие, наиболее важные выводы:

1. Процесс гармонизации уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ является неизбежным. К такой гармонизации необходимо готовиться уже сейчас, путем проведения соответствующих круглых столов, научно-практических конференций, дискуссий с представителями научно-практических работников.

2. При становлении и развитии государственной законодательной базы любого государства, прежде всего, необходимо иметь в виду его государственную форму управления, закреплённую в Основном законе, социально-правовую и экономическую составляющие.

Именно поэтому, проводя политику гармонизации законодательства ДНР и РФ, в том числе и уголовно-процессуального, законодателю необходимо осуществлять это концептуально, а не путем имплементации тех или иных правовых норм.

3. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства ДНР и РФ должна осуществляться при соблюдении ряда фундаментальных правовых принципов, среди которых следует выделить:

– принцип целесообразности (отражает программность и прогнозируемость гармонизации законодательства, оптимальность выбора конкретного метода (средства, приема) гармонизации);

– принцип пропорциональности (означает требование соотносимости периодов и форм бытия законов, частотную согласованность их изменений, которая должна быть максимально синхронизирована по времени осуществления, а также строгое использование структурно-композиционной однородности законов);

– принцип сбалансированности (достижение равновесия составных элементов регулируемых отношений);

– принцип вариативности (означает и требует наличия подвижности, гибкости гармонизации, допуск противоположных векторов движения, изменения, мобильности, оперативности законодательного массива. Иными словами, речь идет о допустимости коррекции самой гармонизации на любом этапе ее осуществления, то есть о «согласовании гармонизации». Достигается подобное благодаря использованию средств и методов дополнения гармонизации);

– принцип универсализации (направлен на предотвращение разрыва индивидуального, частного с общим, единым).

Список использованных источников

1. Бачило И.Л. Место информационного законодательства в системе права / И.Л. Бачило // Восьмая Всероссийская конференция «Проблемы законодательства в сфере информатизации». Материалы – М., 2000. – С. 124-128.
2. Главный принцип формирования законотворческой системы – гармонизация с российским законодательством // [Электронный ресурс]. Сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики – URL: <https://dnrsovet.su> 04.01.2020 (<https://dnrsovet.su/glavnyj-printsip-formirovaniya-zakonotvorcheskoj-sistemy-garmonizatsiya-s-rossijskim-zakonodatelstvom/> (дата обращения: 27.05.2021).
3. Пшеничнов М.А. Гармонизация законодательства как фактор обеспечения внешнеэкономической безопасности России / М.А. Пшеничнов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – №1 (8). – С. 10-15.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 г. (в редакции по состоянию на 20.03.2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 27.05.2021).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001, № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) / Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
6. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // «Российская газета», №182, 25.08.2004.

УДК 343.9

С.Ю. Мироненко, канд. юрид. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

Н.С. Мироненко, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПОНЯТИЕ НЕКОРЫСТНОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье проводится анализ социально-правовой природы некорыстной насильственной преступности. Акцентируется внимание на том, что под некорыстными насильственными преступлениями следует понимать умышленные преступные деяния, посягающие на охраняемые законом общественные отношения, обеспечивающие физические блага лица, совершенные против воли потерпевшего путем психического или физического насилия и возникающие на почве личной неприязни, мести, ревности, удовлетворения половой страсти или из-за хулиганских побуждений.

Ключевые слова: преступность, насильственная преступность, социально-правовая природа, некорыстная насильственная преступность.

Mironenko, S.Yu.,

Mironenko, N.S.

SOCIAL AND LEGAL NATURE AND THE CONCEPT OF DISINTERESTED PERFORCE CRIMINALITY

The article analyzes the social and legal nature of disinterested violent crime. Attention is focused on the fact that disinterested perforce criminality should be understood as intentional criminal acts that encroach on public relations protected by law, providing physical benefits of a person, committed against the will of the victim by means of mental or physical violence and arising on the basis of personal hostility, revenge, jealousy, sexual passion or because of hooligan motives.

Key words: crime, perforce criminality, social and legal nature, disinterested perforce criminality.

Актуальность. Изменения в политической, экономической, социальной и духовной жизни нашего общества выдвинули на повестку дня вопрос всестороннего развития правовой системы Донецкой Народной Республики, главной целью которого является укрепление принципов гуманизма, социальной справедливости, уважения к человеку, строгого соблюдения его прав и свобод, равенства всех граждан перед законом и неотвратимости ответственности каждого за противоправные деяния. Неслучайно личная и имущественная безопасность граждан в современных условиях является одним из интегрированных показателей качества жизни. Уверенность людей в будущем, их желание и способность поддержать и реализовать демократические инициативы во многом будут зависеть от неуклонного воплощения в жизнь этих принципов.

Преступность, в частности насильственная, во всем мире растет и приобретает все более опасные формы. Западные криминологи уже давно называют этот вид преступности важнейшей проблемой. Материалы международных конгрессов, конференций, а также многочисленные исследования свидетельствуют о серьезной опасности насильственной преступности. Общество вынуждено искать причины этой преступности и средства ее преодоления. А потому исследование криминологических аспектов предупреждения насильственной преступности является чрезвычайно важным и актуальным.

Анализ научных исследований. Общетеоретической основой исследования послужили труды известных ученых Г.А. Аванесова, Ю.В. Александрова, Ю.М. Антоняна, Л.В. Багрий-Шахматова, Ю.В. Баулина, С.В. Бородина, Н.И. Ветрова, А.И. Долговой, В.И. Женунтия, А.П. Закалюка, А.Ф. Зелинского, И.И. Карпеца, Н.И. Коржанского, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой и других.

Однако труды этих ученых имеют общетеоретический характер и не в достаточной степени касаются многих вопросов, связанных с теоретическим и практическим обеспечением противодействия насильственной преступности. Учебники по криминологии, отдельные статьи и диссертационные исследования содержат преимущественно правовые и демографические характеристики лиц, виновных в совершении насильственных преступлений, отдельные фрагменты их поведения и описание внешних обстоятельств.

Цель исследования заключается в анализе криминологических характеристик социально-правовой природы некорыстной насильственной преступности.

Изложение основного материала. Наблюдения за преступностью, зафиксированные в работах ученых многих веков, были той основой, на которой в дальнейшем возникла криминология. Еще древние культуры эмпирически связывали жизнь общества с различными негативными явлениями. Многие из выдвинутых в то время идей получили развитие в процессе дальнейшего изучения преступности. В этой связи нельзя не обратить внимание на тот парадоксальный факт, что современное поколение ученых постоянно чувствует необходимость в обращении к истории развития преступности.

Здесь необходимо отметить, что насильственная преступность, как и преступность в целом, является такой же древней, как и само человечество. Именно в эпоху первобытнообщинного строя, когда основным, и, возможно, единственным условием человеческого выживания было совместное существование людей, когда формировались определенного рода сообщества, стала возникать объективная необходимость, во-первых, защищать интересы одной общины от интересов (посягательств) другой, во-вторых, обеспечивать внутри своего сообщества нормальное сосуществование. Как внутри сообщества, так и вне его возникали различные противоречия, а точнее говоря – противоположные интересы [3, с. 72]. В результате этого стали совершаться

«преступления» – убийства, телесные повреждения, нарушения правил использования охотничьих и пастбищных угодий, похищение женщин, даже разбой и кражи, а также самые разнообразные нарушения, возникающие из примитивных религиозных представлений. За эти «преступления» применялись такие «наказания», как кровная месть, изгнание из общин, возмещение причиненного вреда [13, с. 5-6].

«Как видно, – пишет Г.А. Аванесов, – «преступления» и «наказания» за них соответствуют своей эпохе. Конечно, в отношении этой доисторической эпохи нельзя говорить о преступности как массовом явлении. В то время были лишь единичные случаи антиобщественных поступков. Не было, разумеется, и специальных учреждений для их рассмотрения. Действовали социальные нормы, созданные практикой общины. Следовательно, в отношении этого периода не следует вести речь ни о преступности, ни о преступлении. Отсутствовало государство и отсутствовало правовое регулирование» [1, с. 500].

По нашему мнению, такое утверждение носит слишком категоричный характер. Действительно, если рассматривать преступность в современном ее понимании, как исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершенных в соответствующем государстве (регионе) за тот или иной период времени, то разногласия являются существенными. Однако если синтезировать все имеющиеся точки зрения по поводу признаков, характеризующих преступность, то нетрудно выделить основные, в отношении которых разногласия отсутствуют. К ним относятся: социальность данного явления; общественная опасность; массовость; уголовно-правовой характер. Как видим, три из них (социальность, общественная опасность, массовость) характерны для преступности, которая существует в любой общественно-экономической формации. Поэтому мы разделяем мнение И.И. Карпеца о вечности преступности, присущей любому, а не только классовому обществу. В качестве доказательства он приводит совершение и в первобытном доклассовом обществе антиобщественных деяний и существование системы санкций за них. То есть, явление преступности, по мнению И.И. Карпеца, существовало, но отсутствовало его правовое определение [8, с. 69-82].

Бесспорно, уголовно-правовой характер преступность приобрела с появлением государства, когда нужен был специальный аппарат, который имел бы соответствующие органы принуждения. Появились писанные законы, регулирующие правила общежития. Таким образом, на смену социальным нормам, созданным практикой общины, пришел правовой механизм, регулирующий общественные отношения в сфере уголовной политики. Правда, определение того, что преступно, а что нет, что уголовно наказуемо, а что только аморально, непрерывно меняется от общества к обществу, от эпохи к эпохе и от культуры, в рамках которой оно совершается. Например, в Древнем Египте самым опасным преступлением считалось наступить на тень фараона [5, с. 9-10]. В средние века самым тяжким преступлением считалось

«святотатство» – поношение бога, оскорбление святынь, затем шли «зверства» и «мужеложство», а потом уже убийства и кражи. В Греции считалось преступлением оставить родителей без погребения; по древнееврейским законам тяжкими преступлениями считались идолопоклонничество, колдовство, вызов духов, неповиновение родителям. Сжиганием, убийством или повешением каралось ложное предсказание, прелюбодеяние с замужней женщиной и тому подобное [16, с. 33]. Среди некоторых индийских племен в древние времена было принято лишать жизни старых родителей, когда они становились обузой для племени. Подобным образом у эскимосов до появления белого человека старая и нетрудоспособная мать прощалась со своей семьей и уходила во льды, ожидая смерти. У народа ифугао в северной части острова Лусон вообще не существовало понятия преступления [17, с. 238]. Подобные различия в определении преступления, как видим, отражают ценности и установки того общества, в котором они существовали. К такому выводу пришел и французский социолог и криминолог Г. Тард. Исследуя возможность существования инстинктов и «природных склонностей», связанных с какой-либо особой физической структурой человека, которые во все времена и во всех социальных группах считались «вредными, антисоциальными и преступными», он пришел к выводу, что только определенные действия, например, убийство или воровство (но только у лиц своей социальной группы) во все времена рассматривались как преступление. Однако в целом, по мнению Г. Тарда, преступность не имеет неизменной природы. Ее формы меняются с изменением законодательства и социального устройства. Понятие преступного поведения зависит от волеизъявления, от мыслей, желаний, взглядов, существующих в социальных группах [16, с. 235].

Эти выводы подтверждают и современные исследования. Так, например, С.Ф. Кабанов, который специально изучал преступность в сельской местности, считает, что хулиганство – это наше доморощенное, бытовое явление. Проведение кулачных боев – толпа на толпу, село на село – для хулиганской части сельской молодежи стало любимым спортом. Убийство в таком бою начало становиться в деревне частым явлением [10, с. 50-51].

Позже, под влиянием процессов миграции и урбанизации «экспорт» группового насилия и жестокости пришел в город, прежде всего в его периферийные районы, то есть во вчерашние рабочие поселки, о которых А. Приставкин писал: «Я истинный «любер». Я из этого рабочего поселка, где была своя антикультура, где царил культ жестокости и насилия. Не силы – именно насилия» [10, с. 51].

Следовательно, изменение статуса поселения, не подкрепленное соответствующим социально-экономическим обеспечением, привело к тому, что периферийные районы по качеству населения (например, уровню криминализации и алкоголизации населения) и среде обитания значительно отстают от центра. Образуется социально-территориальное пространство, в котором интегрируются наиболее острые противоречия в основных сферах

жизнедеятельности. Это положение усиливается социальным, территориальным и этническим аутсайдерством [10, с. 51].

Вместе с тем, несмотря на повышенную общественную опасность насилия, его зловещая роль только начинает осознаваться. Сейчас у нас, как, впрочем, и за рубежом, ведется полемика по вопросам насилия.

Типичные проявления насилия – это террор, лишение жизни и причинение телесных повреждений, посягательство на половую неприкосновенность, взятие заложников, похищение детей, побои и истязания, применение незаконных методов воздействия в отношении задержанных и подследственных и т.д. Криминологи традиционно выделяют такие структурные элементы насильственной преступности, как корыстно-насильственная и некорыстно-насильственная, но достаточно развернутой криминологической характеристики группы некорыстных насильственных преступлений при этом не дают. Таким образом, данная категория преступлений характеризуется дополнительным, по сравнению с другими общеуголовными преступлениями, внутренним единством, и прежде всего единством этиологии, что выражается на социально-психологическом уровне в виде искаженных попыток проявления своего «я» вопреки интересам окружающих.

Следует отметить, что в юридической литературе чаще применяется понятие «насильственная преступность» [14, с. 179], без разграничения ее на корыстно-насильственную и некорыстно-насильственную. Однако до сих пор существует нечеткость в установлении точного круга насильственных преступлений. Так, одни авторы относят к этой группе преступлений только умышленные убийства, умышленный тяжкий вред здоровью и хулиганство, которые, по их мнению, «образуют самостоятельный в криминологическом понимании «блок» насильственных преступлений» [14, с. 17].

По этому поводу А.Э. Жалинский справедливо замечает: «в этом внешне тривиальном тезисе много удивительного. Почему сюда не вошли нетяжкие телесные повреждения, ведь они не имеют особой криминологической природы, изнасилования и другие преступления?» [7, с. 102].

Другие относят к насильственным преступлениям хулиганство, телесные повреждения различной тяжести, убийства и изнасилования [6, с. 204]. Третьи – дополняют данный перечень истязанием и частично хулиганством. Четвертые – понимают под насильственными преступлениями все преступления, связанные с насилием или угрозой применения насилия [4, с. 11, 29]. При этом законодатель, конструируя насильственные составы, применил не только термины общего характера («физическое насилие», «угроза», «нападение» и др.), но и конкретизированные термины, определяющие последствия (убийства, причинение вреда здоровью различной тяжести, побои и др.).

Вместе с тем, используя разнообразные термины, обозначающие применение того или иного вида насилия, законодатель не определяет такие понятия, как «насилие», «угроза», «физическое насилие», «нападение»,

«терроризирование» и др. «Более того, – справедливо замечают И.Я. Козаченко и Р.Д. Сабиров, – он не всегда последователен в применении указанной терминологии, допуская различное ее толкование» [9, с. 21].

Так сложилось, на наш взгляд, в результате отсутствия последовательной научной разработки этих понятий, как в криминологии, так и в смежных областях юридической науки, что в свою очередь порождает разногласия в отграничении насильственных преступлений от ненасильственных.

Оставляя в стороне полемику о наиболее оптимальном понятии насильственной преступности и ее разновидностей, мы попытались выработать свой собственный подход в решении этой проблемы, предварительно выделив такие структурные элементы преступности, как корыстные, корыстно-насильственные и некорыстно-насильственные, в отличие от традиционных: корыстно-насильственных и насильственных. Для каждой из указанных категорий преступлений характерны свои критерии.

Первым таким критерием является наличие объекта посягательства. В данном случае – это охраняемые законом об уголовной ответственности общественные отношения, обеспечивающие физические блага (жизнь и здоровье) лица. Посягательство на свою жизнь, то есть самоубийство по отечественному законодательству не является преступлением. Оно не влечет за собой уголовного наказания и оценивается только с моральных позиций.

Вторым критерием для отнесения преступления к группе некорыстных насильственных является наличие прямого умысла в совершении преступного деяния. С позиции криминологии этот вид преступности охватывает совокупность преступных деяний, объединенных по характеру преступной деятельности, в процессе которой преступник умышленно, осознанно прибегает к насилию по отношению к другому человеку как способу достижения поставленных целей. Умыслом преступника охватывается причинение потерпевшему физических страданий или телесных повреждений, а в ряде случаев и смерти. Эта особенность механизма преступного поведения отличает насильственные преступления от других преступлений.

В литературе отмечается, что некорыстная насильственная преступность, выделенная на основе мотива совершения преступного деяния, во-первых, явление неоднородное и, во-вторых, такое, которое не может прямо противопоставляться корыстно-насильственной преступности. Некорыстная насильственная преступность и корыстно-насильственная частично «перекрывают» друг друга. Схематично это можно было бы подать в виде скрещивания колец. Это относится, например, к бандитизму, насильственному грабежу и разбою с целью завладения имуществом, вымогательству с угрозой насилия. Отсюда вытекает третье условие отнесения преступления к группе некорыстных насильственных – мотив. Что касается определения понятия мотива преступления, то на сегодняшний день не существует единого определения понятия мотива ни в уголовно-правовой, ни в криминологической литературе. Уместно было бы сослаться на определение, данное А.В. Савченко.

По его мнению, «мотив преступления – это интегральное психическое образование, которое побуждает лицо к совершению общественно-опасного деяния и является его подоплекой» [15, с. 21]. «Неизученность мотивов преступного поведения, – как справедливо отмечает В.Н. Кудрявцев, – проявляется в том, что к их числу часто относят обстоятельства, которые таковыми не являются, например сами по себе ссоры, драки, унижение» [13, с. 5-6]. Для данной категории преступлений наиболее распространенными являются мотивы, возникающие на почве личной неприязни, мести, удовлетворение половой страсти или из хулиганских побуждений. Психологическая характеристика данной категории преступлений, по мнению В.Н. Кудрявцева, имеет иную, чем у корыстных преступлений специфику. Совершение таких преступлений часто не является способом достижения каких-то рациональных целей, а представляет своего рода «самоцель». Насильственное, агрессивное поведение выступает при этом как искаженная попытка проявления своего «я», вопреки интересам окружающих. Поэтому, например, корыстное убийство, как и разбойное нападение В.Н. Кудрявцев к этой группе не относит [11, с. 265-266].

Четвертым условием является способ посягательства.

Среди советских ученых-юристов общепринятым являлось деление насилия на две разновидности: физическое и психическое насилие, то есть угроза применения физического насилия [12, с. 202]. Исходя из этого некоторые авторы сопоставляют эти понятия с философскими категориями «возможность» и «действительность». Если психическое насилие предполагает возможность воздействия на организм человека в будущем, то физическое – это уже фактическое воздействие.

Следовательно, физическое и психическое насилие необходимо рассматривать как два однородных явления, а именно насилие – как их совокупность. И, несмотря на то, что подавляющее большинство насильственных преступлений совершается способом физического насилия, исключение психического насилия из криминологического анализа механизма насильственного поведения неоправданно сузило бы круг изучаемых вопросов.

Так же как и в случае применения физического насилия, преступник, прибегая к угрозам посягательства на жизнь и здоровье другого человека, добивается для достижения своей преступной цели выполнения или невыполнения потерпевшим против его воли и желания определенных действий. Осознание потерпевшим реальной возможности приведения угрозы в действие заставляет его выполнить требования преступника. Отказ потерпевшего подчиниться чаще всего заканчивается причинением вреда здоровью или даже лишением жизни. На практике в большинстве случаев насильственные действия сочетаются с угрозой причинения еще большего вреда здоровью потерпевшего или лишения его жизни в случае продолжения сопротивления или невыполнения требований преступника.

Указанные способы совершения преступных деяний позволяют отграничить, таким образом, насильственные преступления от

ненасильственных. Если преступник достигает цели с помощью других способов (подкуп, уговор и т. д.), не связанных с применением насилия, преступное деяние в силу иного характера преступного поведения не может быть отнесено к насильственным преступлениям. Так же не являются насильственными преступлениями те, которые имеют своими последствиями человеческие жертвы, однако при этом не соединены непосредственно с насилием по отношению к лицу, а тяжкие последствия стали результатом невнимательности или недобросовестного отношения к своим обязанностям.

Наконец, пятым условием является, по нашему мнению, совершение некорыстного насильственного преступления против воли потерпевшего.

Сегодня на страницах прессы широко развернулась дискуссия относительно правомерности и гуманности обеспечения добровольной легкой смерти в безвыходных случаях. Речь идет о так называемой эвтаназии. Эвтаназия (в переводе с греческого – хорошая или легкая смерть) – это умышленное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий. Эвтаназию в уголовно-правовом значении можно определить как умышленное лишение жизни безнадежно больного человека с целью облегчения его страданий [2, с. 34]. Различают активную эвтаназию – умышленное, из жалости причинение смерти (или «метод наполненного шприца») и пассивную эвтаназию – преднамеренное прекращение мер для продления жизни («метод отложенного шприца»).

Парадоксально, но по мере развития медицины вопросы эвтаназии, по мнению доктора Р. Хайкина, будут стоять все острее и чаще. Они относятся к числу таких, которые не имеют одного решения, и зависят от законов морали эпохи и многих дополнительных обстоятельств [18, с. 5]. Так, в Англии был осужден (но потом оправдан) врач, который употребил якобы чрезмерные дозы морфия. В то же время в Канаде вопрос о пассивной эвтаназии обсуждается в прессе, а в Голландии существует официальная практика добровольной эвтаназии, когда врачи по милосердию легально помогают людям умереть.

Таким образом, проблема эвтаназии имеет не только юридическую, но и политическую, экономическую и этическую стороны. В статье рассматривается юридическая сторона. Дело в том, что современное общество все больше сталкивается с проблемой обслуживания больных в критических состояниях, а также критически больных младенцев.

Юридическая сторона проблемы заключается, с одной стороны, в оценке принятых мер с точки зрения права, в особенности в оценке границ обязанности врача при принятии решения о необходимости или не необходимости применения этих вмешательств, в вопросе о пределах его полномочий, а также установление критериев ответственности, а с другой стороны – в охране прав и законных интересов граждан на последнем этапе их жизни.

Уголовное законодательство Донецкой Народной Республики исходит из того, что человеческая жизнь должна охраняться не только в процессе жизни, но и в процессе рождения и в процессе смерти. Это вполне гуманное,

справедливое требование Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики. Однако в литературе ставится вопрос о целесообразности продолжения страданий человека, который умирает. Вопрос этот принципиальный и приобретает все большую актуальность для уголовного права.

С учетом рассмотренных условий (признаков), под некорыстными насильственными преступлениями следует понимать умышленные преступные деяния, посягающие на охраняемые законом Донецкой Народной Республики об уголовной ответственности общественные отношения, обеспечивающие физические блага (жизнь и здоровье) лица, совершенные против воли потерпевшего путем психического или физического насилия и возникающие на почве личной неприязни, мести, ревности, удовлетворения половой страсти или из-за хулиганских побуждений.

Вывод. Таким образом, исходя из данного определения, к некорыстным насильственным преступлениям, в первую очередь, следует отнести:

- умышленные убийства (за исключением корыстных);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; сопряженное с насилием хулиганство; изнасилование; побои и истязания; доведение до самоубийства (при условии отсутствия корыстного мотива);
- угроза совершить убийство, в случае совершения преступления по бескорыстному мотиву.

Перечисленные выше преступления являются ядром некорыстной насильственной преступности, хотя, безусловно, к этой группе преступлений следует отнести и другие, такие как: заражение ВИЧ-инфекцией либо иной неизлечимой инфекционной болезнью; заражение венерической болезнью; угроза применения насилия или насилие относительно государственного или общественного деятеля; принуждение давать показания и т.д.

Приведенное нами определение некорыстной насильственной преступности и ее элементов не претендует на бесспорность и полноту охвата, а является лишь попыткой упорядочить существующие в криминологии и уголовном праве взгляды на эту проблему, которая требует своего дальнейшего научного исследования.

Список использованных источников

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика / Г.А. Аванесов. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 526 с.
2. Бородин С. Уголовно-правовые проблемы эвтаназии / С. Бородин, В. Глушков // Советская юстиция. – 1992. – № 9-10. – С. 34.
3. Вермеш М. Основные проблемы криминологии: Пер. с венгер. / М. Вермеш. – М.: Прогресс, 1978. – 271 с.
4. Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / Л.Д. Гаухман. – Саратов, 1981. – 196 с.
5. Голик Ю.В. Теоретические вопросы стимулирования поведения человека: социология и право / Ю.В. Голик, Б.Г. Прошкин // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 2013. – 164 с.

6. Дубинин Н.П. Генетика, поведение, ответственность: (о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения) / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – М.: Политиздат, 1982. – 304 с.
7. Жалинский А.Э. Насильственная преступность и уголовная политика / А.Э. Жалинский // Советское государство и право. – 1990. – № 4. – С. 102.
8. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. – М., 1992. – 256 с.
9. Козаченко И.Я. Уголовно-правовое понятие насилия / И.Я. Козаченко, Р.Д. Сабиров // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью. – Свердловск, 1981. – 114 с.
10. Криминологи о неформальных молодежных объединениях: Сборник / Отв. ред. И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1990. – 268 с.
11. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1986. – 448 с.
12. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
13. Кудрявцев В.Н. Правонарушение: их причины и предупреждение / В.Н. Кудрявцев. – М.: «Московский рабочий», 1977. – 80 с.
14. Курс советской криминологии: Предупреждение преступности / Под ред. В.Н. Кудрявцева и др. – М.: Юридическая литература, 1986. – 352 с.
15. Савченко А.В. Мотив і мотивація злочину; Автореф. дис...канд. юрид. наук: 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право / А.В. Савченко, нац. академія внутрішніх справ України. – К., 2009. – 27 с.
16. Тард Г. Сравнительная преступность / Г. Тард. – М., 1907. – 267 с.
17. Фокс В. Введение в криминологию / В. Фокс. – М.: Прогресс, 1980. – 312 с.
18. Хайкин Р. Истоки милосердия / Р. Хайкин // Твое здоровье. – М., 2012. – Вып. IX. – С. 5-9.

УДК 343.9

Ф.А. Моисеева, канд. филос. наук, доцент, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (г. Донецк)

Н.В. Камалетдинова, старший преподаватель, Институт экономики и права, филиал Академии труда и социальных отношений (г. Севастополь)

(e-mail: moiseev.prof@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ

Рассмотрены вопросы противодействия идеологии терроризма, распространяющейся в современном социуме. Для классификации направлений терроризма применено распределение по социальным группам. Видами терроризма названы терроризм криминальный, религиозный, кибертерроризм и т.д. Технологический терроризм определен как средство осуществления

политики устрашения и насилия. Конкретизированы социальные предпосылки распространения в обществе идеологии терроризма. К таковым отнесены недостатки политики государства в сферах экономики, культуры и идеологии. Криминальная субкультура представлена как социальная среда для распространения идеологии терроризма. Соответственно, меры профилактики терроризма включены в политику государства по данным направлениям. Показана применимость указанных профилактических мер для преодоления идеологии терроризма в сознании самоопределившегося социума.

Ключевые слова: терроризм, самоопределившийся социум, криминальная субкультура, профилактика терроризма, социологический опрос.

Moiseyeva, F.A.,

Kamaletdinova, N.V.

MODERN TERRORISM: SOCIAL BACKGROUND, DIRECTIONS OF PREVENTION

The issues of countering the ideology of terrorism spreading in modern society are considered. For the classification of the directions of terrorism, the distribution by social groups was applied. Terrorism is grouped into criminal, religious, cyber terrorism types. Technological terrorism is defined as a means of implementing a policy of intimidation and violence. The social preconditions for the spread of the ideology of terrorism in society are specified. These include the shortcomings of state policy in the spheres of economy, culture and ideology. The criminal subculture is presented as a social environment for the spread of the ideology of terrorism. Accordingly, measures for the prevention of terrorism are included in the state policy in these areas. The applicability of these preventive measures for overcoming the ideology of terrorism in the minds of a self-determined society is shown.

Key words: terrorism, self-determined society, criminal subculture, terrorism prevention, sociological survey.

Постановка проблемы. Противодействие терроризму становится приоритетом для самоопределившегося социума, сформировавшегося на территории непризнанных государств. Такие государства испытывают проявления терроризма в форме внешней военной агрессии. Возникают и новые направления расшатывания социума путем проникновения в общественное сознание опасной идеологии. Предпосылки этому обнаруживаются в особенностях восприятия обществом результатов политики государства в сферах экономической, культурной и идеологической сферах.

Актуальность. Вместе с тем, целенаправленное противодействие терроризму предполагает конкретизацию его видов. Поэтому их изучение актуализируется в плане очищения общественного сознания от негативных тенденций. Данная тема представляется актуальной как для самопровозглашенных республик, так и для России в целом.

Цель статьи – конкретизировать социальные предпосылки распространения в обществе идеологии терроризма; предложить меры по пресечению ее проникновения в сознание самоопределившегося социума.

Обсуждение. В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации, терроризм трактуется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [14].

Терроризм называют глобальной проблемой современности, а вопрос противодействия ему рассматривается в масштабах мирового сообщества. Используя разнообразные формы, он торпедирует политическую и социальную стабильность. Преодоление идеологии терроризма опирается на комплекс мер, содержащий анализ субъектов и источников финансирования, профилактику и прогнозирование терроризма. Антитеррористические меры включают и пресечение деятельности организаций террористической направленности, минимизацию последствий террористической деятельности. Основы системы противодействия терроризму заложены в Конституции РФ [8], в Указе Президента Российской Федерации от 15.02.2006 года №116 «О мерах по противодействию терроризму» [12], в Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии терроризму» [14]. Также следует отметить, что Россия подписала и ратифицировала тринадцать Международных Конвенций ООН, являющихся источниками и инструментами борьбы с терроризмом.

Классификацию направлений терроризма производим по социальным группам, в которые проникла данная идеология. Из активных социальных групп террористической направленности выделяем преступные, религиозные и кибер-сообщества.

Преступные сообщества применяют методы устрашения и насилия, целью которых становится передел сфер влияния, перераспределение финансовых потоков, уничтожение конкурентов. В криминологическом смысле преступное сообщество понимают как формирование, выполняющее координирующие, организационно-управленческие функции по отношению к преступным формированиям, а также профессиональным преступникам. Такие сообщества обеспечивают контролируемую ими преступную деятельность преступников и организованных преступных формирований в экономическом, культурном, идеологическом и других отношениях. Террористическая деятельность преступных сообществ проявляется в форме осуществления заказных убийств, вымогательств, вооружённых конфликтов между группировками, похищения людей, политического шантажа, захвата заложников. В итоге – лидеры высшей иерархии преступных сообществ влияют на принятие государственных решений, проникают в структуры власти, ослабляют деятельность правоохранительных органов, лоббируют собственные интересы с помощью коррупционных схем.

К социальным группам, пораженным идеологией терроризма, относим и религиозные сообщества экстремистского толка. Особенностью данного вида идеологии называют крайнюю нетерпимость к представителям иных религиозных конфессий. Религия используется как средство борьбы со

светским государством или для установления приоритетности какого-либо вероучения. В настоящее время религиозный терроризм связан в основном с радикальным исламом. Исламистские организации составляют мощное интернациональное сообщество, объединившее разные регионы мира. Формы религиозного терроризма разнообразны: распространение собственной идеологии с преступными целями; создание экстремистских организаций, проповедующих догмы, противоречащие конституционному праву граждан на свободу совести и вероисповедания, вовлечение в свои ряды молодёжи. По информации Национального антитеррористического Комитета РФ, в Едином списке запрещённых иностранных и международных радикально исламистских организаций содержатся названия тридцати трех, признанных террористическими [3]. Террористы религиозного направления отличаются интолерантностью, предубежденностью, способны на крайние формы проявления экстремизма и ксенофобии. Идеология религиозного терроризма охватывает даже детей. По сообщениям криминологов, идеология экстремизма внедряется в среду малолетних, с перспективой получить будущих исполнителей террористических актов. Например, по имеющимся в научной литературе данным, на палестинских территориях в сознание детей целенаправленно внедряются экстремистские убеждения. По мере взросления такие лица составляют вербовочную базу для организаторов террористических акций [2].

В киберсообществе распространяется терроризм кибернетического вида. Терроризм среди интернет-пользователей проявляется в информационных сетях. В такой форме угроза реализуется путем дезорганизации, выведения из строя информационных систем, что создает опасность для человечества, причиняет значительный материальный ущерб стране (странам). Разнообразны и формы его осуществления. Так, по нашему мнению, отмеченные в настоящее время неоднократные случаи ведомого самоуничтожающего поведения детей под управлением через Интернет есть не что иное, как экспериментальная проверка их готовности исполнять террористические акты. Обращаем внимание на системность вовлечения несовершеннолетних в антиобщественную деятельность экстремистского характера.

Авторы отмечают угрозу применения технологического способа совершения террористических актов [6]. Это могут быть атаки на аппаратуру и информационные системы, перехват информации, составляющей государственную, военную, коммерческую тайну, осуществление иных деструктивных действий. Наибольшую опасность представляют атаки на авиационные и энергетические объекты, финансовые электронные системы, правительственную связь, автоматизированные системы управления стратегическим вооружением, армией и флотом. В поле внимания представителей террористических сообществ всех видов попадают бактериологические, химические, ядерные промышленные объекты. В научной литературе также описаны угрозы применения отравляющих веществ и радиоактивных изотопов, биологический террор путем распространения

вирусов, и т. п. [16; 9]. Поэтому поддерживаем расширение государственного контроля за объектами массового потребления, а также за средствами массовой коммуникации, в плане обнаружения в них технологических компонентов терроризма.

Таким образом, по виду социальных групп, подверженных идеологии насилия и политической практики запугивания населения, терроризм распределяем по видам на криминальный, религиозный и кибертерроризм. Терроризм, как политическое проявление, жестко связан с идеологией экстремизма и ксенофобии.

В научной литературе социологического направления указано на единство социальных корней терроризма, экстремизма, ксенофобии [15]. Экстремизм рассматривается как объединяющая идеология, относительно терроризма и ксенофобии, а также нацизма. Рассмотрим факторы, сопутствующие распространению указанных идеологий в социуме, отметим их криминальные корни. Действительно, экстремизм проявляется в наиболее тяжких противоправных деяниях. Вместе с тем авторы отмечают смещение общественного сознания в сторону допустимости экстремистских проявлений в борьбе за всеобщее благо. В современном обществе возник и укрепляется преступный мир как составляющая статической и динамической структуры социума. Учеными понимается социальный, в том числе и преступный, мир через взаимодействие принадлежащих к нему субъектов [4]. Социальному взаимодействию приписывают коммуникативный характер. Используемые в нем системы коммуникации включают язык, символику и поведенческие стереотипы. Тенденции криминализации общества связывают с распространением в нем криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура исследуется криминологией, уголовно-исполнительным правом, юридической психологией. Под криминальной субкультурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих деятельность преступных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей. Она отображает образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы, придерживающиеся воровских законов и традиций. Криминальная субкультура выражается в культе насилия и паразитизма, антиобщественных нормах, обычаях, азартных играх, использовании жаргона, присвоении кличек, нанесении татуировок, в блатных песнях и т. п. Становится очевидным, что она составляет почву для распространения в обществе идей терроризма, экстремизма, ксенофобии, нацизма. Лидеры высшей иерархии преступных сообществ целенаправленно внедряют криминальную субкультуру в массы.

В научной литературе социологического направления выделены основные условия коммуникативного взаимодействия: 1) участники взаимодействия должны обладать способностью воздействовать друг на друга и реагировать на такое воздействие; 2) совершаемые ими действия влияют на взаимные поступки; 3) наличие передаваемой в ходе взаимодействия

информации; 4) единство нормативной базы, правил, принципов, понятийного аппарата и языка взаимодействия [5]. Такая коммуникативная система выражается в терминах и понятиях, общепринятых в преступном мире. Можно видеть, что именно криминальная субкультура продуцирует коммуникативную систему, действующую в преступном мире.

По утверждению криминологов и социологов, криминальная субкультура представляет угрозу духовному развитию нации. Она ведет к нивелированию нравственных ценностей, культивирует насилие и ксенофобию среди населения. Это воздействие может иметь различные формы, предполагающие как непосредственное вовлечение (вербовку) в организованные преступные формирования, так и порождение у населения преступной мотивации посредством целенаправленно проводимой идеологической обработки. В результате распространения криминальной субкультуры в обществе создаются благоприятные условия для культивирования негативных потребностей, интересов, взглядов, установок, что идет вразрез с проводимой государством социальной политикой. Следует признать свершившимися негативные изменения структуры приоритетов жизни общества, его нравственных основ, роли института семьи. По утверждению авторов, криминальная субкультура представляет угрозу духовному развитию нации [1]. Она ведет к нивелированию нравственных ценностей, культивирует идею насилия. Это воздействие может иметь различные формы, предполагающие как непосредственное вовлечение (вербовку) в организованные преступные формирования, так и порождение у населения преступной мотивации. Отмечают системный характер преступной деятельности, опирающейся на террор. В такую систему включаем экономическое, идеологическое и культурное направления. За криминальной субкультурой признаем регулирующую функцию относительно деятельности преступного сообщества. Рассмотрим каждое из указанных направлений государственной политики, применительно к задачам преодоления влияния со стороны идеологии терроризма, т.к. криминальная субкультура создает в обществе питательную среду для распространения рассматриваемой идеологии.

Определим политические предпосылки преступности террористической направленности. Криминологи отмечают, что значительная часть населения связана с криминальными структурами в сферах экономики, идеологии и культуры. В таком контексте следует говорить о социально-политических предпосылках распространения в обществе идеологии террора и насилия. Такие предпосылки следует рассматривать с позиций социального результата политики, проводимой государством на настоящем этапе. При этом в проводимом исследовании мы принимаем во внимание косвенные причинно-следственные показатели результативности политики государства в плане преодоления распространения криминальной субкультуры. Поддерживаем позицию авторов о бесперспективности политики жесткой борьбы с криминальной субкультурой. Также отвергаем популизм в политике государственных органов. Соглашаемся с мнением ученых, что, в плане

предупреждения преступности, ее уровень остается высоким за счет увеличения ее латентной составляющей. Признаем отсутствие прямых причинно-следственных связей между политическими мерами, направленными на преодоление криминогенных тенденций в обществе, и реальным состоянием преступности террористического толка.

Общество стремится различными способами противодействовать распространению террористической идеологии. В 2006 году в российском государстве по решению Президента был создан Национальный антитеррористический комитет, целью которого является защита основных прав и свобод человека и гражданина от террористической угрозы. Этот коллегиальный орган координирует и организует антитеррористическую деятельность органов власти как на федеральном, так и на уровне субъектов. В 2009 году в России разработан Комплексный план противодействия идеологии терроризма [7], определивший направления противодействия, организацию борьбы с терроризмом, ликвидацию его последствий и задачи профилактической деятельности. В 2015 году государством принята «Стратегия национальной безопасности в Российской Федерации» с концептуальными основами противодействия терроризму [13].

Между тем криминологи выделяют недостатки политики государства в различных сферах, что приводит к криминализации общества.

Экономическая политика. Считаем общепризнанным, что значительное влияние на уровень преступности оказывают результаты экономической политики государства. Экономический кризис, снижение жизненного уровня подавляющего большинства людей повлекли за собой принятие насилия как средства политической борьбы. Политика государства в этой сфере привела к расслоению общества по уровню доходов. Значительная его часть оказалась за чертой бедности. По данным различных социологических исследований последних лет, 15-20 % населения России живут в бедности. Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума характеризуется ежегодным снижением, оставаясь, по нашим оценкам, достаточно ощутимым. Результатом процесса прогрессирующей криминализации общества стало стирание граней между правомерным и преступным поведением в сфере экономики.

Бедность, как экономико-социальное явление, в настоящее время привлекла внимание отечественных социологов. Однако следует отметить, что в современной науке социологического направления отсутствуют комплексные исследования этого явления. В криминологическом смысле, бедность становится криминогенной не только тогда, когда и все другие бедны, но и тогда, когда бедных окружают богатые или просто хорошо обеспеченные люди. Бедность создает особую атмосферу для людей, которую можно определить как безысходную. Люди ощущают невозможность изменить к лучшему свою жизнь, не видят в ней достойной цели и перспектив, и для многих из них преступление становится оправданным способом получения средств к существованию.

По-иному негативные экономические условия воздействуют на активную часть трудоспособного населения. В результате невозможности реализовать свое призвание, а также приобретенные умения и знания, часть общества опускается до состояния фрустрации. С точки зрения общественной психологии, фрустрация возникает в ситуациях угрозы для достижения значимых для личности целей, реализации важных для нее потребностей. Авторы отмечают, что данное состояние способствует тенденциям агрессивности в обществе. Отсутствие возможности реализовать себя (получить хорошее образование, достойную работу и др.) относится к числу наиболее значимых обстоятельств, способствующих расширению социальной базы для террористической преступной деятельности.

Так, распространению состояния фрустрации в обществе способствуют недостатки в экономической политике государства. Негативным ее проявлением становится расслоение населения по доходам, прогрессирующая бедность. Последствия негативных экономических процессов составляют предпосылки для восприятия преступной идеологии. В итоге можем видеть значительное количество носителей преступного поведения, готовых из ощущения безысходности участвовать в экстремистских действиях, в надежде изменить собственное материальное положение.

Политика в сфере культуры. По нашим наблюдениям, результаты политики государства в этой сфере указывают на недостатки в формировании здоровой, социально ориентированной культуры. Представляется, что в полной мере оптимизация указанного направления государственной политики невозможна без привлечения соответствующих учреждений культуры, образования и искусства. В свою очередь, формирование системы мер с их участием позволит устранить предпосылки идеологически некачественных произведений культуры.

Например, по нашим наблюдениям, в отечественном кинопрокате, несмотря на увеличение объемов транслируемых отечественных художественных фильмов, значительную долю составляет продукция зарубежных производителей, содержащая негативный посыл. Так, формированию антиобщественной мотивации экстремистской направленности способствуют некоторые произведения современного искусства, романтизирующие и оправдывающие противоправный образ жизни, навязывающие обществу необоснованно завышенные материальные потребности. Исследователями отмечается ведущая роль средств массовой культуры в вытеснении семьи и образовательных учреждений из сферы влияния на общественное сознание. Ученые признают связь между криминализацией населения и распространением средствами массовой культуры материалов, пропагандирующих антиобщественные ценности. Между тем, отечественные социологи утверждают, что психологический иммунитет против идеологии терроризма формируется произведениями народного творчества и классики [10].

По результатам проведенного нами опроса студентов вузов (опрошено более 30 студентов экономической специальности из ДНР и 120 студентов-юристов из г. Севастополя), более половины из них смогли назвать 10 народных песен и 10 произведения классической музыки. Однако немало из опрошенных признали приемлемость для себя элементов криминальной субкультуры, таких как татуировки, жаргонизмы, клички, а также проявления ксенофобии. Причем указанные группы опрошенных пересекаются. На этом основании можем утверждать о возможности замещения в сознании общества элементов криминальной субкультуры произведениями народного творчества и музыкальной классики.

Цель деятельности учреждений культуры определена как достижение нравственного здоровья населения. Для самопровозглашенных государств с непродолжительным опытом социального строительства одним из значимых заслонов идеологии терроризма становится построение стратегии совместной деятельности социальных институтов, направленной на воспитание нравственно полноценной, гармонично социализировавшейся личности.

Политика государства в сфере идеологии. Авторы отмечают проникновение антиобщественной идеологии во все слои населения [11]. Экспансия идеологии терроризма принимает широкий размах. Этому способствует криминальная субкультура. В итоге создаются благоприятные условия для формирования негативных потребностей, интересов, взглядов, установок, что идет вразрез с проводимой государством социальной политикой. Следует признать свершившимися негативные изменения структуры приоритетов жизни общества, его нравственных основ, нивелирование роли института семьи.

Социальным фоном для распространения в социуме криминальной идеологии становится усиление противоречий между ожиданиями и возможностями удовлетворения потребностей населения. Формированию преступной мотивации террористической направленности способствует распространение идеологии экстремизма, ксенофобии, нацизма. Отсюда выводим приоритеты в идеологической сфере: пропагандировать конституционные принципы справедливости, человеколюбия, социальной направленности государства.

Выводы. Вид социальной группы предложено применять как основание для классификации направлений терроризма. По данному основанию идеология терроризма распределена на следующие виды – криминальный, религиозный и кибертерроризм. Обращено внимание на опасность технологического компонента терроризма.

В социальном плане идеологию терроризма питает криминальная субкультура. Показан механизм ее влияния на общественное сознание и на закрепление в нем идей экстремизма и ксенофобии. Обращено внимание на социальный эксперимент по преступному воздействию на общество, направленный на контролируемое самоуничтожение представителей социальной группы малолетних.

Развитие криминальной субкультуры детерминировано неэффективной политикой государства в сфере культуры и идеологии. Также укреплению криминальной субкультуры в обществе способствует распространяющаяся фрустрация населения.

В плане профилактики распространения в сознании самоопределившегося социума идей терроризма, экстремизма и ксенофобии, рекомендовано развивать соответствующие направления государственной политики в сферах экономики, культуры, идеологии. Причем, комплекс политических мер в указанных сферах должен остановить нарастающую в обществе фрустрацию.

Наиболее одиозные проявления криминальной субкультуры требуют прямого запрета. Вместе с тем, необходимо задействовать и механизмы ее замещения в общественном сознании произведениями народного и классического искусства.

Показана результативность взаимодействия правоохранительных органов с надзорными службами по вопросам контроля качества продуктов питания, других товаров, содержащих биологические и химические компоненты. Контролю со стороны общества и государства также подлежат сети Интернет, с целью противодействия распространению негативной идеологии по каналам социальной коммуникации.

Список использованных источников

1. Апарина Д.А. Социальная обусловленность криминальной субкультуры: криминологический аспект / Д.А. Апарина, Р.Н. Амиров // *Modern Science*. – 2020. – № 7-2. – С. 84-87.
2. Борков В.Н. Уголовно-правовые и психологические аспекты побуждения к самоубийству / В.Н. Борков, О.А. Дизер // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. – 2021. – Т. 26. – № 1(84). – С. 106-112.
3. Вестник Национального антитеррористического комитета // *Научно-практический журнал*. – 2020. – № 1 (23).
4. Журавленко Н.И. Борьба с терроризмом в условиях технологизации преступного мира / Н.И. Журавленко, Е.Н. Яковец // *Евразийский юридический журнал*. – 2019. – № 6 (133). – С. 371-373.
5. Иконникова Н.К. Социальный и культурный аспекты коммуникативного взаимодействия / Н.К. Иконникова // *Вопросы социальной теории*. 2009. – Т. 3. – С. 158-168.
6. Каратуева Е.Н. Технологический терроризм: новые угрозы / Е.Н. Каратуева // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. – 2021. – Т. 11. – № 1 (70). – С. 174-180.
7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 -2023 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения: 12.05.2021).

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.04.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 24.04.2021).
9. Коробов А.А. Современные тенденции развития международного терроризма / А.А. Коробов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2020. – № 2 (51). – С. 30-39.
10. Кузнецова Е.В. Русская национальная культура в контексте мировой массовой культуры: проблема сохранения и развития/ Е.В. Кузнецова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – № 1 (27). – С. 24-31.
11. Метельков А.Н. Понятие «идеология терроризма» и его использование в уголовно-правовом противодействии распространению идей насилия / А.Н. Метельков // Мир юридической науки. – 2018. – № 1. – С. 29-40.
12. Указ Президента РФ от 15.02.2006 №116 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по противодействию терроризму» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12145028/> (дата обращения: 25.03.2021).
13. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz6uSNs4zMH> (дата обращения: 12.05.2021).
14. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии терроризму» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения: 24.04.2021).
15. Martynenko E.V. Terrorism as a destructive factor of international relations. historical evolution of the phenomenon / E.V. Martynenko // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – Т. 8. № 3А. – С. 153-162.
16. Trebin M.P. Biological terrorism: preparing the essence / M.P. Trebin // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2020. – № 2 (45). – С. 116-129.

УДК 340

И.А. Педерсен, канд. экон. наук, доцент, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: iralex-2012@yandex.ru)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В
ЧАСТИ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В статье выявлены основные недостатки налогового законодательства Донецкой Народной Республики в части налоговой ответственности, а именно – отсутствие законодательного определения понятия «налоговая ответственность», видов ответственности органов доходов и сборов, форм вины нарушителя налогового законодательства и обстоятельства, исключаящие, смягчающие и отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения.

Ключевые слова: *налоговое законодательство, налоговая ответственность, органы доходов и сборов, формы вины, налоговое правонарушение.*

Pedersen, I.A.

**IMPROVEMENT OF THE TAX LEGISLATION IN THE DONETSK
PEOPLE'S REPUBLIC IN PART OF TAX RESPONSIBILITY IN TERM OF
TAX LIABILITY**

The article reveals the main shortcomings of the tax legislation in the Donetsk People's Republic in terms of tax liability, namely, the lack of a legislative definition of the concept of "tax liability", types of liability of government authorities of revenue and duties, criminal responsibility of the violator of tax legislation and circumstances that exclude, mitigate and aggravate liability for committing tax offenses.

Key words: *tax legislation, tax liability, government authorities of revenue and duties, criminal responsibility, tax offense.*

Для успешной реализации политических, экономических, социальных программ каждому государству необходимы налоговые поступления – основной источник финансовых ресурсов государства. В настоящее время курс экономической политики ДНР требует значительных вложений в социальную сферу. К тому же, неотложная задача экономического развития Донецкой Народной Республики, модернизации важных отраслей хозяйства требует значительных финансовых ресурсов. В связи с этим первоочередной задачей государства является совершенствование правового обеспечения налоговой ответственности налогоплательщиков по своевременному и полному внесению налоговых платежей в бюджеты бюджетной системы ДНР.

Актуальность темы исследования. Необходимым условием обеспечения правопорядка в сфере правоотношений, выполнения всеми субъектами своих обязанностей является установление ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. Не являются исключением и налоговые правоотношения, которые характеризуются значительным количеством неправомερных злоупотреблений, как со стороны

налогоплательщиков, так и со стороны государственных органов. В Донецкой Народной Республике продолжается совершенствование налоговой системы, проводятся корректировки и вносятся изменения в налоговое законодательство, исправляются недочёты. Однако до настоящего времени в налоговом законодательстве Республики не определены условия, исключаящие, смягчающие или отягчающие ответственность за нарушение налогового законодательства, формы вины нарушителя налогового законодательства, ответственность органов доходов и сборов. Налоговое законодательство Донецкой Народной Республики, основой которого является Закон ДНР «О налоговой системе» [6], также не располагает нормативным определением налоговой ответственности, что является одной из причин актуализации изучаемого вопроса. В связи с этим, одним из важнейших вопросов, требующих совершенствования в налоговом законодательстве Республики, является вопрос об ответственности в сфере налогов и сборов.

Анализ научных исследований. Вопросы налоговой ответственности как меры государственного принуждения рассматривались значительным количеством ученых, таких как О.В. Бакун, А.С. Гаршин, Е.С. Ефремова, С.В. Игнатьева, А.Ю. Кикин, Ю.Ю. Колесниченко, И.И. Кучеров, Д.А. Липинский, М.Б. Разгильдиева, А.Ю. Смагина, Л.В. Тернова, Т.Е. Тотикова и другие. В то же время вопросы налоговой ответственности в Донецкой Народной Республике в научной литературе практически не рассмотрены, отсутствует достаточное и четкое правовое обеспечение отношений налоговой ответственности, что требует дальнейших исследований по данной проблематике.

Цель статьи заключается в выявлении основных недостатков налогового законодательства Донецкой Народной Республики в части определения налоговой ответственности, предложении основных направлений совершенствования правового обеспечения налоговой ответственности в Республике.

Изложение основного материала. В Законе Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» [6] отсутствует определение понятия «налоговая ответственность». В Законе применяется понятие «ответственность за совершение налогового нарушения», содержание которой также не представлено в Законе. При этом налоговая ответственность, являясь разновидностью юридической ответственности, имеет особые признаки:

- 1) основанием налоговой ответственности является налоговое правонарушение;
- 2) возникновение ответственности за налоговые правонарушения регулируется нормами налогового права;
- 3) ей присущ особый субъектный состав;
- 4) к данному виду ответственности обязанные лица привлекаются специальными органами – органами доходов и сборов.

В теории существует множество подходов к определению понятия «налоговая ответственность». Так, Л.В. Мищенко определяет налоговую

ответственность как систему мер принуждения, предусмотренных налоговым законодательством, осуществляемую налоговыми органами, их должностными лицами в отношении обязанных субъектов по уплате налоговых платежей, применяемую в установленном процессуальном порядке, и связанную с наступлением у нарушителей негативных последствий личного, имущественного и организационного характера [4]. И.И. Кучеровым дается следующее определение налоговой ответственности – «это обязанность лица, нарушившего законодательство о налогах (сборах), претерпевать потери имущественного характера в результате применения к нему государством (в лице налоговых органов) в установленном законом порядке санкций в виде взыскания недоимок, пени или штрафов» [2].

Проанализировав существующие подходы к определению понятия, можно дать следующее определение налоговой ответственности – это применение финансовых санкций за совершение налогового правонарушения уполномоченными на то государственными органами к налогоплательщикам и лицам, содействующим уплате налога.

При этом следует отметить необходимость различать понятия «налоговая ответственность» и «ответственность за нарушение налогового законодательства». Понятие «ответственность за нарушение налогового законодательства» является более широким и включает в себя фактически понятие «налоговая ответственность». Понятие «ответственность за нарушение налогового законодательства» включает основные структурные особенности: финансовую, административную и уголовную ответственность в сфере налогообложения.

С целью совершенствования правового регулирования налоговой ответственности в Донецкой Народной Республике следует внести определение понятия «налоговая ответственность» в Закон ДНР «О налоговой системе».

Также, в Законе ДНР «О налоговой системе» [6] отсутствует указание на формы вины при совершении налогового правонарушения. Юридическая ответственность всегда связана с государственным принуждением, характеризуется определенными лишениями, которые виновный должен претерпеть. Помимо этого, юридическая ответственность всегда наступает только за совершенное правонарушение. Соответственно, основанием налоговой ответственности должно быть налоговое правонарушение. При этом Законом «О налоговой системе» подробно регламентированы вопросы, устанавливающие конкретные составы налоговых правонарушений, но отсутствует их дифференциация от формы вины. Действительно, в большинстве случаев по понятным причинам ввиду затруднительности доказывания формы вины средствами налогового контроля в отличие от уголовно-процессуальной деятельности, формы вины налогоплательщика не принимаются во внимание как квалифицирующий признак. Однако если изучить налоговое законодательство РФ, то можно заметить, что в нормах Налогового кодекса РФ [5] всегда содержится форма вины, что является обязательным признаком налогового нарушения. Ст. 110 Налогового кодекса

РФ содержит следующие формы вины нарушителя налогового законодательства:

1. Виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности.

2. Налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало, либо сознательно допускало наступление вредных последствий таких действий (бездействия).

3. Налоговое правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать.

4. Вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения [5].

Закрепление формы вины нарушителя налогового законодательства является обязательным этапом развития налогового законодательства Республики.

В НК РФ установлены обстоятельства, исключающие привлечение к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах, смягчающие и отягчающие ответственность. Следует отметить, что такие условия Законом ДНР «О налоговой системе» не установлены, что является недостатком и требует дальнейшего законодательного закрепления. Отсутствие вины лица в совершении налогового правонарушения является обстоятельством, исключающим привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения. Следует отметить, что ст.109 НК РФ [5] определены обстоятельства, исключающие привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения. К ним отнесены:

- 1) отсутствие события налогового правонарушения;
- 2) отсутствие вины лица в совершении налогового правонарушения;
- 3) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом, не достигшим к моменту совершения деяния шестнадцатилетнего возраста;

- 4) истечение сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Также ст.111 НК РФ определяет обстоятельства, исключающие непосредственно ответственность за совершение налогового нарушения:

- 1) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств (указанные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой

информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания).

2) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения физическим лицом, находившимся в момент его совершения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния. Обязанность доказывания существования подобных обстоятельств возлагается на налогоплательщика, который должен представить в налоговый орган документы, по смыслу, содержанию и дате относящиеся к тому налоговому периоду, в котором совершено налоговое правонарушение.

3) выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора, страховых взносов) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции (указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым (расчетным) периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа), и (или) выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) мотивированного мнения налогового органа, направленного ему в ходе проведения налогового мониторинга.

4) иные обстоятельства, которые могут быть признаны судом или налоговым органом, рассматривающим дело, исключаящими вину лица в совершении налогового правонарушения [5].

К обстоятельствам, смягчающим ответственность за нарушения налогового законодательства, в НК РФ отнесены:

1) совершение правонарушения вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств;

2) совершение правонарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;

3) тяжелое материальное положение физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение налогового правонарушения;

4) иные обстоятельства, которые судом или налоговым органом, рассматривающим дело, могут быть признаны смягчающими ответственность.

Обстоятельством, отягчающим ответственность, признается совершение налогового правонарушения лицом, ранее привлекаемым к ответственности за аналогичное правонарушение. Лицо, с которого взыскана налоговая санкция, считается подвергнутым этой санкции в течение 12 месяцев с момента вступления в законную силу решения суда или налогового органа.

Также ст. 112 НК РФ [5] определено, что обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения,

устанавливаются судом или налоговым органом, рассматривающим дело, и учитываются при применении налоговых санкций.

Поскольку Законом ДНР «О налоговой системе» не определены обстоятельства, исключаящие, смягчающие или отягчающие ответственность за налоговые нарушения, целесообразно дополнить Закон указанием на данные обстоятельства.

С целью совершенствования налогового законодательства Республики также необходимо представить виды и классификацию налоговых нарушений. В настоящее время в Законе ДНР «О налоговой системе» [6] в ст. 209-229 указывается вид ответственности за определенный вид налогового правонарушения, но отсутствует раскрытие сущности конкретного нарушения, указание на лиц, которые несут ответственность за данный вид нарушения, условия совершения конкретного налогового нарушения. Поэтому целесообразным является группировка налоговых нарушений, представленная В.И. Латышевым [3]. Так, все налоговые нарушения следует сгруппировать следующим образом:

- 1) сокрытие (занижение) объектов налогообложения;
- 2) нарушение установленного порядка учета объектов налогообложения;
- 3) нарушение порядка предоставления документов в налоговый орган;
- 4) нарушение порядка уплаты налога.

Анализируя Налоговый кодекс РФ [5], следует обратить внимание на то, что ст. 35 НК РФ определяет ответственность налоговых органов в сфере налогообложения. Аналогичная статья в Законе ДНР «О налоговой системе» отсутствует. И хотя ответственность органов доходов и сборов нельзя отнести к налоговой ответственности, следует предусмотреть данный вид ответственности в Законе. Вопросы ответственности налоговых органов и их должностных лиц рассматриваются в качестве актуальных и практически значимых для целей защиты прав и законных интересов налогоплательщиков. Об этом свидетельствует не только правоприменительная практика, но и литературные источники.

Так, ст. 35 НК РФ определено, что налоговые и таможенные органы несут ответственность за убытки, причиненные налогоплательщикам, плательщикам сборов, плательщикам страховых взносов и налоговым агентам вследствие своих неправомерных действий (решений) или бездействия, а равно неправомерных действий (решений) или бездействия должностных лиц и других работников указанных органов при исполнении ими служебных обязанностей [5]. Причиненные налогоплательщикам, плательщикам сборов, плательщикам страховых взносов и налоговым агентам убытки возмещаются за счет федерального бюджета в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом и иными федеральными законами.

К ответственности налоговых органов следует отнести:

- дисциплинарную;
- материальную;

– уголовную.

В Закон «О налоговой системе» необходимо внести статью об ответственности органов доходов и сборов Республики со ссылкой на соответствующее законодательство ДНР, в которой расшифровываются указанные виды ответственности органов доходов и сборов.

В современных условиях нехватки финансовых ресурсов на уровне государства, субъектов хозяйствования и домохозяйств, неудовлетворительного наполнения государственного и местных бюджетов, низкой налоговой культуры актуальным является совершенствование организации налогового контроля.

На протяжении определенного времени главным курсом реализации налогового контроля в Республике была разработка новых методик проверок за правильностью и полнотой уплаты налоговых обязательств плательщиками в бюджет и привлечение к ответственности лиц, уклоняющихся от налогообложения. В нынешнем времени существенно увеличился перечень направлений налогового контроля, а именно:

- по надлежащему учету организаций и физических лиц;
- за своевременностью осуществления уплаты налогов и сборов;
- за точностью исчисления и полнотой уплаты;
- за законностью применения налоговых льгот;
- за своевременностью, а также точностью удержания сумм налогов налоговыми агентами;
- за своевременностью перечисления налоговых платежей и выполнения платежных поручений и инкассовых поручений;
- за соблюдением налоговых режимов [1].

Для осуществления результативного налогового контроля в Донецкой Народной Республике работа контролирующих органов предусматривает необходимость налаживания тесного взаимодействия с другими государственными службами, в связи с чем необходимо создание предпосылок исключения дублирования их функций и обеспечение взаимодействия контролирующих органов. На это должно быть направлено соответствующее нормативно-правовое обеспечение:

1) порядок контроля таможенными органами за уплатой плательщиками акцизного налога должен устанавливаться исключительно решением центрального органа – Министерства доходов и сборов ДНР;

2) другие государственные органы не должны иметь права проводить проверки своевременности, достоверности, полноты начисления и уплаты налогов, в том числе по запросу правоохранительных органов;

3) органами взыскания должны являться исключительно РНИ, уполномоченные осуществлять мероприятия по обеспечению погашения налогового долга в пределах их полномочий, а также государственные исполнители в пределах своих полномочий.

Закрепление форм и методов осуществления контрольной деятельности на должном законодательном уровне имеет важное значение для защиты и сохранения баланса интересов подотчетных и уполномоченных лиц при осуществлении налогового контроля.

Выводы. Таким образом, с целью совершенствования правового регулирования налоговой ответственности в Донецкой Народной Республике, необходимо дополнение Закона «О налоговой системе» следующим:

- дать определение понятию «налоговая ответственность»;
- определить формы вины нарушителя налогового законодательства;
- определить обстоятельства, исключающие привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения;
- перечислить обстоятельства, исключающие, смягчающие и отягчающие ответственность за совершение налоговых нарушений;
- закрепить ответственность органов доходов и сборов в сфере налогообложения;
- представить классификацию видов налоговых нарушений, раскрыть их содержание и лиц, которые будут нести ответственность за их совершение;
- совершенствовать нормативно-правовое обеспечение налогового контроля в Республике для обеспечения условий более эффективной реализации налоговой ответственности.

Список использованных источников

1. Волобуева Д.С. Развитие налогового контроля как инструмента повышения эффективности государственной налоговой политики / Д.С. Волобуева // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2018. – Вып. 4. – С. 34-44.
2. Кучеров И.И. Налоговый контроль и ответственность за нарушение законодательства по налогам и сборам: учебное пособие / И.И. Кучеров, О.Ю. Судаков. – М.: Центр ЮрИнфоР., – 2011. – 345 с.
3. Латышев В.И. Налоговые правонарушения. Поиск и выявление: монография / В.И. Латышев. – М.: Финансы и статистика, – 2018. – 96 с.
4. Міщенко Л.В. Суттєві риси податкової відповідальності / Л.В. Міщенко // Право і безпека. – 2011. – № 4(41). – С. 218–221.
5. Налоговый кодекс РФ [Текст электронный]: принят Государственной Думой РФ 16 июля 1998 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 21.05.2021).
6. О налоговой системе [Текст электронный]: Закон Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета от 25.12.2015 г.]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 04.06.2021).

УДК 343.57

Ю.А. Сидоренко, преподаватель, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: yuriy.sidorenko.1980@mail.ru)

СЛЕДОВАЯ КАРТИНА ИНТЕРНЕТ-КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИКОВ

В статье рассмотрены проблемы расследования незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров на территории Донецкой Народной Республики. Показаны особенности возникновения следов преступления, при использовании возможностей компьютерной сети Интернет для контрабанды наркотиков. Конкретизированы приемы осмотра места происшествия по факту обнаружения наркотических средств. Дана классификация виртуальных следов, связанных с контрабандой наркотиков. Обращено внимание на необходимость изъятия мобильных телефонов и средств компьютерной техники, с последующим назначением компьютерно-технических экспертиз.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, сбыт наркотиков, сеть Интернет, контрабанда.

Sidorenko, Yu.A.

A TRACE PICTURE OF INTERNET DRUG SMUGGLING

The article deals with the problems of investigating the drug trafficking, psychotropic substances and precursors on the territory of the Donetsk People's Republic. The features of crime traces emergence with the usage of the capabilities of the Internet computer network for drug smuggling are shown. Methods of inspection the crime upon the discovery of narcotic drugs are concretized. A classification of virtual traces associated with drug smuggling is given. Attention is drawn to the necessity to confiscate mobile phones and computer equipment, with the subsequent appointment of computer-technical examinations.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, drug sale, Internet, smuggling.

Актуальность. Из текущей следственно-судебной практики можно видеть, что значительная часть наркотических средств, находящихся в незаконном обороте в Донецкой Народной Республике (ДНР), имеют зарубежное происхождение и поступили контрабандным путем. В нашем исследовании опираемся на то положение, что расследование уголовного дела предполагает установление следов преступления. Именно на результатах информационной обработки таких следов основана криминалистическая методика производства расследования контрабанды наркотиков, включающая осмотр места происшествия, экспертное исследование изъятых следов, опрос свидетелей, оценку и использование обнаруженных и зафиксированных обстоятельств и фактов.

По определению известного отечественного криминалиста Р.С. Белкина, следом преступления (преступника) являются «отражения в обстановке преступного деяния элемента, механизма преступления, материальных и

идеальных отображений события, подлежащие исследованию» [1, с. 47]. Следами называют любые изменения окружающей среды, возникшие в результате протекания в ней события преступления. При расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, осуществляемых контрабандным путем (ст. 268 УК ДНР), значение приобретают эффективные приемы обнаружения следов совершенных преступлений. Если контрабанда наркотиков осуществлена с применением сети Интернет, то процесс сбора следов преступления затруднен информационно-сетевым характером их расположения. Следует признать, что до настоящего времени отсутствуют криминалистические рекомендации по обнаружению следов информационной природы в ходе расследования преступлений, связанных с незаконным перемещением наркотиков через таможенную границу ДНР.

Целью статьи определяем разработку рекомендаций по установлению информационных следов при расследовании контрабанды наркотиков.

Рассмотрим виды следов, образующихся в процессе совершения преступления.

Идеальные следы являются результатом отображения элементов механизма преступления в сознании человека, носят субъективный характер, так как их полнота, достоверность и сохранность зависят от личных физических и психических качеств лица, а также его статуса в расследуемом преступлении. В ходе предварительного расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, идеальные следы представлены как сведения, полученные при допросе персонала пропускных пунктов, водителей транспортных средств, состоящих, либо не состоящих в составе преступной группировки и сговоре с ними, а также иных свидетелей, подозреваемых, обвиняемых.

Результатом отображения элементов механизма преступления на объектах материального мира являются материальные следы. Это механические, физические, химические, биологические и другие изменения окружающей обстановки, непосредственно связанные с событием преступления. К материальным следам относятся «отпечатки» события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле потерпевшего и т. п. Рассматриваемые материальные следы делятся на три группы: следы-отображения механического воздействия (их изучает трасология), следы-предметы, следы-вещества. Исследование материальных следов как носителей криминалистической информации придает объективность процессу доказывания.

Обнаружение следов приобретает особое значение в ходе расследования преступления. Так, показания участников судопроизводства должны подтверждаться объективными данными, наличием или отсутствием материальных следов и вещественных доказательств, элементами обстановки события преступления. На основании сопоставительного исследования всех перечисленных носителей криминалистической информации образуется

устойчивая система доказательств. Под объективизацией процесса доказывания авторы понимают направленность действий субъектов предварительного расследования на установление и закрепление информации об обстоятельствах дела с помощью комплекса объективных мер, которые способствуют защите установленных информационных носителей от искажающих изменений, фальсификации, подмены [6]. Так, материальные следы становятся важным источником информации о способах и средствах совершения преступлений и о лицах, совершивших преступное деяние, а также об их целях и мотивах. Собираание следов признается необходимым этапом в процессе расследования. Оно включает в себя их обнаружение (поиск и выявление), фиксацию и изъятие. На всех этапах расследования собираание следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для дела, осуществляются, как правило, при производстве различных следственных действий. Рассмотрим информационное содержание материальных следов, связанных с преступлениями рассматриваемого вида:

– информация, содержащаяся в памяти мобильных телефонов задержанных лиц, а также другие обнаруженные телефоны с неустановленным владельцем;

– следы – носители информации о транспортных средствах (следы протекторов шин, части, отделившиеся от транспортного средства, и т. п.);

– информация, зафиксированная в документах – переписка, почтово-телеграфная корреспонденция, записные и телефонные книжки, денежные переводы, квитанции камер хранения, счета на оплату гостиниц, междугородних и международных переговоров;

– информация, содержащаяся в памяти компьютеров, изъятых у подозреваемых лиц.

В настоящее время, кроме следов материальных, в научном обиходе криминалистики разрабатывается понятие следов виртуальных. Изучение таких следов, т.е. информации в памяти компьютеров и мобильных устройств может помочь установить: 1) участников преступной группы и распределение обязанностей между ними при осуществлении незаконных операций с наркотиками; 2) систему поставок наркотических средств и конкретных поставщиков; 3) места «закладок»; 4) маршруты передвижения лиц, осуществляющих транспортировку, как по территории ДНР, так и с пересечением её границ; 5) установить лиц, способствующих таким перевозкам, в том числе из числа сотрудников подразделений, обеспечивающих охрану государственной границы; 6) лиц, используемых «втёмную»; 7) контингент покупателей (оптовиков и мелкой розницы); 8) места расположения точек бесконтактной передачи «товара»; 9) систему условных сигналов; 10) местонахождение подпольных лабораторий по производству синтетических наркотиков; 11) систему снабжения их сырьём, реактивами, и сбыта готовой продукции; 12) объём производства; местонахождение тайников; 13) коррумпированные связи лиц из числа властных структур, в том числе из правоохранительных органов; другие важные для следствия данные [3].

Ситуация в сфере борьбы с контрабандой наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров характеризуется сложностью и неопределенностью. Рассмотрим более подробно способ совершения указанного преступления, который включает следующие действия. Во-первых, весь процесс осуществления контрабандных операций в сфере незаконного оборота наркотических средств, который в настоящее время осуществляется с использованием компьютерной сети Интернет. Доступ к этой информации для правоохранительных органов существенно ограничен. Во-вторых, подготовка и дача заведомо ложных показаний, которые подозреваемые и обвиняемые дают в ходе следствия. Здесь уместно заметить, что свидетели, которые обладают необходимой для следственных органов информацией, нередко подвергаются угрозам и подкупу со стороны заинтересованных лиц. В ходе следствия и в суде они изменяют ранее данные показания, и поэтому требуют применения к ним специальных мер защиты. И, в-третьих, отказ от показаний, данных в ходе предварительного следствия, со ссылкой на то, что к ним была применена угроза либо меры физического или психического насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Авторы, анализируя особенности формирования следовой картины, приходят к выводу, что при совершении преступления с использованием информационных средств, возникает необходимость применения понятия «виртуальных следов» как промежуточной стадии между следами материальными и идеальными [7]. Виртуальными следами называют всякие изменения в состоянии «кибернетического пространства», относящиеся к преступному событию и зафиксированные на материальном носителе (в частности, на электронно-магнитном устройстве) в виде компьютерной (электронной) информации [4].

При расследовании преступлений рассматриваемого вида следует иметь в виду, что любые действия с компьютерными устройствами непосредственно отражаются в их памяти. При совершении незаконного оборота в сети Интернет наркотических средств и психотропных веществ, в технических устройствах (компьютерах, мобильных средствах сотовой связи, ноутбуках), электронных носителях (CD, DVD диски, sim-карты, Flashкарты и т.д.), у поставщиков услуг сети Интернет, операторов сотовой связи могут сохраняться интересующие правоохранительные органы разнообразные следы, указывающие на совершение преступных действий:

- в форме электронных документов, содержащих сведения о сетевых соединениях с привязкой к месту и времени;
- в виде содержания электронной переписки, голосового или визуального общения.

В результате совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством использования сети Интернет, возникают следы информационно- сетевого характера, такие как:

– log-файлы, следы взаимодействия с регистратором доменных имен, в том числе регистрационные данные доменного имени, следы настройки DNS-сервера, который поддерживает домен наркосбытчиков;

– следы взаимодействия с хостинг-провайдером;

– данные аккаунта пользователя, являющегося покупателем наркотических средств и психотропных веществ;

– переписка между продавцами и покупателями наркотических средств и психотропных веществ, в которой отображено ознакомление с видами предоставляемого товара, а также следы рекламы на веб-сайте, получения заказов, реквизиты для перечисления денежных средств (реквизиты электронной платежной системы, следы ввода и вывода денежных средств и т.п.).

Местом обнаружения вышеуказанных следов могут быть как компьютерные системы продавцов и покупателей наркотических средств и психотропных веществ, так и сам сервер.

Размещение информации рекламного характера возможно несколькими противоправными способами:

– самостоятельно виновными;

– использованием для этого одного или нескольких Интернет-ресурсов;

– применением профессиональных спаммеров;

– для массовых рассылок рекламной информации осуществляется использование соответствующего программного обеспечения.

Сбыт наркотиков через Интернет приобретает собственную следовую картину, которая зависит от способа размещения информации. Так, если информация размещается самостоятельно виновным, то при этом приобретает значение осмотр аккаунтов социальных сетей, log-файлов веб-сервера, а также анализ трафика. При использовании специальных программ важно осмотреть и принять к сведению следы запуска и настройки этих программ.

Так, обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы.

1. В результате преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым контрабандным путем с использованием сети Интернет, помимо традиционных материальных и идеальных следов, в памяти электронных средств связи сохраняются виртуальные, электронные следы действий преступников. При этом преступники учитывают факт того, что в результате совершения ими действий по реализации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет остаются следы технического свойства, например: log-файлы, следы взаимодействия с регистратором доменных имен, в том числе регистрационные данные доменного имени, следы настройки DNS-сервера, который поддерживает домен наркопреступников; следы взаимодействия с хостинг-провайдером; следы осуществления предложения товара, рекламы на веб-сайте, переписка между продавцами и покупателями, следы получения заказов, сообщенные реквизиты электронной платежной системы для перечисления денежных средств, следы ввода и вывода денег с электронных

поисковых систем; данные аккаунта пользователя, являющегося покупателем наркотических средств и психотропных веществ и др.

2. Особенность места совершения рассматриваемых нами преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым в сети Интернет, состоит в том, что они осуществляются в специфической среде – в виртуальном пространстве. Местом совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет являются как места закладок и места передачи пакетов непосредственно из рук в руки, так и различные сайты. Эти сайты, специально созданные с целью организации незаконного оборота наркотиков, а также одна или несколько логически связанных между собой веб-страниц являются аккаунтами. Такие вымышленные данные о пользователе (сбытчике наркотических средств и психотропных веществ) хранятся в компьютерной системе, необходимые для его опознавания и предоставления доступа к его личным данным и настройкам. В связи с виртуальными характеристиками указанных следов становится очевидным, что даже если правоохранители смогут проникнуть на сайт злоумышленника в социальных сетях Интернет, то к установлению реального преступника это не приведет.

Затруднения в расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, осуществляемого контрабандным путем, путем использования электронных либо информационно-телекоммуникационных сетей, вызваны расширением масштабов незаконной реализации наркотиков. Научный прогноз о возрастании числа лиц, стремящихся извлечь материальную выгоду от незаконной продажи наркотиков, получает свое подтверждение, прежде всего, в заметном увеличении числа преступников, которые используют в целях незаконного сбыта наркотических средств именно вышеуказанные электронные и информационно-телекоммуникационные системы [8].

В настоящее время, согласно ст. 206 УПК ДНР следователь в целях выявления следов преступления и других материальных носителей криминалистической информации, а также выяснения обстановки преступления и других обстоятельств, имеющих значение для дела, производит осмотр местности, помещения, предметов и документов. В криминалистике выделяют виды этого следственного осмотра – места происшествия, местности, жилища или иного помещения, предметов и документов, трупа. Следственный осмотр признан неотложным следственным действием, направленным на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления, преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и иных обстоятельствах расследуемого события [5]. Процессуальный порядок производства следственного осмотра, в том числе и осмотра места происшествия, определен ст.ст. 206, 207, 208, 211 УПК ДНР. Осмотр места происшествия, как правило, включает все остальные виды осмотра: осмотр участка местности, жилища или иного помещения, предметов. Согласно следственно-оперативной практике, первоначальный осмотр места

происшествия является наиболее значимым и сложным видом следственного осмотра, выводящим правоохранительные органы на сбор важных материалов для раскрытия уголовного дела. Существует перечень объектов, осмотр которых законодатель позволяет проводить до возбуждения уголовного дела (ст. 331 и ст. 334 УПК ДНР) в процессе сбора материалов первичной проверки.

На основании вышеизложенного можно видеть неопределенность и множественность места происшествия при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств посредством использования компьютерной сети Интернет. Кроме обычного места совершения преступления посредством механического использования компьютерной техники, к ним можно отнести: места подготовки к совершению преступления, места нахождения предмета преступления, помещение или участок местности, в пределах которого обнаружены следы совершенного преступления (например, места обнаружения приспособлений культивирования, сбора, приготовления, фасовки; наркотические средства, спрятанные преступником – «закладки» и т.д.). Само преступление при этом могло быть совершено и в ином месте. К видам места происшествия по факту контрабанды наркотиков можно отнести:

– транспортные средства, учреждения транспорта и связи (автомобили, пассажирские и товарные железнодорожные вагоны, морской и речной транспорт, авиатранспорт, багажные отделения, отделения связи и подобное, обеспечивающие перемещение рассматриваемых предметов контрабанды через таможенную границу);

– различные помещения, приспособленные для хранения наркотических средств на территории нашей республики и на территории смежных государств, расположенные в зоне таможенного контроля. Ранее эти средства могли быть сброшены с железнодорожных составов по пути следования, доставлены автомобильным транспортом и т.д.;

– участки местности (подъездные пути, тропинки, места сброса наркотических средств и других предметов контрабанды, места пересечения границы вне таможенного поста);

– различные помещения и участки местности (сарай, гараж, квартира, комната в коммунальной квартире, мусорные баки на территории микрорайонов, погреб, чердак, производственные помещения, подвалы, брошенные дома и др.);

– места, где обнаружены объекты (вещества, предметы) либо установлены факты и обстоятельства, свидетельствующие о совершённой контрабанде.

В ходе реализации оперативно-разыскных мероприятий и проведения следственных действий по документированию контрабандных действий в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием компьютерной сети Интернет, необходимо проведение определенных предусмотренных законом действий. Начать необходимо с осмотра места происшествия, обнаружения и изъятия наркотических средств; установления мест,

оборудованных компьютерной техникой. В ходе проведения мероприятий должны выполняться тактические требования, которые отечественной криминалистикой признаны обязательными:

- единое руководство;
- своевременность (неотложность);
- объективность, полнота, всесторонность;
- планомерность (методичность и последовательность);
- использование технико-криминалистических средств и методов, а также помощи специалистов;
- соблюдение криминалистических правил обращения с осматриваемыми объектами.

Реализация перечисленных тактических требований возможна только при правильной организации производства осмотра места происшествия. Она обеспечена проведением его в три последовательных этапа: подготовительный этап (подготовка до выезда на место осмотра и подготовка по прибытию на место осмотра), рабочий этап (общий и детальный осмотр), заключительный этап. Реализация рабочего этапа осмотра места происшествия обеспечены применением отдельных тактических приёмов и их комбинации. Мы придерживаемся рекомендованного распределения тактических приёмов на виды: по объёму действий на месте происшествия; по приёмам планомерного перемещения по месту происшествия; по характеру (последовательности) действий; по приёмам выделения мест для детального осмотра места происшествия [2].

По нашим наблюдениям за практикой противодействия контрабанде наркотиков, проблемы раскрываемости преступлений рассматриваемого вида постоянно находятся в поле внимания правоохранительных органов и органов прокуратуры. При этом главным недостатком признается неквалифицированное или небрежное производство осмотра места происшествия. В результате чего оказываются утраченными виртуальные следы на Интернет-ресурсах. Становится очевидной необходимость повышения уровня квалификации личного состава правоохранительных органов по направлению проведения следственного осмотра по признакам рассматриваемого преступления.

Отдельными проблемами собирания материальных следов в отношении расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств путем контрабанды наркотиков с использованием компьютерных технологий Интернет также можно назвать:

- не всегда осуществляется весь комплекс мероприятий, направленных на установления следов обмена информацией с использованием сети Интернет, вследствие чего не производится фиксация этих следов преступления;
- не производится изъятие следов рук, биологических следов, микрочастиц с упаковки наркотического средства и других объектов, что позволило бы определить принадлежность наркотического средства конкретному лицу;

– некачественное документирование контрабанды таможенными и пограничными органами;

– в ходе расследования, проведения необходимого осмотра места происшествия заменяется другими следственными действиями, такими как осмотр участка местности либо помещения, осмотр предметов и документов, обыск, выемка, проверка показаний на месте.

Анализ материалов, изложенных в научно-методической, учебной, справочной литературе, а также доступных материалов судебно-следственной практики по делам о контрабанде наркотиков и использованием компьютерной сети Интернет позволяет определить наиболее типичные задачи осмотра, виды материальных следов, места обнаружения предметов контрабанды, особенности формирования состава участников осмотра, особенности фиксации результатов осмотра и т. д. Такими задачами осмотра места происшествия по контрабанде наркотиков называют:

– установление факта незаконного перемещения объектов, составляющих предмет преступления согласно ч. 1 ст. 268 УК ДНР, через таможенную границу;

– установление качественных и количественных характеристик предмета контрабанды;

– установление обстоятельств совершённого преступления (время, место пересечения границы, способ – использование компьютерной сети Интернет и другое);

– обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления, изъятие мобильных телефонов, компьютеров у задержанных лиц для изучения хранящейся на них информации;

– выявление лиц, причастных к совершённому преступлению, с последующим их задержанием;

– установление причинно-следственных связей между контрабандой наркотиков и совершением других преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1, 378 УК ДНР;

– получение сведений для выдвижения и проверки версий о событии преступления и его участниках.

Выводы. Анализом следственной практики установлено, что значительная часть наркотических средств поступает на территорию ДНР контрабандным путем, с использованием сети Интернет.

В сети Интернет сохраняются разнообразные следы преступлений, связанных с контрабандой наркотиков. Одновременно с изъятием таких следов в ходе проведения следственного осмотра, практический результат обеспечивает проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению Интернет-пользователей, причастных к незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, осуществляемому контрабандным путем.

Эффект в установлении следов контрабанды наркотиков дает изъятие мобильных телефонов, предметов компьютерной техники, с последующим назначением компьютерно-технических экспертиз.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Российская; под ред. Р.С.Белкина. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М), 2000. – 990 с.
2. Бердникова О.П. Об особенностях осмотра места происшествия, по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием современных информационно-коммуникационных технологий / О.М. Бердникова // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Всероссийской научной конференции памяти И. Ф. Герасимова. отв ред. Д.В. Бахтеева. – Екатеринбург, 2020. – С. 23-28.
3. Вехов В.Б. Особенности организации и тактика осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / В.Б. Вехов // Российский следователь. – 2004. – № 7. – С. 2-5.
4. Дёмин К.Е. О некоторых инновациях тактики осмотра места происшествия по делам, сопряженным с использованием компьютерно-электронных средств / К.Е. Дёмин // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2020. – № 8. – С. 56-60.
5. Ильина Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение производства неотложных следственных действий / Е.В. Ильина, А.И. Мелихов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (14) – С. 108-115.
6. Моисеев А.М. Возможности получения доказательственной информации при расследовании Интернет-преступлений / А.М. Моисеев, С.В. Кондратюк // Гуманитарные Балканские исследования. – 2017. – № 1. – С. 41-43.
7. Сафаров В.Р. Виртуальные следы преступления / В.Р.Сафаров, К.В. Ильина // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 180-185. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.google.com/search... pdf](https://www.google.com/search...pdf) (дата обращения: 12.09.2021).
8. Токманцев Д.В. К вопросу об уголовно-правовом противодействии наркопреступлениям и пронаркотическому контенту в сети Интернет / Д.В.Токманцев, А.О. Скудра // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (42). – С. 63-66.

УДК 342.5

В.С. Чангли, канд.экон.наук., доцент, Донбасская национальная академия строительства и архитектуры (г. Донецк)

(e-mail: victory-v@bk.ru)

СИСТЕМНОЕ ЕДИНСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА И ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В данной статье автор обращает внимание на важность системного единства государственного аппарата и принципа разделения властей. В первую очередь рассматриваются теоретико-исторические основы принципа разделения властей. Автор анализирует то, как различные современные государства реализуют при формировании своего государственного аппарата принцип разделения властей. Также в статье речь идет о системе сдержек и противовесов и о ее роли в государстве. Автор акцентирует внимание на том, что реализация принципа разделения властей, система сдержек и противовесов, а также качественная работа контрольно-надзорных органов очень важна для любого государства, независимо от его формы территориального устройства и вида республиканской формы правления.

Ключевые слова: государство, государственный аппарат, принцип разделения властей, система сдержек и противовесов, демократия, власть.

Changli, V.S.

SYSTEM UNITY OF THE STATE APPARATUS AND THE PRINCIPLE OF THE SEPARATION OF AUTHORITIES

In this article, the author draws attention to the importance of the systemic unity of the state apparatus and the principle of separation of powers. First of all, the theoretical and historical foundations of the principle of separation of powers are considered. The author analyzes how various modern states implement the principle of separation of powers in the formation of their state apparatus. The article also deals with the system of checks and balances and its role in the state. The author focuses on the fact that the implementation of the principle of separation of powers, the system of checks and balances, as well as the high-quality work of control and supervisory bodies is very important for any state, regardless of its form of territorial structure and type of republican form of government.

Key words: state, state apparatus, principle of separation of powers, system of checks and balances, democracy, power.

Актуальность темы исследования. Вопрос об организации такой теоретико-правовой категории, как государственный аппарат, всегда остается открытым и является дискуссионным по сегодняшний день. От того, будет ли при формировании государственного аппарата реализован на практике принцип разделения властей, зависит уровень демократичности государственного политического режима и политическая стабильность самого государства. Ознакомление с историческим и современным опытом в рамках реализации данного принципа в различных государствах является крайне актуальным. Использование данного опыта позволит более эффективно осуществлять государственную власть и дальше развиваться в этом направлении.

Анализ научных исследований. В данной статье автор ссылается на работы следующих отечественных авторов в области теории государства: А.С. Алексеев [1], Г.Н. Андреева [2], А.М. Каримский., А.С. Малькин, М.Н. Марченко [3], И.А. Полянский [6], М.А. Рейснер [7], Р.А. Ромашов [8], В.Е. Чиркин [9,10]. Также были использованы труды знаменитых зарубежных ученых прошлого в редакциях 50-х, 60-х годов XX столетия, таких как Дж. Локк [4] и Ш. Монтескье [5].

Цель научной статьи состоит в проведении анализа становления принципа разделения властей и его реализации в современных государствах для обобщения положительного опыта, который может быть использован в государственном строительстве в будущем.

Основное содержание. Принцип разделения властей является основополагающим принципом построения аппарата государственной власти на современном этапе развития государственности.

Под государственной властью имеется в виду способность государства в лице государственных органов и должностных лиц руководить волей и поведением субъектов в интересах всего государства, либо определенной его части [1, с. 15]. В юридическом аспекте целесообразно рассматривать государственную власть как конституционно-правовой институт, который представляет собой систему конституционно-правовых норм. Данные нормы закрепляют собой форму организации государственной власти, методы ее осуществления, структуру органов государства и систему отношений между ними.

Первые рассуждения о сущности деятельности государства зарождались в древневосточных рабовладельческих государствах (Вавилон, Древний Египет), в трудах мыслителей античного мира (Древняя Греция – Аристотель) и средневековья (Италия – Марсилиус Падуанский) [10, с. 435]. Из научной литературы становится известно, что в идейно-политической борьбе XVII-XIX вв. теория разделения властей противопоставлялась концепции единовластия [8, с. 87]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что генезис рассматриваемой теории связан с возникновением правовых теорий Нового времени и начинается в Англии.

Дж. Локк был самым влиятельным политическим мыслителем Англии XVII века, из идей которого в дальнейшем философы развивали концепцию ограниченной монархии. Работа мыслителя «Два трактата о правлении» раскрывала сущность идеи разделения властей, которая заключалась в следующем. Государство имеет тройное назначение: оно должно издавать законы, наказывать преступников и отражать внешние нападения. В соответствии с этими тремя функциями государства существует и три ветви власти. Законодательная власть издает законы и указывает, как должна быть использована государственная сила для сохранения общественного порядка; исполнительная – предназначена для надзора за исполнением законов и исполнения различных задач; федеративная власть обеспечивает безопасность

государства во внешних отношениях, ведает вопросами войны и мира, коалициями и союзами [4, с. 92].

Дж. Локк считает необходимым разделение властей для практического удобства и связывает это с различием выполняемых ими функций, порядке работы органов. Также большое давление на данный процесс оказывает усложнение и специализация функций государства, разделение полномочий между различными органами государства [8, с. 100].

Чтобы обеспечить безопасность граждан от произвола и злоупотребления властью, преобразовать право в истинный регулятор отношений общества и государства, Ш. Монтескье предложил свою формулировку теории разделения властей, которая впоследствии обрела статус классической. Монтескье считал, что лишь разделение властей является единственной гарантией правового строя в конституционном государстве.

Учение Ш. Монтескье говорит о том, что не будет свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной властей. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем [5, с. 292]. Таким образом, мыслитель делает акцент на том, что принцип разделения властей наделяет граждан государства полноценной свободой, которая возможна только при демократии.

Сразу стоит обратить внимание на различия в теориях Дж. Локка и Ш. Монтескье. Если Локк под разделением предполагал тесное сотрудничество и взаимодействие властей при условии возвышения законодательной над исполнительной ветвью, то Монтескье говорил о полном равновесии, обособленности властей [7, с. 295].

Важным дополнением в теории Монтескье является то, что власти не должны вмешиваться в функции друг друга. При этом каждая власть имеет право контролировать другую, чтобы защитить себя от вторжения, предотвратить превышение полномочий.

Правовед придал принципу разделения труда в процессе осуществления власти в государстве юридический смысл. В период его жизни уже функционировала сложная система абсолютизма и появлялась настроенность на сложное разделение труда в сфере государственного управления. «В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть, ведающая вопросами права гражданского...» – так описывал Монтескье систему организации власти в своем труде о трех родах власти в государстве между различными органами [5, с. 159].

Монтескье был первым, кто связал деление власти в силу принципа разделения труда между различными государственными органами с конституционным устройством государства. Его теория отразила социальные тенденции в обществе [8, с. 101].

Рассмотрев учение мыслителя, можно сделать вывод о том, что среди принципов, которыми должно руководствоваться свободное государство, стоит выделять: принцип разделения властей, принцип взаимного сдерживания властей, принцип распределения власти между различными социальными прослойками.

Говоря о назначении каждой из ветвей, Монтескье заключил следующее: законодательная власть выявляет право и формулирует его в виде положительных законов, которые обязательны для всех граждан; исполнительная – исполнительный орган общей воли государства; задача же исполнительной власти – наказывать преступления и разрешать споры в соответствии с буквой закона [5, с. 297].

Предложенная Монтескье формулировка теории имела свое продолжение в трудах мыслителей XIX-XX веков. На юридическом уровне она впервые претворилась в жизнь в Конституции Соединенных Штатов Америки 1787 года. После чего большинство государств писали свои Основные законы в соответствии с данной теорией.

Со временем концепция разделения властей подвергалась некоторым изменениям, вносимым создателями различных конституций. Так, многие из них не могли прийти к единому мнению по вопросу относительно количества ветвей власти. Конституции Никарагуа 1987 года, Колумбии 1991 года (Латинская Америка) закрепляет существование четырех видов власти, выделяя избирательную власть, что имело свое организационное закрепление в создании системы специальных избирательных трибуналов. В компетенцию данных органов входит рассмотрение споров о выборах в государственные органы. Представляют данную ветвь власти граждане, которые обладают избирательным правом.

Четвертую – учредительную власть выделяют и Ж. Блан, Ж.М. Вирье, Ф. Ваге – специалисты по сравнительному конституционному праву. Они отмечают, что данная ветвь не должна покушаться на функции остальных ветвей власти [10, с. 441].

В истории имеются случаи большего количества ветвей власти. Так, в проекте конституции 1986 года в Никарагуа закреплено пять видов властей. Помимо трех общепринятых, были предложены избирательная и контрольная власти. Осуществление контрольной власти возлагалось на Генерального контролера республики. Стоит упомянуть, что система органов Генерального контролера существует в странах Латинской Америки, Азии. Контрольные органы в другом виде (например, инспекции, счетные и контрольные палаты) представлены в странах всего мира.

В Конституции Алжира 1976 года, которая действовала до 1989 года, было названо шесть ветвей власти: политическая, законодательная, исполнительная, судебная, контрольная, учредительная.

Рассматривая данный вопрос, нельзя не упомянуть и о существовании оппозиционных взглядов относительно разделения государственной власти. Так, фашистские концепции отрицали разделение властей, призывали к

авторитаризму. В соответствии с данными концепциями, вся полнота власти должна принадлежать одному лицу. В современном мире до сих пор существуют государства, где, несмотря на разделение органов государства по видам их деятельности, над всеми стоит единый управляющий субъект (должностное лицо или орган) [10, с. 429].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в зарубежных государствах существуют не только различные взгляды относительно принципа разделения властей, но и реализуется на практике данный принцип по-разному.

Необходимо отметить, что разделение властей основывается не на иерархическом принципе, а на функциональном. Рассматриваемая теория говорит о наличии единого источника власти – народа, что на юридическом уровне закреплено при помощи создания единого государственного аппарата. Аппарат должен быть построен на принципе рационального соотношения властей (балансе властей), что предусматривает одновременно их самостоятельность, взаимодействие и контроль [6, с. 21].

Важно понять, что теория разделения властей не допускает создания неприступной стены, отгораживающих ветви власти друг от друга. Такое и невозможно на практике, так как они формируют единую государственную власть. В истории встречались случаи двоевластия. Но они представляли собой лишь кратковременное взаимодействие разной по социальной сущности политической и государственной власти.

Потому стоит говорить об определённом вмешательстве различных властей в компетенцию друг друга. Например, в сферу деятельности законодательной власти может вмешаться исполнительная власть при помощи использования института делегированного законодательства. Такая практика распространена в Великобритании, Италии, Франции. В правотворчестве могут принимать участие и суды – общие или конституционные суды имеют право объявлять законы неконституционными и лишать их юридической силы.

На данный момент распространенной во многих государствах является процедура импичмента – отрешения, выражения недоверия в адрес президента, судей, высших должностных лиц, что может быть вызвано совершением тяжких преступлений при осуществлении обязанностей.

Как уже упоминалось выше, первым юридическим воплощением в жизнь концепции разделения властей является Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 года. Работая над проектом Основного закона, отцы-основатели США столкнулись с проблемой, суть которой заключалась в том, что ни одна ветвь власти не должна оставаться бесконтрольной, действовать произвольно. С целью разрешения данной проблемы была введена система сдержек и противовесов, которая заключалась в следующем. Президент не мог распустить Конгресс. Конгресс же не может отстранить президента (за исключением случаев импичмента). Президент имел возможность отсрочить принятие закона Конгрессом при помощи отлагательного вето. Конгресс же мог преодолеть это вето 2/3 голосов. Министры были подчинены только

президенту, Конгресс не мог уволить их. Но назначались последние президентом только по одобрению Сената. Контролировали деятельность государственных органов на предмет соответствия положениям Конституции суды. Назначались же члены Верховного суда президентом с одобрения Сената [3, с. 78-79].

В современном мире система сдержек и противовесов вошла в конституции большинства государств мира. И если в некоторых странах данный термин рассматривается как доктринальный, т.е. описательный, то есть государства, в которых термин включен в текст Основного закона (постсоветские конституции).

Нельзя говорить о том, что данная система функционирует в неизменном виде в государствах с различными формами государственного правления. В парламентской республике и парламентской монархии, в президентской республике и в дуалистической монархии система сдержек и противовесов будет функционировать по-разному, однако отдельные ее элементы всегда будут присутствовать при демократической системе управления [10, с. 431-432].

Вызовы времени дополнили теорию разделения властей еще одним важным принципом – принципом взаимозависимости и взаимодействия различных отраслей власти, что обусловлено непосредственно единством государственной власти, общим направлением государственной политики. Однако стоит обозначить, что рассматриваемое единство не отменяет того, что отдельные ветви власти используют различные способы осуществления своих полномочий, а также не отрицает существования конфликтов властей. Разногласия между ними естественны в силу того, что существует несколько ветвей власти. Однако данные конфликты должны быть урегулированы путем поиска среднего знаменателя и не должны доходить до открытой борьбы. В.Е. Чиркин говорил: «По принципиальным вопросам государственной политики все ветви власти должны действовать согласованно, иначе невозможно управление обществом, что влечет за собой анархию и распад» [10, с. 428].

При изучении теории Ш. Монтескье следует учитывать, что она соответствует вызовам своего времени. В связи с этим уместно будет процитировать мыслителя: «Каждый народ имеет свое собственное государственное устройство; английское является государственным устройством англичан, и если бы захотели дать его пруссакам, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государство туркам. Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа» [5, с. 290]. Таким образом, при создании аппарата государства необходимо учитывать в первую очередь специфику самого общества, для управления которым создается этот аппарат, а не действовать «по шаблону». Положительный опыт одного государства может окончиться крахом для другого.

Также стоит отметить, что на данный момент наблюдается тенденция усложнения общественной жизни, что вызывает и соответствующее усложнение процессов государственного управления. Данный процесс способствует возникновению более новых отраслей государственного управления. Одна из таких отраслей – контрольно-надзорная деятельность. В государствах создаются и функционируют всевозможные контролирующие государственные органы, среди которых – конституционные суды, парламентские комиссары, генеральные контролеры, аудиторы, счетные палаты и другие. Данные государственные органы не подчиняются более никаким другим структурам. Это делает возможным расширение принципа разделения властей на практике. Особую роль в этом, по мнению автора, играет генеральная прокуратура, которая и существует непосредственно для контроля над исполнением законности законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Ее эффективная работа вносит весомый вклад в улучшение уровня законности и правопорядка в государстве, что в свою очередь повышает качество функционирования всего государственного аппарата.

Таким образом, в условиях современного времени описываемая ранее триада оказалась недостаточной. Это способствует развитию контрольной и надзорной власти, обладающей значительным своеобразием структуры органов и методов их деятельности [9, с. 18]. На практике эта тенденция прослеживается в тексте современных конституций, где контрольным органам посвящаются целые главы [2, с. 230].

Выводы. Генезис принципа разделения властей связан с возникновением правовых теорий Нового времени и начинается в Англии. Дж. Локк был самым влиятельным политическим мыслителем Англии XVII века, из идей которого в дальнейшем философы развивали концепцию ограниченной монархии. Работа мыслителя «Два трактата о правлении» раскрывала сущность идеи разделения властей.

С той целью, чтобы обеспечить безопасность граждан от произвола злоупотребления властью, преобразовать право в истинный регулятор отношений общества и государства, Ш. Монтескье предложил свою формулировку теории разделения властей, которая впоследствии обрела статус классической, и на ее основе были сформулированы другие теории, которые сейчас успешно реализованы на практике в различных государствах.

В современном мире в зарубежных государствах существуют различные идеи относительно принципа разделения властей, а также несходные между собой варианты его применения на практике. В основе рассматриваемой теории лежит идея единства и целостности государственной власти, в связи с чем разделение властей основывается исключительно на функциональном принципе. Нельзя говорить о наличии иерархической подчиненности между различными ветвями власти, все это будет противоречить системе сдержек и противовесов. Без данной системы воплощение на практике теории разделения властей невозможно. У каждой ветви должны быть инструменты

для контроля над другими ветвями власти, чтобы избежать узурпации власти, но только в рамках допустимого.

Все это, безусловно, влияет на формирование демократического, правового государства. Без реализации в процессе государственного строительства всех вышеупомянутых принципов в стране никогда не будет сформирован демократический политический режим. Государство, которое будет на практике пренебрегать многовековым опытом в теории разделения властей, никогда не будет процветать и никогда не отойдет от политики авторитаризма.

Государства, где существует грамотная организация государственного аппарата, учтены все положительные стороны теории разделения властей, системы сдержек и противовесов, и имеются высококвалифицированные контрольно-надзорные органы, всегда будут более политически стабильными, чем государство, пренебрегающее данным позитивным опытом.

Список использованных источников

1. Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти / А.С. Алексеев. – М.: Типолитография Высочайш. утвержд. Товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1894. – 35 с.
2. Андреева Г.Н. Конституции стран СНГ и Балтии: Учебное пособие / Г.Н. Андреева. – М.: Юристъ, 1999. – 640 с.
3. Каримский А.М., Конституция США: история и современность / А.М. Каримский, А.С. Малькин, М.Н. Марченко. – М.: Юридическая литература, 1988. – 316 с.
4. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2 т. / Дж. Локк. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 734 с.
5. Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.
6. Полянский И.А. Правовая природа исполнительной власти и ее место в организации государственной власти / И.А. Полянский // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 21.
7. Рейснер М.А. Государство: Пособие к лекциям по общ. учению о государстве. Ч. 1 / М.А. Рейснер, прив.-доц. С.-Петерб. ун-та, проф. Психоневрол. ин-та. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 221 с.
8. Ромашов Р.А. Формирование теории разделения властей (XVII-XIX вв.) / Р.А. Ромашов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1995. – серия 6, вып. 3, № 20. – С. 100-101.
9. Чиркин В.Е. Контрольная власть / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 18.
10. Чиркин В.Е. Сравнительное конституционное право / В.Е. Чиркин. – М.: Манускрипт, 1996. – 730 с.

УДК 743.74

Янчик Е.А. аспирант, Донбасская юридическая академия
(г. Донецк)

(e-mail: XANDERkj@rambler.ru)

**ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ,
ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И СЛУЖБЫ В
ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Данная статья является попыткой раскрыть первичное понимание должностного лица как непосредственного участника уголовно-правовых отношений, а также сформулировать наиболее значимые и актуальные аспекты совершения преступлений в сфере обширного предмета ведения государственной власти и местного самоуправления, выявить ключевые особенности основной специфики указанных деяний, взяв за основу их влияние и объём затрагиваемых объектов посягательства.

Ключевые слова: *должность, должностное лицо, государственный служащий, преступление, должностные преступления, соучастие, юридически-властные полномочия.*

Yanchik, E.A.

**OFFICIAL PERSON AS A SPECIAL SUBJECT OF CRIMES
AGAINST STATE AUTHORITIES, INTERESTS OF THE STATE SERVICE
AND SERVICE IN LOCAL GOVERNMENT BODIES**

This research is an attempt to reveal the primary understanding of an official as a direct participant in criminal law relations, as well as to formulate the most significant and relevant aspects of the commission of crimes in the sphere of the broad subject of state power and local self-government, and to identify the key features of the main specifics of these acts, taking based on their influence and the scope of the affected objects of encroachment.

Key words: *position, official, civil servant, crime, malfeasance, complicity, legal authority.*

Актуальность темы исследования. Изучение такого субъекта как должностное лицо в комплексной системе преступных взаимосвязей необходимо для более качественного и эффективного осуществления государственного управления и властвования, обеспечения надлежащего правового регулирования проблем, связанных с практической реализацией распорядительно-исполнительных функций, и построения конструктивных алгоритмических позиций по предотвращению, предупреждению и пресечению преступлений с использованием властных полномочий.

Цель научной статьи. Основная мысль обусловленной тематики направлена на формирование углублённого и правильного осознания роли должностных субъектов в совершении общественно-опасных деяний, посягающих на государственные, местные и служебные интересы, нахождения действенных подходов и материальных средств, приёмов, которые бы способствовали их раскрытию, расследованию и изобличению виновных лиц.

Анализ научных исследований. В качестве главенствующих отправных точек для создания обоснованной статьи были применены содержательные части научных работ выдающихся учёных-практиков и исследователей в области уголовного права М. М. Алишевой, А. А. Алексеева, эксперта отрасли криминологии Р.А. Сорочкина, научного изыскателя сферы судебной деятельности и уголовно-процессуального судопроизводства И.В. Веренича.

Изложение основного материала. В современных реалиях окружающего мира концептуальному исследованию преступления как первичного элемента деструкции правового государства и гражданской общественности уделяется всё больше пристального внимания. Преступление в наши дни выступает не просто социально-негативным явлением, оно олицетворяет текущую юридическую ситуацию в обществе, показывает основополагающий уровень текущего правосознания и культуры у населения города, региона либо целого государства. Однако, как и многие другие объективированные категории и компоненты исследуемой системы, преступление имеет свойственную ему характеристику, выражающуюся в общей детерминации данного термина и его характерных признаках.

Исходя из предметной направленности, преступлением признаётся общественно-опасное, виновное, противоправное и уголовно-наказуемое деяние, посягающее на разнообразные государственные, общественные либо частные интересы [7]. Поставленное определение носит перманентный характер для многих отечественных уголовно-правовых систем современности, поскольку вмещает в себя не только общепризнанную закономерность, создающую истинное понимание преступления, но и все соответствующие признаки, которыми оно обладает. Так, следует выделить четыре базисных элемента, формирующих ценностный конструкт интерпретации преступного деяния:

- **Общественная опасность** – юридическое и фактическое свойство любого преступления, без которого признать конкретное действие либо бездействие таковым просто не представляется возможным (этот элемент и отличает преступное посягательство от правонарушения);
- **Противоправность** – опосредуется тем, что напрямую нарушает установленные правовые нормы и юридические предписания национального законодательства;
- **Виновность** – отождествляется с проявлением личностного индивидуального отношения самого лица к собственным преступным действиям/организации преступного бездействия (составляет одно из звеньев состава преступления);
- **Наказуемость** – наиболее ярковыраженный признак, подразумевающий неотвратимое наступление юридической ответственности за совершение тех или иных преступлений, который имеет вид определённых санкций, отражённых в уголовном законодательстве [1, с. 185].

Исходя из уголовно-процессуального смысла данного термина, стоит выделить то, что преступление служит отправным началом к возникновению и последующему развитию дознания и предварительного расследования, составляющему костяк всего уголовного дела в целом.

С криминологической точки зрения преступление является лишь отдельным значимым для этой науки случаем, совокупность и локализация которых необходима для ведения криминологического учёта и номинальной статистики, прогнозирования новых случаев и выполнения профилактически-предупредительной политики.

Используя за основу выявленные тезисные позиции, важно сказать, что все указанные признаки в своей совокупности формируют единый и самостоятельный уголовно-правовой институт, называемый преступлением. Он является неотъемлемым объектом общетеоретической науки уголовного права, и на его основе подлежат изучению множественные вопросы, разрешение которых позволит механизму государственной власти и местного самоуправления обеспечить бесперебойное функционирование и постоянное совершенствование.

Как мы видим, из предыдущих положений отображается многогранность определения преступления и его сущностная роль, исполняемая в различных науках и отраслевых направлениях. Руководствуясь данным фактом, стоит заметить, что практически все имеющиеся на текущий момент сферы государственной и общественной жизни подвержены негативному, тлетворному влиянию со стороны преступников и лиц, нежелающих мириться с устоявшейся закреплённой системой. В том числе и государство в лице его представителей – государственных служащих и должностных лиц, подвержено определённой деструкции [4, с. 23].

Должностные преступления относятся к числу наиболее опасных и организованных групп преступной деятельности, которая исследована на данном этапе жизни общества. Правовая квалификация подобных деяний не всегда может качественно отразить все особенности и ключевые фактические обстоятельства, имеющие место при их осуществлении, ведении в отношении основных субъектов уголовно-процессуального судопроизводства, а также отправления правосудия.

Выведение должностных преступлений в отдельную уголовно-правовую группу сопровождается как общетеоретическими (сложности квалификации, определения процессуального статуса), так и практическими (трудности при производстве дознания и предварительного следствия) проблемами. Особенно актуальны обусловленные общественно-опасные деяния для относительно молодых государств, которые ещё не имеют полностью слаженной и организованной управленческой работы, систематизированной нормативно-правовой базы, как, например, ДНР, ЛНР.

Одним из самых главных факторов должностных преступлений служит его специальный субъект, а именно должностное лицо. В соответствии с примечаниями к ст. 334 настоящего и ныне действующего на территории

Донецкой Народной Республики Уголовного кодекса, следует ввести в работу то, что под должностными лицами понимаются лица, которые постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти либо выполняют организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Донецкой Народной Республики, других войсках и воинских формированиях Донецкой Народной Республики. Анализируя приведённое в УК ДНР понятие, необходимо сказать, что отечественный законодатель поставил упор на те сферы государственного управления, где может фигурировать административная деятельность, а, значит, и должностные лица [7].

Отечественный учёный-правовед А.А. Алексеев ставит акцент на таком существенном элементе, как профессиональный статус, поскольку именно он определяет наличие у данного лица конкретной должности и определённого спектра выполняемых административно-исполнительных и распорядительно-управленческих функций. С его мнением можно согласиться, так как положение должностного лица в общей машине государственной власти создаёт его способность являться субъектом указанного блока преступлений, следовательно, формируя специфическую правосубъектность гражданина при исполнении им своих трудовых задач, применяя возложенные на него юридически-обеспеченные возможности [5, с. 187]. Целевыми возможностями мы определяем юридически-властные полномочия, которыми должен быть наделён субъект государственного управления при фактическом осуществлении такового. К ним нужно отнести фундаментальные дозволенности, предназначенные для свершения государственной политики экономического, социально-правового, культурно-духовного, военного профилей.

Согласно позиции Р.А. Сорочкина, приоритет при идентификации должностного лица заключается в специфике его управленческих функций, базис которой строится из целевой направленности и стратегического уклона таких функций; особенности того, что они реализуются от имени юридического лица; публичные интересы власти являются ведущими задачами данных действий, а самостоятельность и независимость в принятии процессуальных решений, как по своему собственному внутреннему убеждению, так и на юридическом основании должностных инструкций – всё это составляет содержание комплекса профессиональной роли обусловленного специального субъекта [6, с. 81].

С исторической точки зрения, так называемые должностные преступления зародились ещё в глубокой древности, как только человек познал на себе все предоставленные ему и обеспеченные легитимностью возможности по праву его особенного юридического положения в обществе, репутации и иных признаков (военные качества, высокая образованность, грамотность в сфере принятия законов). Получив определённую должность, лицо становилось

обладателем не только свойственных обязанностей по предмету службы или ведения, но и соответствующих прав, которые в известной степени превышались при осознанной необходимости самим должностным лицом.

Согласно ст. 45-46 Конституции ДНР все граждане и иные лица, пострадавшие вследствие злоупотребления имеющимися юридически-властными полномочиями со стороны должностных лиц и органов государственной власти и местного самоуправления, гарантировано получают законодательную и судебную защиту. Кроме того, они могут использовать любые незапрещённые законом способы обеспечения материальной компенсации за причинённый ущерб от незаконных действий указанных субъектов [5].

Должностные преступления представляют собой общественно-опасные деяния, которые совершаются лицами, наделёнными юридически-властными полномочиями и способными от лица государства выполнять те или иные возложенные на них функции власти и управления. Как и многие другие непосредственные субъекты общественных правоотношений, должностные лица подвержены уголовному преследованию за совершение деяний, в результате которых наступают серьёзные социально-опасные последствия. Яркой отличительной чертой исследуемых посягательств выступает трудоёмкость процесса их правовой квалификации. Множество всевозможных преступных проявлений, которые когда-либо совершались должностными лицами, проходят длительные и масштабные этапы детерминации.

Используя весь предложенный в научной статье опыт современных исследователей проблематики должностных преступлений, нужно, в частности, сформулировать ряд определённых свойственных им характерных черт. Остов указанных преступных посягательств включает в себя:

– квалифицированную общественную опасность (зачастую множественные проявления должностных преступлений сопряжены с причинением значительного материального/морального ущерба публичным и частным интересам государства, социума и личности);

– профессиональный статус – общая совокупность отраслевых юридически-властных полномочий, которыми наделены должностные лица на своих постах с целью осуществления государственной деятельности по предмету ведения (играет очень важную роль при определении принадлежности преступлений, их тяжести, общественной опасности и фактического характера);

– сложность в обнаружении и выявлении (большинство всех должностных деяний совершаются скрытно и незаметны для органов контроля и надзора);

– латентность;

– высокая степень организованности, компетентности и взаимного кооперирования во время осуществления преступного замысла [3, с. 67].

Последние два признака стоит раскрыть подробнее. Трудности, вызванные особенностью должностных преступлений, находят свою причинно-

следственную связь в скрытном использовании специальных средств, практических приёмов и способов совершения. В первую очередь это характерно для ещё неокрепших государств, поскольку, например, в ДНР отсутствуют необходимые институты централизованного государственного контроля, эффективное нормативно-правовое регулирование, а также должный уровень профессиональной образованности многих политических и державных деятелей. К примеру, глубинное знание всей системы финансирования, движения крупных денежных потоков, циркуляции макроэкономических активов позволяет потенциальному преступнику на своём рабочем месте, не выходя из офисного кабинета, проводить масштабные финансовые махинации, строить схемы по отмыванию и несанкционированному перемещению денежных средств, создавать новые оффшорные счета и перечислять на них добытые преступным путём суммы.

Коррупционные явления, мошенничество и кражи в области предоставления финансовых услуг наиболее полно раскрывают возможные ситуации, направленные на получение преступного результата [7]. Все эти посягательства носят серьёзную общественную опасность, пресечение которых находится в приоритете у правоохранительных органов, ущерб от них может достигать весьма значительных размеров. Кроме того, не стоит также забывать и о том, что вышеперечисленные виды преступлений превалируют над многими другими, где в качестве преступников выступают должностные работники, так как материальные блага и экономический интерес служит самым распространённым в криминологической характеристике личности данных преступников.

Большая степень компетентности и профессиональная организованность выражаются в том, что, преступления в сфере администрирования с использованием должностных полномочий и политические преступные деяния совершаются лицами, обладающими высшим профессиональным образованием. Обозначенный критерий непосредственно связан с тем, что для получения определённой должности необходимо соответствовать конкретным штатным требованиям, к числу которых относится возрастной, образовательный, медицинский, физический и иные критерии [1, с. 186]. Кроме того, отдельного внимания заслуживает и информационное обеспечение, поскольку зачастую лицо, обладающее соразмерными должностными полномочиями, также располагает определёнными сведениями, которые обязаны находиться в тайне. Речь идёт именно о том, что данная информация при правовой квалификации преступного деяния может являться одним из основных предметов преступления, разглашение которой может повлечь за собой высокую, с точки зрения тяжести осуществлённого действия/организации преступного бездействия, квалифицированную меру уголовно-правового наказания. Государственный заговор, шпионаж, национальная измена – все обусловленные деяния посягают на сложившийся и сформировавшийся конституционный строй, где вопросам обеспечения державной безопасности уделяется наибольшее внимание. Уголовный кодекс

ДНР содержит ряд статей, которые предусматривают соответствующую уголовно-правовую ответственность за преступления против государственного правопорядка и безопасности.

Хотелось бы рассмотреть в отдельности фактический характер должностных преступлений. Исходя из исторической хроники, к разрезу этих деяний учёный М. М. Алишева относил преступления так называемых «белых воротничков», активно реализующих свою преступную деятельность в США. Как утверждает сам автор, указанные субъекты признавали единственно возможным способом достижения поставленных целей и разрешения насущных проблем допуск нарушения законодательства. Они имели в основном коммерческий смысл и не отождествлялись с насильственными преступлениями, поскольку в результате действий «белых воротничков» наносился вред только имущественным интересам государства, общества и отдельных индивидов. Течение рассмотренных преступлений в скором времени превратилось в настоящую тенденцию, так как теперь трудно представить государство, в котором никогда бы не происходило нечто подобное. Элементарное материальное влечение экономической наживы выступало провокатором, управляющим рычагом давления для этих должностных лиц.

Развитие научно-технического и опытно-конструкторского, технологического прогресса обусловило возможность применения более усовершенствованных способов реализации преступных планов. Компьютерная техника, электронные устройства и прочие информационные технологии снабдили должностных преступников всем необходимым для воплощения в реальную действительность противоречащих нормам права влечений и желаний. Благодаря новшествам передовых научных разработок в области электроники и электротехники государственные служащие и должностные лица активным образом, зная всю установленную систему, научились скрывать совершение преступлений. Самыми распространёнными среди них можно выделить финансовые махинации, большая часть из которых до сих пор не выявлена правоохранительными органами по причине профессионального подхода к практической реализации сказанных деяний. Отсылая к этой мысли, необходимо сказать, что использование должностных функций и возможностей лишь добавляет дополнительных инструментов в общий арсенал методологии преступников.

Одним из часто выраженных типов подобных преступлений служит превышение либо злоупотребление должностными полномочиями, регламентированное ст. 334 действующего УК ДНР [7]. Данное преступление носит, в основном, единичный характер, то есть исполняется одним лицом, но в уголовной практике имеются множество примеров, когда из определённых, на первый взгляд, невязанных действий/бездействия отдельных лиц, за которые возможна административная ответственность, в их совокупности рождается цельное уголовное правонарушение, обладающее серьёзными квалифицирующими признаками. В современных условиях наравне с коррупцией это преступление широко наблюдается в общественных

правоотношениях, складывающихся в сфере деятельности субъектов государственного управления, власти и местного самоуправления различных стран мира, в том числе и РФ. Ссылаясь на научные труды и государственную практику российских изыскателей, следует отметить независимое изучение соучастия в должностных преступлениях, которое способствует достижению более высоких и амбициозных целей.

Нынешняя проблема соучастия в должностных преступлениях всё ещё остаётся одной из самых острых и не до конца разрешённых. О. В. Артюшина выделила три основных фактора, которые всё ещё являются ведущими аспектами, нуждающимися в правильном разрешении: определение характера причинённых тяжких последствий, правовой пробел и недоработка нынешнего уголовного акта, многообразие моментов, влияющих на правовую квалификацию (применение насилия, общественная опасность совокупных преступлений) [2, с. 349].

Должностные преступления, помимо вышеназванных проблемных аспектов, имеют, по нашему мнению, ещё два субъективно-обусловленных момента, означающих трудоёмкость определения в процессуальной форме наличия соучастия в должностном деянии – практическая специфика правоприменения и условия сложившейся ситуации (объективная сторона). Главным рычагом в данной партии служит организация и функционирование преступного сообщества. В современном мире представители «должностного криминала» сумели наладить такую высокоорганизованную и профессионально работающую систему незаконной динамики, что проведение уголовной квалификации на наличие искомого деяния, наблюдающегося именно в действиях конкретных лиц, представляет сложный и трудоёмкий процесс (в некоторых случаях выявить незаконную активность просто невозможно из-за ряда факторов, в том числе и коррупционных проявлений, бюрократизма и излишнего формализма) [3, с. 66].

Также весьма тяжело решить вопрос субъективной стороны деяния, когда рассматриваются уголовные дела, связанные по своей принадлежности с исполнением приказа/распоряжения, которые отменяют назначение уголовно-правового наказания и ответственности (например, выполнение военного приказа старшего по воинскому званию военнослужащим, имеющим интерес к объекту преступления, что трудно доказуемо, но влияет на назначение наказания на общих основаниях, либо это просто единичное преступление, совершённое старшим командиром) [4, с. 19].

Преступное сообщество, особенно в сфере должностных действий, практически всегда выражается в профессиональной подготовленности его участников. Естественно, как было сказано ранее, цели, которые преследует эта организация, носят более серьёзный, общественно-опасный характер. К примеру, совершение или оказание существенного содействия реализации государственного переворота расценивается как государственная измена, за которую может быть назначена смертная казнь в зависимости от политического режима и национального уголовного законодательства с учётом наличия

соучастия и квалифицирующих признаков (использование своих должностных полномочий для выполнения отдельных миссий, преступных заданий и поручений, финансирования проведения) [1, с. 184].

Таким образом, соучастие в должностных преступлениях – это отдельная самостоятельная группа для изучения и исследования ввиду того, что здесь соучастие приобретает более обширные в плане общественной опасности масштабы. В указанном уклоне соучастие приравнивается к организованной преступности – самой значимой и крупной ячейке криминального мира. Рассмотрев проблемы применения норм права, можно прийти к выводу, что соучастие именно в данном комплексе является той отправной точкой, которая раскрывает истинную неспособность и недостаточную эффективность правоохранительной системы на должном уровне выявлять и пресекать различного рода преступления, осуществлять уголовно-правовую профилактику и превенцию обозначенных деяний.

Выводы. Подводя итог всему проведённому компаративистскому анализу и научному исследованию, необходимо сказать, что должностные преступления занимают важное место в предметной структуре приоритетных задач правоохранительных органов и изысканиях криминологов. Должностные преступления всегда сопровождаются использованием и злоупотреблением юридически-властными полномочиями, определённого профессионального статуса, авторитета и доверия со стороны подчинённых сотрудников, других посторонних лиц. Управленческие функции, которые при этом выполняются должностным лицом, как раз и интерпретируют данный юридический статус.

Следует выделить то, что подобные виды криминального поведения обладают признаками квалифицированной общественной опасности, высокой латентностью и тщательностью сокрытия, а массовость, которая возникает в результате неспособности, преимущественно органов правопорядка, выявить и пресечь должностные преступления в частых случаях приводит к тому, что организовываются профессиональные преступные синдикаты и криминальные сообщества, основной целью которых всегда выступают крупные объекты посягательств. Предупредительная политика и профилактические мероприятия, осуществляемые в отношении таких преступлений, способствуют положительной динамике – уменьшению размеров, а качество данных мер лишь увеличит эффективность работы механизма государственной власти и местного самоуправления.

Таким образом, беря за перманентную основу соучастие в должностном преступлении, стоит упомянуть, что соучастники в текущем плане существенно отличаются от своих представителей, наблюдаемых в других типах и формах соучастия, поскольку наличие и возможность к использованию определённых юридически-властных полномочий уже является косвенной методологической и практической предпосылкой к непосредственной реализации преступления должностного характера не в одиночку, а ориентируясь на взаимное преступное участие всех, кто его принимает, уделяя особое внимание объективным и субъективным факторам и проблемам.

Деятельность органов государственной власти и управления выступает той областью человеческой жизни, в которой необходимо минимизировать вероятность возникновения различных преступлений, так как именно эта сфера диктует всем прочим отраслям то, как им нужно действовать и функционировать.

Список использованных источников

1. Алишева М.М. Проблемы правового регулирования ответственности за должностные преступления / М.М. Алишева А.А. Алексеев // Наука и реальность/ Science&Reality – № 2(6). – 2021. – С. 184-187.
2. Артюшина О.В. Причинение тяжких последствий при превышении должностных полномочий: проблемы квалификации / О.В. Артюшина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – С. 349-350.
3. Забуга Е.Е. Спорные вопросы квалификации должностных преступлений / Е. Е. Забуга // Правоприменение. – 2018. – С. 66-67.
4. Иногамова-Хегай Л. В. Служебные преступления как единичные деяния и как множественность преступлений / Л.В. Иногамова-Хегай // Общество и право. – 2018. – С. 19-25.
5. Конституция Донецкой Народной Республики от 11.09.2015 г., № 92-ІНС // Верховный Совет Донецкой Народной Республики. – 2015. – ст. 45-46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 09.06.2021).
6. Сорочкин Р.А. Управленческие функции и понятие должностного лица как субъекта коррупционного преступления / Р.А. Сорочкин // Пролог: журнал о праве. – № 1. – 2021. – С. 79-87.
7. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 № ВС 28-1 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (дата обращения: 09.06.2021).

